

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ АВТОНОМНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«САМАРСКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ ИМЕНИ АКАДЕМИКА С.П. КОРОЛЕВА»
(Самарский университет)

Факультет филологии и журналистики

Кафедра русского языка и массовой коммуникации

Актуальные проблемы лингвистики XXI века

Сборник научных статей,

*посвященный юбилею Людмилы Борисовны Карпенко,
доктора филологических наук, профессора*

Самара
2023

УДК 81
ББК 81.2Р
А 43

Р е ц е н з е н т ы :

Пентковская Татьяна Викторовна,
доктор филологических наук, профессор Московского государственного
университета имени М.В. Ломоносова;
Бакалова Зинаида Николаевна,
доктор филологических наук, профессор Самарского государственного
социально-педагогического университета

А43 **Актуальные проблемы лингвистики XXI века : сборник научных статей, посвящ. юбилею Л.Б. Карпенко, д-ра филол. наук, проф. / отв. ред. Н.А. Илюхина. – Самара: Самарская гуманитарная академия, 2023. – 256 с.**
ISBN 978-5-98996-264-8

Сборник научных статей, приуроченный к юбилею известного российского языковеда доктора филологических наук, профессора Самарского национального исследовательского университета имени академика С.П. Королева Л.Б. Карпенко, охватывает широкий круг актуальных лингвистических направлений и проблем, отражающих круг научных интересов юбиляра и некоторые направления исследований преподавателей кафедры русского языка и массовой коммуникации: традиции и новые исследовательские практики в лингвистике XXI века, универсальные и национально-языковые аспекты языка в условиях поликультурной коммуникации, категоризация и концептуализация знаний в языке и культуре, функционирование языка в научной и профессиональной коммуникации, актуальные лингвометодические проблемы в вузе и в школе.

Материалы сборника представляют интерес для специалистов, аспирантов и студентов, работающих в области филологии.

УДК 81
ББК 81.2Р

ISBN 978-5-98996-264-8

© Самарский университет, 2023
© Авторы, 2023
© Оформление. Центр
периодических изданий
Самарского университета, 2023

СОДЕРЖАНИЕ

Илюхина Н. А. Штрихи к портрету профессора Л. Б. Карпенко	5
Язык в условиях поликультурной коммуникации: универсальные и национально-языковые аспекты	
	7
Мокиенко В. М. Из библейской символики камня в русской поэзии	7
Веселинов Д. Теоретични основи на академичен летопис	16
Карпенко Л. Б. Сетевая межкультурная коммуникация: лингвосемиотические проблемы перевода	22
Колева К. Континуитет, этномаркер и <i>lingua mater</i> в „български остров“ на Балканите	31
Котова М. Ю. Русская пословичная картина мира тематической группы «Конфликтность» в сопоставлении с белорусскими и польскими пословицами	36
Лю С. Коммуникативно-прагматический комплекс как единица прагмалингвистики	42
Романова Т. П. Традиции словесной номинации в сфере российских вооружений	46
Стародубцева Н. А. Лексика сферы домашнего обихода в речи украинских переселенцев и процессы межъязыкового взаимодействия на территориях смешанного проживания населения Волгоградской области	54
Супрун В. И. Имя <i>Людмила</i> в славянских лингвокультурах	61
Тупикова Н. А. Этноразноязыковая и функциональная специфика лексикона диалектоносителей в пунктах смешанного проживания донских казаков и украинских переселенцев	70
Шкапенко Т. М. «Йес!» contra «Ура!»: два междометия – два мира	77
Категоризация и концептуализация знаний в языке и культуре	
	81
Крючкова Н. В., Крючкова О. Ю. Культура, идеология, жанр как факторы дискурсивного варьирования концепта	81
Илюхина Н. А. Категоризация знания в свете разных типов лексико-семантических парадигм	88
Мунджал Г. Сравнительный анализ словообразования количественных числительных в санскрите, русском, хорватском и польском языках	94
Баракат К. П. Концепт «Жизнь» в исследованиях российских лингвистов	103
Будейко В. Э. Диалектика буквы: аналоговая / кодовая модель	109
Головань Н. В. Концептуализация осени в художественном дискурсе (в аспекте изменений в растительном мире)	117
Дерюгина Д. А. Пропозициональные модели метонимии как способ обозначения лица в разговорной речи	125
Рябкова Ю. Е. Специфика выражения пространственных отношений при помощи существительных с локативной семантикой	130
Сунь Ф. Особенности употребления предикатов социального состояния в медиатекстах экономического содержания	135

Тимошина Д. В. Опыт реконструкции некоторых корневых гнезд с этимологическим корнем *sygd- по данным русского литературного языка и русских народных говоров	141
Лингвистика XXI века: объекты и исследовательские практики	147
Киселева Л. А. Языковой образ Родины в современных медиатекстах	
Харьковская А. А., Коломиец Н. А. Концепт “artificial intelligence” в терминах корпусной лингвистики	153
Бугакова Н. Б. Ономастикон повести А. Платонова «Джан»	161
Гайнутдинова А. А. Когнитивно-дискурсивный подход в изучении метонимии в рекламе	167
Дмитриева Т. В. Сопоставление регулярных дериватов в поэзии И.А. Бродского и А.А. Тарковского (стилистический аспект)	172
Митина А. П. Языковая личность ученого-лингвиста (синтаксический аспект)	176
Темникова Н. Ю. Россия vs Европа в повести В.А. Соллогуба «Тарантас» (лингвистический аспект)	183
Шумкина И. В. Лексическая замена как способ трансформации цитат и крылатых выражений из бардовской песни в прессе	190
Язык в научной и профессиональной коммуникации	197
Лунева Л. П. Риторическая культура преподавателя как условие коммуникативной эффективности	197
Дегальцева А. В. Речевая культура сотрудников электронных СМИ Саратовской области	203
Безрукова А. А. Функционирование номинативного словосочетания <i>искусственный интеллект</i> в русском языке новейшего времени	208
Зарипова В. М. Коммуникативные стратегии в эпистолярном дискурсе	214
Николаева Н. Г. Русская терминология анатомии: этимологический аспект	221
Актуальные лингвометодические проблемы	227
Горлова Е. А. Речевые ошибки в СМИ: опыт анализа современных публицистических текстов студентами СамГТУ	227
Гриднева Н. А. Языковая игра в обучении русскому языку как иностранному (уровень А1-А2)	232
Ефремова Н. В., Панченко Д. В. Коммуникативный код развития профессиональной речи иностранных студентов-медиков в рамках стилистической трансформации текста	236
Чаусова О. В. Реализация исторического принципа обучения в современных школьных учебниках по русскому языку	241
Чернявская Н. А. Проблемы обучения магистрантов основам лингвистической экспертизы	247

Людмила Борисовна Карпенко,
доктор филологических наук, профессор

*Самарский национальный исследовательский университет
имени академика С.П. Королева*

ШТРИХИ К ПОРТРЕТУ ПРОФЕССОРА Л.Б. КАРПЕНКО

Вся профессиональная жизнь Людмилы Борисовны Карпенко, доктора филологических наук, профессора, неразрывно связана с Самарским университетом.

Она пришла на кафедру русского языка Куйбышевского государственного университета в сентябре 1976 года выпускницей славянского отделения Ленинградского государственного университета.

Прошедшие 46 лет вместили много крупных событий ее личной, профессиональной и нашей общей жизни, эпохальных социальных, культурных, идеологических изменений. В этот непростой период жизни страны, системы образования, университета и кафедры проходило становление известного ученого, многогранной личности профессора Л.Б. Карпенко.

Спектр ее научных интересов довольно широк – включает славяноведение, сравнительное славянское языкознание, кирилломефодиевистику, палеославику, лингвосомиотику, лингвокультурологию, историю русского языка и другие области. В последние десятилетия она активно разрабатывает вопросы аксиологии языка и культуры.

Результативность ее научной работы измеряется более чем 350 публикациями: монографиями («Глаголица – славянская священная азбука», Самара, 1999; «Сказание Черноризца Храбра “О письменах”», Самара, 2003; «Священная азбука Кирилла», Самара, 2004, 2006; «Как создавалась славянская письменность», Самара, 2004; «Онтология славяно-русского письма», Самара, 2016), статьями, пособиями.

Результатами своих исследований профессор Л.Б. Карпенко делится с учеными на многочисленных научных форумах – отечественных и зарубежных. Среди последних – конференции в Болгарии, Польше, Греции, Черногории, Италии, Китае, Индии и других странах.

Творческая сторона личности Людмилы Борисовны Карпенко в полной мере проявляется в ее преподавательской деятельности. Она ведет широкий круг дисциплин, прежде всего курсы историко-славистического цикла: в разные годы это введение в славянскую филологию, история русского языка, болгарский язык, сопоставительная грамматика славянских языков, история славянской письменности, письмо как семиотическая система, лингвистика как полипарадигмальная наука и другие. Целый ряд курсов имеет характер авторских, в том числе прежде всего курс по истории славянской письменности, разработанный на основе докторского диссертационного исследования.

Профессор Л.Б. Карпенко успешно руководит исследовательской работой молодых ученых – студентов, магистрантов и аспирантов. Среди ее

выпускников – многие сотни учителей, преподаватели, ученые, журналисты, редакторы, специалисты в сфере рекламы и связей с общественностью.

Разностороннюю работу Людмила Борисовна ведёт в Самарской православной духовной семинарии как заведующий кафедрой классического и зарубежного языкознания, а также по этой линии – в Самарской области и за ее пределами: проводит заседания секции церковнославянского языка на ежегодных Международных Рождественских чтениях, публикуется в центральных зарубежных и отечественных изданиях, в том числе в журнале РАГС при Президенте РФ «Государство, религия, Церковь» и других.

На протяжении 30 лет она проводила ежегодные Кирилло-Мефодиевские чтения в Самаре, которые берут начало в заседаниях студенческого кружка «Славянские пятницы».

Л.Б. Карпенко регулярно выступает в средствах массовой коммуникации с просветительскими беседами, раскрывающими историю славянских духовных связей, славянской письменности.

В Самарском университете Людмила Борисовна является членом диссертационного совета по филологии, входит в состав редколлегии научного журнала «Вестник Самарского университета», включенного в перечень рекомендованных ВАК РФ. В течение 30 лет является председателем профсоюзного бюро филологического факультета, членом профкома Самарского университета.

Многогранная работа профессора Л.Б. Карпенко отмечена рядом наград, среди них – Почетная грамота Министерства образования и науки Российской Федерации (2010 г.), Диплом Союза женщин России в номинации «Женщина-ученый» (2002 г.), Медаль Русской Православной Церкви преподобного Сергия Радонежского I степени «Во внимание к вкладу в подготовку Всероссийского Дня славянской письменности и культуры» (2004 г.), Наградной знак II степени святых равноапостольных Кирилла и Мефодия учителей словенских «За труды на ниве православной культуры и просвещения» (2013 г.), Медаль «100 лет профсоюзам России», Почетная грамота за активную многолетнюю работу в профсоюзе работников народного образования и науки РФ (2009 г.).

Широта научных интересов профессора Л.Б. Карпенко и ее научные связи с коллегами из российских и зарубежных университетов, соратниками по Самарскому университету отражены в сборнике научных статей, приуроченном к юбилею ученого.

Н.А. Илюхина,

зав. кафедрой русского языка и массовой коммуникации
Самарского национального исследовательского университета
имени академика С.П. Королева,
доктор филологических наук, профессор

ЯЗЫК В УСЛОВИЯХ ПОЛИКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ: УНИВЕРСАЛЬНЫЕ И НАЦИОНАЛЬНО-ЯЗЫКОВЫЕ АСПЕКТЫ

УДК 811.161.1'276.1 "1690/1731"

ИЗ БИБЛЕЙСКОЙ СИМВОЛИКИ КАМНЯ В РУССКОЙ ПОЭЗИИ

Исследование выполняется за счет гранта Российского научного фонда (проект №23-18-00252, реализуемый в Санкт-Петербургском государственном университете).

В.М. Мокненко

*Санкт-Петербургский государственный университет,
г. Санкт-Петербург, Российская Федерация*

Статья посвящена юбилею профессора Самарского университета Людмилы Борисовны Карпенко. В двух очерках раскрывается символика слова *камень* в составе крылатых выражений библейского происхождения. Особое внимание уделено анализу поэтического употребления крылатых выражений *камень преткновения* и *бросать камень*. Их индивидуально-авторское прочтение оригинально, но все фразеологические трансформации довольно типичны для судьбы библеизмов.

Ключевые слова: крылатые слова, крылатые выражения, фразеологические единицы, библеизмы, индивидуально-авторские преобразования.

... Не жертва, не искупление в искусстве,
а свободное и радостное подражание Христу
– вот *краеугольный камень* христианской эстетики.
Искусство не может быть жертвой,
ибо она уже совершилась, не может быть искуплением,
ибо мир вместе с художником уже искуплен,
– что же остаётся? Радостное богообщение...
О. Мандельштам. Пушкин и Скрябин

Мы, слависты Ленинградского / Санкт-Петербургского университета были счастливыми свидетелями того, как со студенческих лет выпускница кафедры славянской филологии Людмила Черкунова увлеклась проблемой деяний Кирилла и Мефодия и судеб кириллицы. Теперь, когда молодая

профессор Людмила Борисовна Карпенко уже давно известна несколькими фундаментальными монографиями (Карпенко 1999, 2004, 2005, 2016) и неисчислимым числом статей на эту тему, нам выпадает не менее счастливая доля – посвятить Ей Юбилейную Здравницу. Не обладая достаточной компетенцией в совершенном владении ее любимой глаголицей, автор этой здравницы тем не менее избрал тему, близкую и Кириллу и Мефодию, и Людмиле Борисовне. Избрал, чтобы в рамках неглаголических «Требований к оформлению статьи» связать Юбилей самарской славистки с библейской тематикой. И, как представляется, сакральная символика **камня** в призме отечественной поэзии в какой-то мере гармонирует с ныне отмечаемым в Самаре торжеством.

Понятно, что символика **Камня** в человеческой культуре с древних времен обогащалась все новыми и новыми коннотациями, бережно хранимыми в языковых кладовых (Brewer 2004, 1128-1129). В Священном Писании обозначение этой культурологемы многоярусно. Не случайно «Библейская энциклопедия Брокгауза», будучи не в силах охватить всю масштабность символики этого концепта в одной словарной статье, распределяет ее по различным рубрикам: Драгоценные камни, Известь, Мрамор, Краеугольный камень, Крепость, укрепление, Ремесло, Дом, строительство дома, Стена, Колодец, Гробница, Гроб Иисуса, Граница, предел, Памятник, памятный знак, Столб (столп), Праща (Ринекер, Майер 1999, 443). Столь впечатляющая символическая широта понятна. Ведь **Камень** – «один из первоэлементов мира (наряду с землей, водой, огнем, воздухом); символ «мертвой» природы» (Е.Е. Левкиевская, С.М. Толстая – СД 2, 448).

В поэтическом воображении этот символ воскресает из каменного омертвления и обретает особую жизненную силу. Особенно, если стихотворцы обращаются к крылатым выражениям из Священного Писания. В нашем «Толковом словаре библейских выражений и слов» (Лилич, Мокиенко, Трофимкина 2010, 254-259) сделана попытка описать наиболее устойчивые в русском языке крылатые обороты с компонентом *камень*: *бессловесный камень, бросать / бросить (кидать / кинуть) камень (каменя, камнем) в кого; пускать камень (камнем) в кого, дать камень вместо хлеба; камень преткновения; краеугольный камень; положить краеугольный камень чего, чему; сеять на камне; время разбрасывать камни и время собирать камни; не оставлять / не оставить камня на камне; камня на камне не останется (не осталось)*. Свидетельством их активного употребления были и остаются литературные и публицистические контексты, обилие которых в русском национальном корпусе, как сейчас говорят, «зашкаливает».

Особо креативно при этом обращение к таким библеизмам у наших поэтов, где «каменная» символика нередко становится сюжетом всего

стихотворения. Достаточно вызвать в памяти стихотворение М.Ю. Лермонтова «Нищий»:

Куска лишь хлеба он просил,
И взор являл живую муку,
И кто-то *камень* положил
В его протянутую руку...

Почти всегда, когда в поэтическом воображении является такой библейский символ, он обретает не только сюжетное обновление, но и индивидуально-авторское преобразование. Одна из попыток поверить лексикографической «алгеброй» такую поэтическую «гармонию» делается в словаре «Фразеология в русской поэзии XIX-XXI вв.» (Мелерович, Мокиенко, Якимов 2016), две зарисовки интерпретационного опыта библеизмов из которого ниже представлены.

КАМЕНЬ ПРЕТКНОВЕНИЯ.

Это книжное выражение хрестоматийно известно во всех европейских языках как обозначение препятствий, помех, затруднений, на которые кто-либо наталкивается при выполнении, осуществлении чего-л. Каждому известно и его происхождение, ибо оно встречается во многих местах Ветхого (напр., Исая, 8, 14 и др.) и Нового (Рим 9, 31-33 и др.) Заветов. Ср.: Ср. Рим 9, 31-33: «А Израиль, искавший закона праведности, не достиг до закона праведности. Почему? потому что искали не в вере, а в делах закона; ибо преткнулись о *камень преткновения*, Как написано: «вот, полагаю в Сионе *камень преткновения* и камень соблазна; но всякий, верующий в Него, не постыдится». О заложенный в Сионе *камень преткновения* (т.е. спотыкались) неверующие, не желающие соблюдать законы люди, и Библия предостерегает от такого губительного соблазна.

Показательно, что в поэзии это предостережение воспринимается как противопоставление «чувства и долга», т.е. род некоего фаустовского «духоборства». Не случайно библеизм в таких случаях сопрягается (или, скорее, противопоставляется) «дерзанью и напору»:

Спасибо за *дерзанье и напор*,
сдвигающие камень преткновения,
спасибо за волшебные мгновенья
свиданья с Катериною моей.

Ю. Левитанский, «Я дьяволу душу не продал...»

К этому же противопоставлению поэт возвращается и в другом своем стихотворении, уже не в виде развернутой метафоры, а в составе аллегории:

Славный город Виттенберг,
ты и поздний, ты и ранний
не отверг моих стараний
и надежд не опроверг.

Я по улицам твоим
Вместе с Фаустом шатался,
суть вещей постичь пытался
с милым доктором моим.

...

Фауст был отменно мил,
как его (o meine Mutter!)
здесь когда-то Мартин Лютер
поносил и проклинал.

Я ж не смел, да и не мог
прикоснуться к этой ране...
Мирно спали лютеране,
плыл над крышами дымок.

В тиглях плавился металл,
и над **камнем преткновенья**
дух борьбы и дерзновенья
безбоязненно витал.

Ю. Левитанский, «Славный город Виттенберг...»

Любопытно, что такое высокое прочтение библеизма на фоне фаустовского богоборчества может вызвать и шутивно-ироническую дисгармонию в виде «противопологания противопологанию». Такова аллюзия в одном из «Гариков на каждый день» И. Губермана:

Боюсь, что он пылает даром,
наш дух борьбы и дерзновения,
коль скоро делается паром
при встрече с **камнем преткновения.**

Находятся, впрочем, и поэты, которые примиренчески пытаются примирить противоречие между созидательной символикой камня как строительного материала и камня преткновения как разрушительной преграды такому созиданию. Так, В. Соколов в стихотворении «Зеленая Рила...» мечтает «сложить из камней преткновенья» свое собственное «прекрасное зданье», чтобы оно – и здесь снова аллюзия на «Фауста» И.В. Гёте – «как древо жизни вечно зеленело»:

И взял я в мечтанье
В часы своего восхожденья –
Прекрасное зданье
Сложить из камней преткновенья.

Навек. Чтобы оно
Зданье как надо служило.
Чтоб *вечнозеленое*
Древо с камнями дружило.

Увы, гармонический симбиоз *камня* и *дерева* – лишь поэтическая мечта. Мечта уже и потому, что экскурс в древнейшую фразеологию с компонентами, их обозначающими (Janda 1999), убедительно демонстрирует их несовместимость.

Действительно: дружба камня с деревом невозможна. Невозможна уже и потому, что такая дружба грозит зеленому дереву окаменением. А окаменев, оно, как и камень, превращается в преграду – в орудие *спотыкания*. Именно такой образ рисует М. Цветаева в стихотворении «Куст»:

Чего не видал (на ветвях
Твоих – хоть бы лист одинаков!).
В моих *преткновения пнях*
Сплошных *препинания знаках?*
Чего не слышал (на ветвях
Молвы не рождается в муках!),
В моих *преткновения пнях,*
Сплошных *препинания звуках?*

Пень преткновения – это и есть окаменение живого древесного ствола, порог, за которым жизнь превращается в вечную безжизненность, в знак *препинания*, решительно разграничивающий «до» и «после», прошлое и настоящее.

БРОСАТЬ КАМЕНЬ *в кого*

Если библейская символика *камня преткновения* требует особого теологического комментария, то расшифровка внутренней формы выражения *бросать камень в кого* ‘осуждать, обвинять, чернить, порочить кого-л.’ прозрачна и до сих пор актуальна на протестных демонстрациях, где бумажник, как известно, становится «орудием пролетариата». При этом, конечно, побивание (т.е. забрасывание кого-л. до сильных ушибов или смертельного исхода) камнями в Древней Иудее имело свою узаконенную специфику: оно было одним из видов публичной казни осуждаемых. Само выражение поэтому возникло на основе Евангелия. Ср. Ин 8, 4-7: «Сказали

Ему: Учитель! эта женщина взята в прелюбодеянии; А Моисей в законе заповедал нам *побивать* таких *камнями*: Ты что скажешь? ... Когда же продолжали спрашивать Его, Он восклонившись сказал им: кто из вас без греха, первый *брось на нее камень*». Первая часть этой фразы, обращенной Иисусом к книжникам и фарисеям, – *кто из вас без греха* – часто опускалась в речи, что способствовало тому, что слово *первый* стало относиться не к людям, а к камню – *бросить первый камень*. Хотя сам фразеологизм заимствован из старославянского, его вариант с глаг. *бросить* возник уже в русском языке. Это доказывается тем, что этот глагол является собственно русским и в памятниках известен лишь с XVII в. (Бирих, Мокиенко, Степанова 2007, 280-281). Выражение – интернационализм, известный многим языкам, напр.: укр. *кидати/кинути камінь (каменя, каменем, камінням) на кого, в кого, у кого*; бел. *каменем (камень) кінуць*; х./с. *bacati/ baciti kamen (kamenem)*; пол. *rzucać kamieniem*; нем. *einen Stein auf j-n werfen (schleudern)* и т.п.

Прозрачность исходного образа и аллюзии на древнеиудейский обычай и евангельскую притчу делают фразеологизм притягательным объектом самых разнообразных индивидуально-авторских преобразований. У некоторых поэтов он обретает особую популярность – видимо, из-за их особой ранимости к несправедливым ударам современных книжников и фарисеев. У С. Есенина, например, это выражение эмоционально заострено окказиональным расширением его компонентного состава:

Мне нравится, когда **каменя брани**
Летят в меня, как град рыгающей грозы,
Я только крепче жму тогда руками
Моих волос качнувшийся пузырь.
С. Есенин, «Исповедь хулигана»

В поэме «Пугачев» С. Есенин употребляет это выражение почти в первоизданном библейском виде, в то же время наполняя его иным ситуативным смыслом:

Сторож. Я говорю, что скоро грозный крик,
Который избы, словно жаб, влакал,
Сильней громов раскатится над нами.
Уже мятеж вздымает паруса,
Нам нужен тот, **кто первый бросил камень**.
С. Есенин, «Пугачев»

Если в Евангелии Иисус своим вопросом побуждает окружающих задуматься над оправданностью побивания камнями Марии Магдалены и оста-

новить наказание, то сторож в поэме С. Есенина, наоборот, ищет виновника – зачинщика мятежа.

В той же поэме бросание камня *в кого* трансформируется в бросание камня *кому* – в духе стихотворения М.Ю. Лермонтова о нищем, просящем подаяния:

Шигаев. Словно слепец, от ватаги своей отстав,
С гнусавой и хриплой дрожью
В рваную шапку вороньего гнезда.
Просит она на пропитанье
У проезжих. Но *никто ей не бросит даже камня.*

Здесь расширение компонентного состава фразеологизма сопровождается его морфологической и синтаксической трансформацией.

Весьма близок этому типу преобразования и странный, на первый взгляд, вариант *бросить камень в смех* ‘бросить камень в насмешку голодной собаке, просящей «подачку»’, инкрустируемый как сравнение в развернутой метафоре:

И глухо, как от подачи,
Когда *бросят ей камень в смех,*
Покатились глаза собачьи
Золотыми звездами в снег.

С. Есенин, «Песнь о собаке»

Для большинства поэтов наш библеизм служит своеобразным манифестом, обращенным к своим антагонистам, не только не понимающим, но и жестоко обвиняющим и очерняющим служителей Слова. Яркий пример этому – строки известного стихотворения М.Ю. Лермонтова «Пророк», воссоздающего атмосферу ветхозаветного поругания глашатаев божественной истины:

Провозглашать я стал любви
И правды истинной ученья:
В меня все ближние мои
Бросали бешено каменья.

М.Ю. Лермонтов, «Пророк»

Расширение компонентного состава фразеологизма и его морфологическое и словообразовательное изменение здесь усиливает экспрессивность исходного образа, оживляя его.

От побивания камнями поэт может оградиться лишь башней уединения, которая подобна известной башне из слоновой кости. Именно так поступает А. Ахматова:

*Так много камней брошено в меня,
Что ни один из них уже не страшен,
И стройной башней стала западня,
Высокою среди высоких башен.*

А. Ахматова, «Уединение»

Развернутая метафора в этом поэтическом экскурсе обогащается и внутренней синтаксической трансформацией.

Нередко само изображение поэта (гесп. поэтессы) рисует его потенциальных антагонистов. И тогда он сам бросает им вызов, демонстрируя свое бесстрашие и отстаивая свою поруганную честь:

*Брось камень тот, кто без греха,
В бесстыдство моего стиха.*

Ж. Столярова, «Моя честь»

Слово *бесстыдство* здесь – явная аллюзия на евангельский сюжет о Марии Магдалене.

В отличие от своих поругателей, поэт, ограждая себя духовным уединением, никогда сам не бросает камней – ни в своих противников, ни в свою родину, какой бы суровой ипостасью она к ним ни поворачивалась:

*Но ни в кого не брошу я ни камня,
Осенним солнцем до того согрет,
Что кажется, бывает иногда мне
Не только сто, а много тысяч лет.*

Л. Мартынов. «Еще шалят по-летнему одеты...»

*Я ль в тебя посмею бросить камень?
Осужу ль страстной и буйный пламень?*

М. Волошин, «Святая Русь»

Поэтическая метафора брошенного камня может возвышаться до знаковой аллегорической идеологемы о противоборстве истинного и ложного. Именно такой высоты достигает В. Высоцкий в «Притче о Правде и Лжи», написанной в подражание Булату Окуджаве, где ветхозаветный образ актуализируется обращением к еще недавним советским реалиям:

*Нежная Правда в красивых одеждах ходила,
Принарядившись для сырых, блаженных, калек, –
Грубая Ложь эту Правду к себе заманила:
Мол, оставайся-ка ты у меня на ночлег.*

*И легковверная Правда спокойно уснула,
Слюни пустила и разулыбалась во сне, –*

Грубая Ложь на себя одеяло стянула,
В Правду впилась – и осталась довольна вполне.

И поднялась, и скроила ей рожу бульдожью:
Баба как баба, и что ее ради радеть?! –
Разницы нет никакой между Правдой и Ложью,
Если, конечно, и ту и другую раздеть.

...

Правда смеялась, когда *в нее камни бросали*:
«Ложь это все, и на Лжи одеянье мое...»
Двое блаженных калек протокол составляли
И обзывали дурными словами ее.

Стервой ругали ее, и похуже чем стервой,
Мазали глиной, спускали дворового пса...
«Духу чтоб не было, – на километр сто первый
Выселить, выслать за двадцать четыре часа!»

Тот протокол заключался обидной тирадой
(Кстати, навесили Правде чужие дела):
Дескать, какая-то мразь называется Правдой,
Ну а сама – пропилась, проспалась догола.

Два очерка о поэтическом перевоплощении крылатых выражений *камень преткновения* и *бросать камень*, несмотря на оригинальность их индивидуально-авторского прочтения, довольно типичны для судьбы библеизмов. Узнаваемость их сюжетов неизменно будоражит творческое воображение поэтов и вдохновляет их на новое, освежающее прочтение Библии. Воображение авторов сборника, посвященного Юбилею профессора Людмилы Борисовны Карпенко, столь же взбудоражено ее исследованиями глаголических деяний наших Первоучителей Кирилла и Мефодия. И, поздравляя Исследовательницу-Юбиляра, мы желаем ей успешного шествия по некогда ею избранному пути – пути богообщения.

Библиографический список

1. Бирих А.К., Мокиенко В.М., Степанова Л.И. Словарь русской фразеологии. Историко-этимологический справочник. Под ред. проф. В.М. Мокиенко. 4-е изд., стереотипн. М.: Астрель: АСТ: Люкс, 2007. 926. [2] с.
2. Карпенко Л.Б. Глаголица – славянская священная азбука : (Семиотический анализ в контексте Библии) / Л.Б. Карпенко; Сам. гос. ун-т, Сам. гуманитар. акад. Самара: Изд-во Сам. гуманитар. акад., 1999. 196 с.
3. Карпенко, Л. Б. Священная азбука Кирилла / Л. Б. Карпенко. Самара : Офорт, 2004. 218 [9] с.
4. Карпенко Л.Б. Священная азбука Кирилла. Самара: Офорт, 2006. 228 с.

5. Карпенко Л.Б. *Онтология славяно-русского письма*. Самара, Россия: Издательство «Самарский университет», 2016. 159 с.
6. Лилич Г. А., Мокиенко В. М., Трофимкина О.И. *Толковый словарь библейских выражений и слов: ок. 2000 единиц* / В.М. Мокиенко, Г.А. Лилич, О.И. Трофимкина. М.: АСТ : Астрель, 2010. 639, [1] с.
7. Мелерович А. М., В.М. Мокиенко, Якимов А.Е. *Фразеология в русской поэзии XIX–XXI вв. Словарь: опыт лексикографической систематизации употреблений фразеологизмов в русской поэзии*. Под научн. ред. В.М. Мокиенко. Кострома: КГУ им. Н.А. Некрасова, 2016. 528 с.
8. Ринкер Фритц, Майер Герхард: *Библейская энциклопедия Брокгауза: Christliche Verlagsbuchhandlung Paderborn*, 1999. 1089 S.
9. *Славянские древности. Этнолингвистический словарь* под редакцией Н.И. Толстого. Т. 1. А–Г. М.: «Международные отношения», 1995. 584 с.; т. 2. Д–К (Крошки). М.: «Международные отношения», 1999. 697 с.; т. 3. К (Круг)–П (Перепелка). М.: Международные отношения, 2004. 704 с.; т. 4. – т. 5. М.: Международные отношения, 2013. (СД).
10. *Brewer's Dictionary of Phrase and Fable*. First published 1870. Millennium edition. Revised by Ardian Room. London: Cassel and Co, 2004. 1293 p.
11. Janda Michael. *Über „Stock und Stein“: die indogermanischen Variationen eines universalen Phraseologismus* / Michael Janda. (= Münchener Studien zur Sprachwissenschaft: Beiheft; N.F., 18). Dettelbach: Röhl, 1997. 210 S.

УДК 80

ТЕОРЕТИЧНИ ОСНОВИ НА АКАДЕМИЧЕН ЛЕТОПИС

Д. Веселинов

*Софийски университет «Св. Климент Охридски»
г. София, Република България*

Разгледани са теоретичните основи на академичното летописване. Обосновано е, че историографската реконструкция на многоаспектната дейност на всеки водещ образователен и изследователски академичен център предполага използването на строг теоретичен набор от принципи: събитийност, фактологичност, прозопография.

Ключови думи: историография, теоретични основи, принципи, събитийност, фактологичност, прозопографично начало.

Всяка академична годишнина е повод за размисъл върху миналото, настоящето и бъдещето на изследователската и преподавателска дейност. Отбелязването е свързано с проследяване на историята на академичната

институция, анализ на съвременната ѝ активност и прогнозиращ поглед към нововремието, което настъпва с неочаквано бърз темп. Историографското реконструиране на многоаспектната дейност на всеки водещ образователен и изследователски академичен център предполага използването на строг теоретичен набор от принципи, които да гарантират безпристрастност и обективност в представянето му. Целта на конкретен летопис, имащ амбицията да представи в хронологичен план развитието на дадена научно-преподавателската и институционно-административна история, е да бъде автентичен и верификативно коректен. Теоретичните принципи за изграждането на академичен летопис са събитийност, фактологичност и прозопографичност.

Събитийността се актуализира в летописното описание като институционална, научно-творческа и учебно-преподавателска проекция на процесите, определили историята на академичната институция. Първата проекция е свързана с откриване на катедри, секции или специалности, втората – с развитието на изследователски области, а третата – с въвеждане на новаторски курсове или изследователски планове.

Фактологичността се регистрирана в своята патримониална проява (конгреси, конференции, симпозиуми, основополагащи публикации), административна реализация (избори на академично ръководство на различни нива), научно-приложна актуализация (издаване на книги и реализиране на академични проекти) и преподавателска изява (изнасяне на въстъпителни или програмни за съответната специалност или изследователско направление лекции).

Прозопографичното начало се представя в летописните хроники чрез своята научно-изследователска аспектиалност (докторати, хабилитационни трудове), биографична аспектиалност (представяща животописни данни) и административно-управленческа аспектиалност (фиксираща заемани длъжности и почетни награди).

Обектът на изследване е историята на конкретна академична институция, разглеждана като образователно-проучвателен център. Предмет на изследване са събитията, фактите и личностите, маркирали развитието на академичната институция през годините, и разностранната дейност на градителите на академичния патримониум. Основно предимство на летописния подход е неговият интегративен характер. Той дава възможност богатата дейност на отделните звена (институти, факултети, секции, катедри и др.) да се осветлява в паралелен план, което позволява да се открият и илюстрират игнорирани до този момент тенденции в развитието на филологическата наука. От една страна се вижда процесът на изграждане на класическото и модерно езиковедие, литературоведие (история, теория и критика), страноведие, традуктология, етнография,

лингводидактология, епиграфика, палеография, ареална диалектология, емпрунтология и пр. От друга страна се проследяват в хронотопен план търсенията на университетските преподаватели по отделните специалности с възможност за съизмерване на постиженията и открояване на отделните приноси, дали нова ориентация в развитието на университетската наука и преподаване. Ясно се очертават опитите за създаване на школи във филологическите факултети или институти и в същото време се виждат разнопосочните индивидуални изследователски пристрастия, които, макар и в определени случаи оказионални, маркират перспективи за следващо доразработване и актуализиране. Чрез летописа се изгражда своеобразно топографско експлициране на конкретната филологическа дейност с подчертано единство в многообразието си.

Включването на информация за научни изследвания (студии, дисертации и хабилитационни трудове), академични граматика, речници, университетски учебници, системни курсове, христоматии, художествени и специализирани преводи (от чужд език на български и от български на чужд език), придават строгост на публикационната дейност на конкретната институция. Студиите и монографиите трасират основните моменти в развитието на научно-изследователската дейност и илюстрират процеса на етапно конституиране на проучвателни приоритети в разработването и изследването на отделните филологически направления. Независимо от често нелекия път до създаване на нова катедра или институтска секция анализът би трябвало да покаже дали те стартират уверено и дали се забелязва видим напредък в изследователската област през различните години от функционирането им. Ускоряването на научно-изследователската дейност обаче е свързано не само с необходимостта от разработване на системни курсове за новооткритата специалност, но и с повишената конкурентност между отделните звена. Утвърждаването на изследователите и преподавателите е съпътствано с апробиране на новаторски виждания за усъвършенстване на учебния процес и оптимизиране на изследователската работата. Особено важни се оказват встъпителните лекции на новохабилитираните преподаватели, които умело съчетават историческия обзор с перспективите за развитие на дисциплина, направление, специалност. Програмните лекции на основателите на отделните катедри или институтски секции очертават целите и задачите на конкретната филология и специалност, а встъпителните изяви на университетските преподаватели от следващите поколения определят основните направления в непрекъснатото разширяващия се изследователски спектър на съответната катедра или секция.

Публикуването на епиграфски корпуси и преводни документални извори са особено важни академични издания, позволяващи да се проследят културно-исторически връзки, и напълно закономерно са сред постоянните приоритети. Академичните преводи, направени от

университетски преподаватели, позволяват да се проследи приносът на конкретна общност или колегия за развитието на дадена национална култура. Засиленото превеждане на утвърдени автори (писатели, учени, политици и др.) на чужд език пък показва националната политика в разпространението на конкретен патримониум. Важен и показателен е списъкът на представителите на световната класика, които се превеждат от старогръцки (Есхил, Софокъл, Еврипид, Аристофан, Езоп, Платон, Плутарх, Теофраст и др.), латински (Вергилий, Петроний, Плавт, Сенека, Тацит, Цицерон, Ювенал и др.), френски (Пиер Корней, Жан Расин, Молиер, Бернаден дьо Сен-Пиер, Фромантен, Шатобриан, Оноре дьо Балзак, Анри Бордо, Пол Бурже, Иполит Тен и др.), английски (Уилям Шекспир, Уолтър Скот, Томас Харди, Роберт Стивънсън, Майн Рид, Ърнест Хемингуей и др.), есперанто (Л. А. Заменхов и др.), испански (Мигел де Сервантес, Лисандро Отеро и др.), китайски (Джоу Ли Бо, Ся Ян, Чжан Юй, Ли Ин-Жу, Ян Мо, Ян Цзюй и др.), немски (Йохан В. Гьоте, Лесинг, Фридрих Шилер, Гьон де Фрис, Херман Зудерман, Карл Маркс, Фридрих Енгелс, Ана Зегерс, Л. Волскопф-Хенрих и др.), португалски (Жоржи Амаду и др.), руски (В. И. Ленин, Ф. М. Достоевски, А. С. Пушкин, Й. Тронски и др.). Важен етап в издаването на открити се представители от световната културна съкровищница, е появилата се тенденция към превеждане в мерена реч (Есхил, Софокъл, Шекспир, Гьоте, Пушкин и др.). Това е един вид проява на кураж за съизмерване или по-скоро потвърждаване на потенциала на родния език върху образци от световната съкровищница.

Речниковите издания жалонират пътя на конкретната лексикологична и лексикографска наука и се явяват индикатор не само за засиленото ползване на чужда художествена, техническа и научна литература, но и за забележим подем в изследователската активност. В същото време те са и своеобразно предизвикателство за утвърждаване на колегията пред международната филологическа общност и естествен принос към световната лингвистика. Речниците са съставени съобразно изискванията на филологическото образование и постиженията на съвременната лексикография. Основата на речниковия словник традиционно отразява развитието на книжовния език и актуалния състав на неговата лексика, като към нея отделните автори прибавят подбор на архаизми, диалектизми, остарели думи (свързани с народно-битовата лексика), жаргонизми, емпрунтизми и специализирана терминология. Интерес предизвиква търсенето на междуезикови паралели при пословиците, поговорките, образната лексика и фразеология. Целта на двуезичната преводна лексикография е да се отразят изчерпателно основните широко употребителни значения на заглавните речникови единици, като редките и

специални значения се включват в речниковата статия с оглед на интензивността в употребата им. Водещ принцип е еквивалентният превод, съобразен със стилистичния пласт и съответната граматическа категория, но се допускат и описателни дефиниции при лексеми, където няма пълно семантично покритие. Безспорен принос за развитието на всяка национална двуезична лексикография са удачно подбраните, с оглед на потенциалния ползвател, илюстрации на употреба и богата вариативност при преводните съответствия. В родно-чуждоезичния тип речници, авторите се стремят да отразят живия съвременен книжовен език чрез включването на обществено-политическа лексика, неологизми, битова лексика, фразеологични съчетания и идиоматични изрази. Тази лексикографска активност недвусмислено показва, че конструирането и издаването на национални академични тълковни и двуезични речници директно стимулира и изграждането на редица съпоставителни изследвания и проекти.

Христоматиите по история и теория на отделните национални литератури и антологични сборници с художествени текстове се включват в летописна хроника, ако съдържат коментар, анотации, граматически бележки или глосар. Безспорен принос към развитието на този методически жанр, макар засега практически неизследван, са разработените системи от критерии за подбор на илюстративен текстови материал и опитите за адаптиране към потребностите на оригинални четива, гарантиращи на ползвателите целенасочено запознаване с представителна част от учебния материал. Първите дават широка възможност за проследяване и тълкуване на основни тенденции в развитието на националните литератури, а вторите – за изясняване на граматичния и лексикалния материал и за затвърдяване на знанията, като същевременно разкриват в достъпна форма различни страни от живота в съответните страни (митология, държавно устройство, народен бит и вярвания, исторически данни, постижения на материалната и духовна култура).

Университетските учебници по своята същност са събитие във всяка история на филологията и се включват в летописната хроника независимо от специалностите и адресатите, за които са предназначени. Сред тях, естествено, централно място заемат системните курсове, насочени към осигуряване на университетска подготовка по съответната филология. Първоначално при конструирането на този тип учебна литература се следва утвърдената схема на класическата нормативна граматика, предвиждаща изграждане на серия от курсове по фонетика, морфология и синтаксис. Фонетиката постепенно отстъпва място на фонологията, а морфологията и синтаксисът в определени специалности се обединяват и дават началото на интегративния по своя характер университетски курс по морфосинтаксис. Изучават се етимология, лексикология, семантика, емпрунтология и др.

Университетските граматика по отделните езици(санскрит, тракийски, старогръцки, латински, готски, английски, френски, немски, италиански, испански, китайски, турски и др.), имат за цел да отговорят на потребностите в рамките на националното висше образование, което налага сравнително по-голям обем от традиционните учебни помагала. В началото обикновено се дават кратки сведения за историята на езика, за да се получи известна представа за развитието и културно-историческото значение на съответния език. Фонетиката е разработена с различна степен на детайлизираност, но във всичките ѝ съществени явления. Важен момент е съпоставително-корективният компонент, който е крачка напред в сравнение с школските учебни издания. Основен принцип при разработването на морфологията е теоретичното обосноваване на отделните граматически категории, максимално точното и пълно определяне на всяка една от тях, което се осъществява с цел да се стимулира активното и съзнателно възприемане на съответните явления не само в чуждия, но и в родния език, а така също и за изграждане на задълбочена лингвистична култура у студентите и потенциалните ползватели. Морфологията се представя нормативно-дескриптивно, което отговаря на основната задача на университетския тип граматика. Наред с това отделни автори дават исторически обяснения на езиковите факти, с което стимулират разбирането и овладяването на формите в тяхното диахронно развитие. Често се използва сравнително-исторически материал за илюстриране на отделните явления. Включват се редица кратки сведения за преминаването на форми и явления от класическите езици в новите романски, германски, славянски и др. индоевропейски езици. Отрежда се значително място на словообразуването, което позволява овладяването на предвидените в учебните програми лексикални минимума, и т.н.

Интерес заслужават сборниците и помагалата, съдържащи комплекси от упражнения за практическо овладяване на конкретни аспекти от речевата дейност. Несъмнен принос към развитието на филологическата наука имат усилията за развитието на корективна фонетика и интонология и различните помагала, осъществени върху анализ на грешките. Сред последните издания университетски патент са така наречените «двуетичните успоредици».

Исторически се оформят няколко потока от типови лекционни курсове, които свидетелстват за творческото търсене на академичната колегия: фонетика, лексикология, морфология, синтаксис, етимология, историческа граматика, нормативна (практическа) граматика, теоретическа граматика, съпоставителя (сравнителна) граматика, емпрунтология, серия от системни курсове по история и теория на литературата, сравнителна литературна история, превод и стилистика, културна история, епиграфика и палеография,

увод в общото езикознание, сравнително езикознание, увод в педагогиката и психопедагогиката, методика на чуждоезиковото обучение и др.

УДК 347.78.034; 81'322.4

ЦИФРОВАЯ МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ: ЛИНГВОСЕМИОТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ПЕРЕВОДА

Л.Б. Карпенко

*Самарский национальный исследовательский университет
имени академика С.П.Королева
г. Самара, Российская Федерация*

Рассматривается проблема качества цифрового перевода со славянских языков на русский. Показаны ошибки на уровнях семантики, синтактики и прагматики, влияющие на качество перевода.

Ключевые слова: межкультурная коммуникация, цифровой перевод, денотативная ситуация, семантика, синтактика, прагматика.

Интенсивное распространение в настоящее время межъязыковой электронной коммуникации способствует развитию цифрового перевода, исследованию качества цифрового перевода и поиску методов его совершенствования [7, с. 297]. На начальном этапе компьютеризации лингвистический анализ понимания и перевода текста ограничивался обсуждением семантики английского предложения [7], [8]. Имеющийся сегодня опыт оценки цифрового перевода преимущественно связан с анализом качества технических текстов на основе их автоматической обработки. М. Нагао исследовал цифровой перевод на материале японского языка, используя программу, ранжирующую качество перевода сложных слов и словосочетаний [9, с. 615]. Российскими исследователями отмечена зависимость качества цифрового перевода от увеличения лексического корпуса [2, с. 95]. Перспективу совершенствования перевода связывают с созданием глобальных баз данных, ранее переведенных вручную (концепция «Example based translation» М. Нагао, перекликающаяся с популярной концепцией «Translation Memory» или «Sentence Memory») [3, с. 68-69]. Общий вывод о качестве цифрового перевода на сегодняшний день передает, скорее, разочарование в возможностях электронных инструментов адекватно передавать содержание конкретной ситуации. На наш взгляд, цифровой перевод имеет

большую перспективу, но его совершенствование невозможно без предварительного детального сопоставительного описания специфики грамматической и лексической семантики языков. В связи с тем, что цифровые программы создаются в основном на английском языке, в литературе затрагивалась его роль как языка, закрепленного в вычислительном лингвистическом мышлении [5, 2242] [6]. Однако сохраняет актуальность исследование качества цифрового перевода на материале конкретных языков. Как было показано ранее, ошибки межславянского цифрового перевода, наблюдающиеся на всех языковых уровнях, в значительной мере обусловлены влиянием английского языка-посредника [1, с. 235–236]. Цель данной статьи – выявить типологию ошибок цифрового перевода, степень зависимости смысловых потерь от типа отношений языковых знаков – семантики, синтактики, прагматики. Анализируются тексты на русском языке, переведенные электронным способом с болгарского, польского чешского и других языков, размещенные на Facebook в период с 2015 по 2021 год (перевод в социальных сетях основывается на программе «Google Translate»), а также переводы художественных текстов с использованием программы межъязыкового перевода DeepL. В исследовании применен поэтапный семантико-сопоставительный анализ оригинальных и переводных текстов, учитывающий характеристики исходного и переводящего языков, а также английского как языка-посредника.

В соответствии с развернутыми Ч. Пирсом и Ч. Моррисом аспектами семиозиса, принято различать три типа отношений в функционировании знака: 1) семантический, учитывающий отношение знака к денотату; 2) синтаксический, устанавливающий связи знаков между собой, способы их сочетания; 3) прагматический, ориентированный на отношение знаков к воспринимающему интерпретатору. При естественном, т.н. «ручном», переводе специалист, работая в пространстве двух языков, перекодирует информацию, учитывая все типы семиотических отношений, и воспроизводит содержание оригинала, исходя из ресурсов лексики и грамматики переводящего языка, а также национальных и культурно-исторических факторов. Для понимания и воспроизведения прагматики переводимого смысла большое значение имеет личный опыт переводчика и знание реальных ситуаций.

Машина не обладает всеми перечисленными возможностями, она не способна анализировать реальность и переводит, используя лишь ту информацию, которая заложена в цифровую программу. Перевод с использованием языка-посредника значительно усложняется за счет промежуточных операций перекодирования информации на язык-посредник и с языка-посредника на переводящий язык. При многократной перекодировке воз-

растает число коммуникативных потерь на всех трех уровнях – семантическом, синтаксическом и прагматическом. В итоге переведенный текст «собирает» ошибки, возникшие на разных этапах перекодирования. Проведенный нами сопоставительный анализ текстов цифрового перевода и оригиналов с учетом системных особенностей языков выявляет определенные лингвосомиотические закономерности и позволяет установить типологию ошибок цифрового перевода.

I. Семантические денотативные искажения при переводе

На уровне семантики наблюдаются ошибки денотативного и сигнификативного характера. На качестве перевода наиболее негативно сказываются искажения денотативной целостности описываемой в оригинале предметной ситуации. Денотативное значение знака применительно к высказыванию – отраженный в тексте фрагмент реального мира. Нарушая гендерные характеристики, субъектно-объектные отношения, обстоятельственные, количественные параметры ситуации, денотативные ошибки разрушают перевод. С лингвистической стороны денотативные ошибки могут иметь разную природу – и лексико-семантическую, и морфологическую, и синтаксическую.

I.1 Семантические денотативные погрешности морфологического характера обусловлены недостаточным вниманием создателей цифровых программ к грамматической специфике языков. В силу обязательного характера грамматики (А.Масперо, F.Voas, Р.Якобсон, В. Плуиан и др.) именно морфологические ошибки имеют регулярное проявление и гораздо более частотны в цифровых переводах, чем лексические.

I.1.1 Ошибки в передаче родовой соотнесенности имен, местоимений и форм прошедшего времени отражаются в нарушениях передачи пола персонажей. Ср.: *Аз живеех в отделна стая, в която преди това бе живяла стринка* (П.Вежинов.Барьерата). – *Я жила в отдельной комнате, где до этого жил дядя*. Вместо: *Я жила в отдельной комнате, где до этого жила тетя*). *Уверен съм, че щом излязох из стаята, бай Ганьо е отворил похлунаците. Я уверен, что как только я вышел из комнаты, баба Гань откряла люки!* (А.Константинов. Бай Ганьо). Такие денотативные ошибки перевода обусловлены влиянием английского языка, в котором глагол и имена не имеют категории рода.

В других случаях они могут быть обусловлены влиянием болгарского языка, оформление рода в котором имеет свою специфику: здесь производные имена с оценочными суффиксами относятся к среднему роду. Ср.: *Момиченцето сведе глава. Отидох при него и го поздравих. Усмихна се въпреки всичко, а очичките му бяха все така тъжни. – Девочка опу-*

стила голову. Я подошел к нему и поздоровался с ним. Он улыбнулся, и его глаза были так грустны (Страничка на Силвия, 23.2.2020). В русском переводе с существительным женского рода *девочка* соотнесены формы местоимений мужского рода: *к нему, с ним, он, его*. Это несоответствие не может быть объяснено влиянием английского языка, т.к. личные местоимения 3 л. и притяжательные местоимения в английском дифференцированы по роду (*he – his, she – her...*). В болгарском существительное *момиченце* относится к среднему роду, как и все слова с оценочными суффиксами. Поскольку существительные определяют род кореферентных местоимений, с *момиченце* согласованы местоимения среднего рода *при него, го, му*, которые в болгарском языке омонимичны местоимениям мужского рода. Эта омонимия отражается в русском переводе использованием местоимений мужского рода *к нему, с ним, он, его*.

При передаче родовой соотнесенности имен и местоимений ошибки в согласовании по роду наблюдаются в цифровых переводах со всех славянских языков. Ср., например, перевод с польского: *Po co zmieniac na starosc poukladane zycie? Chyba, ze nie jest poukladane. – Зачем менять устроенную жизнь в старости? Если только он не сложен* (Andrzej de Lazari, 15.11.2015). Примечательно, что такие ошибки допускает даже DeepL, позиционируемая как самая точная в мире программа электронного перевода.

I.1.2 Ошибки распознавания и передачи числа местоимений 2 лица. Коммуникативный эффект их заключается в нарушениях передачи количества действующих лиц. В таких нарушениях также сказывается влияние англоязычной цифровой программы. Отсутствие различий между местоимениями *You sing* и *You pl* в английском языке приводит к одинаково частотным ошибкам в определении числа субъекта и объекта. Фразы, выражающие обращение ко всем друзьям, переводятся как обращения, относящиеся к одному человеку (может быть и обратное): *Вие правите всеки мой ден прекрасен, благодаря ви че ви има – Ты делаешь мой каждый день чудесным, спасибо за то, что ты здесь* (Sylvie Warten, 31.03.2021). Такого рода ошибки отмечаются и в переводах с неславянских языков, например, с итальянского: *Comunico con gloria che da gennaio 2022 ho deciso di riprendere anche l'insegnamento della lingua e della cultura russa. ..Vi aspetto! – С радостью сообщаю, что с января 2022 года я решил возобновить преподавание русского языка и культуры... Я жду тебя!* (Marzia G. Dati, 1.01.2021). При переводе нарушена не только денотативная целостность ситуации, но и прагматика высказывания.

I.1.3 Отметим также регулярные ошибки в передаче славянских глагольных категорий вида, залога, времени, наклонений: *Виждате ми се*

нещо разстроен?–Ты **видишь**, что меня что-то **расстраивает**? (П.Вежинов.Барьерата); *А бе, Стойчо, я **попитай** дали знае влашки. – И, Стойчо, **спрашивае** ее, знае ли она валлийский язык; Чакай, **рекох**, да надникна. **Работете** си, нищо, аз пак ще затворя. – Подожди, **говорю**, дай възгянуть. **Работаю**, ничего, сейчас опять закрою* (А.Константинов. Бай Ганьо).

I.1.4 Развитие аналитизма вызвало грамматикализацию предлогов в болгарском языке. В цифровом переводе часты ошибки, вызванные смешением функций предлогов: *Днес някъде прочетох, че е намерен ръкопис **за масоните**.– Сегодня где-то прочитал, что **масонам** была найдена рукопись; Река, фотографирана **от Орлов мост** през 1908 г. – Река, сфотографируванна **Орлиным мостом** в 1908 году* (Страница Стара София, 4.02.2021).В следующем примере ошибки передачи значений предлогов *на* и *от* вызвали изменение смысла до противоположного: *На 6 март 1837 г. руският император Николай I възстановява **на Зографския манастир** имотите му в Бесарабия и дава компенсация **от руското правителство** в размер на 400 000 рубли. – 6 марта 1837 года российский император Николай I **восстанавливает** свои имущества в Бесарабии **в Зографском монастыре** и компенсирует **российскому правительству** в 400000 рублей* (Страница Стара София, 4.03.2020). Вместо: *...император Николай I **восстанавливает** имущество **Зографскому монастырю**.*

I.2 Семантические погрешности при переводе лексики имеют менее регулярный характер, они являются результатом неполноты описания лексики в базе данных и могут быть как денотативными, так и сигнификативными.

I.2.1 Денотативные лексические ошибки состоят в использовании в переводе слова в значении, не соответствующем контексту. Ср. перевод многозначной болгарской лексемы *закача*, одно из значений которой «повесить», а в тексте она имеет значение «приставать, настойчиво ухаживать»: *Затуй ли, че неуспял още прага на къщата им да **прескочии**, ти **ще закачиш** първо слугинята, която те посрецине в коридора! – Да потому, что, не успеv переступить порог их дома, вы первым делом **повесите** служанку, встретившуюся вам в коридоре!* (А. Константинов. Бай Ганьо).

В переводе с чешского лексема *řešeto* («решето») переведена словом *облепиха*: *Noviny říšou, milostrane, že pan arcivévoda byl jako **řešeto**. – В газетах пишут, милорд, что эрцгерцог был как **облепиха*** (J. Hašek: Osudy dobrého vojáka Švejka). Еще пример: *Na Konopišti je deset černých **práporů*** – На

Конопиште десять черных батальонов. Вместо: *В Конопиште вывешено десять черных флагов* (J. Našek: *Osudy dobrého vojáka Švejka*).

Показателен и следующий пример перевода польского текста, в котором слово *zaangażowanie* – «деятельное участие» (производное от *zaangażować* – «вовлечь, втянуть») неправомерно переведено словом *помолвка*, что создает неуместный комический эффект: *Naukowo rok kończymy wydanym dzięki zaangażowaniu archimandryty Piotra i dyr. Vitali Michalczuk oprastym tomiskiem po konferencyjnym «Wielkie Powroty».* – *Завершаем учебный год, выданный благодаря помолвке архимандрита Петра и Дыр. Виталий Михальчук знаменитым постконференционным томом «Великие возвращения»* (Monastery of St. Onufry, 31.12.2021). Вместо: *В научном плане мы завершаем год публикацией значительного тома материалов конференции «Великое возвращение», благодаря усилиям архимандрита Петра и директора Виталия Михальчука.*

Частотны ошибки, отражающие поиск программой однокорневых слов и использование частично совпадающего по буквенному составу, но неродственного слова. При описании поездки Ганю в Чехию А. Константинов использует чешскую лексему *nazdar*, что значит «привет!», которой чехи приветствовали болгар. В переводе она передается словом *наждак*, с которым не имеет соотносительных связей, кроме некоторого фонетического сходства: *Само едно голо – «наздар» – Только один голый – «наждак»...* Вместо: *Только одно сплошное «привет»!*

Зайствованное через турецкий персидское слово *гюл* [4, с.170] имеет в болгарском значение «роза»; *гюлово масло* – «розовое масло». В переводе *гюлово масло* передано словом *гуляш*: *С туй гюлово масло обикалям света – Я с этим гуляшом весь мир объездил.* Зайствованным из турецкого языка словом *мускал* [4, с. 475] называется маленький флакон с розовым маслом. В переводе вместо *мускал* использовано слово *мушкет*: *И бай Ганьо...почна да тълче мускалите зад пояса си. – И Бай Ганьо стал запихивать мушкеты за пояс.*

Погрешности перевода могут возникать вследствие ошибочного установления словообразовательных связей слова. В следующем примере *копяченце* – деминутив от слова *копяк* («копьяк») – соотносено с производящей основой *кон* («конь») и переведено словом *лошадка*: *Е дайте тогаз барем една цигарка и едно копяченце. – Ну, дайте мне сигарету и маленькую лошадку* (А. Константинов. Бай Ганьо).

Из-за сходства последовательности букв значение может ошибочно восприниматься через английский язык: *Киснем тук из кафенетата... – Мы целуемся здесь в кафе...* (А. Константинов. Бай Ганьо). Английское *to kiss* – «целовать».

I.2.2 Сигнификативные лексические ошибки, присутствующие и в цифровом переводе, объясняются тем, что в разных языках соотношение денотативных значений лексики и сигнификативных коннотаций часто не совпадает. Сигнификативные погрешности отмечаются при передаче культурологически маркированной лексики. Ср. перевод пушкинского *Там чудеса: там леший бродит... – Там гоблин се скита...* Леший в мифологии восточных славян – дух-хозяин леса. В переводе уместна была бы какая-то из болгарских лексем – *вещер, таласъм*, – а не английская, которая не соответствует ни по сигнификативным коннотациям (гоблины в западноевропейской мифологии – существа, живущие в подземных пещерах), ни по национальной окраске.

При переводе габровского юмора неудачна замена слова *ракия* лексемами *виски* и *бренди*, а слова *кръчма* – лексемой *паб*. В этих примерах различным является семантический фон языковых знаков: они обозначают реалии соотносительные, но с национально-культурным колоритом. Ракия – балканский крепкий напиток, получаемый дистилляцией фруктов; виски – шотландский крепкий напиток, получаемый из зерна и выдерживаемый в дубовых бочках. Кръчма – питейное заведение в Болгарии. Й. Йовков, описывая сельскую корчму начала XX в. в рассказе «Другоселец», упоминает: «*В кръмата свири гайда или кавал, играят се хора и ръченици...*». Паб – питейное заведение у западноевропейских народов, здесь подают пиво в спокойной обстановке, темпераментные танцы не приняты. Т.о., сигнификативные ошибки, не изменяя денотативной ситуации, создают потери понятийного характера, размывают национальный колорит.

II. Синтаксические искажения при переводе

Синтаксические погрешности нарушают синтаксическое тождество высказывания, искажают синтаксическую структуру текста и часто разрушают денотативную ситуацию. Денотативными являются субъектно-объектные искажения вследствие ошибочного восприятия порядка слов в славянском предложении. В связи с жестким порядком слов в английском языке цифровая программа ошибочно передает объект действия в функции действующего субъекта и грамматического подлежащего: ***Вниманието привлича впечатлящата скулптурна група – Внимание*** ***обращает впечатляющую скульптурную группу*** (Страница Стара София, 4.02.2021). Вместо: *Внимание привлекает впечатляющая скульптурная группа*. Искажены субъектно-объектные отношения и при переводе фразы: *Един имахте добър бащица, него закла кръвна убийца*. В оригинале отец – жертва убийства, объект, маркированный формой винительного па-

дежа личного местоимения 3 лица *него*. В переводе на русский язык: *У вас был хороший отец. Он убил убийцу крови* (Страница на П. Петков, 31.03.2021). Аналогичные ошибки отмечаются при переводе и с других славянских языков, ср. перевод с чешского: *Noviny píšou, milostpane, že pan arcivévoda byl jako řešeto. Vystřelil do něho všechny patrony. – В газетах пишут, милорд, что эрцгерцог был как облепиха. Он перестрелял всех покровителей* (J. Hašek: *Osudy dobrého vojáka Švejka*). На уровень синтаксиса проецируются и морфологические ошибки, касающиеся числа и рода. Связь морфологических значений числа и рода с синтаксисом состоит в согласовании соответствующих форм.

III. Прагматические искажения при цифровом переводе

Прагматические ошибки перевода нарушают прагматическое тождество текста, изменяют его коммуникативную направленность, этическую и эмоциональную оценку. Такие ошибки обычно связаны с невосприятием значений славянских частиц: *Vono prej jich bylo víc, milostpane.* – Их было больше, мой господин (не передано эвиденциальное значение чешской частицы *prej*). *Нали уж човечество трябваше единно и солидарно да се изправи срещу пандемията? – Человечеству якобы пришлось объединиться и солидарно столкнуться с пандемией?* Здесь вопросительное предложение с *нали*, предполагающее подтверждение, в переводе из-за неуместно употребленной частицы *якобы* приобретает значение сомнения. Ошибки перевода частиц могут создавать противоположный смысл: *Бог нек се над вас клетите смили! – Бог не помилует вас!*

Выводы. Совершенствование качества цифрового перевода остается одной из важнейших задач теории межкультурной коммуникации. В исследовании установлена типология ошибок цифрового перевода – семантических (на уровне грамматики и лексики), синтаксических и прагматических. Выявлены типы денотативных ошибок при цифровой передаче характерных грамматических категорий славянских языков: рода и падежа существительных и прилагательных, числа местоимений 2 лица, вида, времени и наклонений глагола, значений грамматикализованных предлогов, порядка слов. Помимо изменения смысла, ошибки цифрового перевода вызывают и социокультурные потери: искажают факты, наполняют переводы славянской литературы чужеродными реалиями (*гоблины, пабы, баксы, бренди* и т.д.), учебные тексты – ошибочной терминологией (*наследники* вместо *наследие*, *наклонности* вместо *наклонения*, *вербалическая азбука* вместо *глаголическая азбука*). Очевидна актуальность разработки национальных программ прямого цифрового перевода, при создании которых важ-

но учитывать специфику языковых систем языков во всех семиотических измерениях.

Библиографический список

1. Карпенко, Л. Б. Цифровая коммуникация и проблемы перевода (на материале болгарских и русских сетевых текстов) // *Foreign language teaching*. 2021. Вып. 3. С. 231–240.
2. Переходько, И.В., Мячин, Д.А. Оценка качества компьютерного перевода // *Вестник Оренбургского государственного университета*. 2017. Вып.2.С. 92–96.
3. Убин, И.И. Современные средства автоматизации перевода: надежды, разочарования и реальность // *Перевод в современном мире*. М.: Всероссийский центр переводов научно-технической литературы и документации, 2001. С. 60–69.
4. Милев, Ал., Братков, Й., Николов, Б. Речник на чуждите думи в българския език. София: Наука и изкуство, 1970. 880 с.
5. Amram, A., Ben David, A., Tsarfaty, R. Representations and architectures in neural sentiment analysis for morphologically rich languages: Case study from modern Hebrew // *Proceedings of the 27th International Conference on Computational Linguistics (Santa Fe, New Mexico, 20-26 August 2018)*. Pp. 2242–2252 [Электронный ресурс]. Режим доступа <https://aclanthology.org/C18-1190>. – Дата доступа 29.12.2022.
6. Baden, Ch., Pipal, Ch., Schoovelde, M. Three Gaps in Computational Text Analysis. *Methods for Social Sciences: A Research Agenda // Communication Methods and Measures*. 2021.Т. 16, № 5. Pp.1–18. [Электронный ресурс]. Режим доступа <https://www.researchgate.net>. – Дата доступа 29.12.2022).
7. Brady, H. E. The challenge of big data and data science // *Annual Review of Political Science*.2019. Т.22, №1.Pp.297–323. [Электронный ресурс]. Режим доступа <https://doi.org/10.1146/annurev-polisci-090216-023229>. Дата доступа 29.12.2022.
8. Fodor, JA, Bever, TG, Garret, MF (1974) *The Psychology of Language*. New York: McGraw-Hill. 537 p.
9. Nagao, M. A. A New Method of N-gram Statistics for Large Number of n and Automatic Extraction of Words and Phrases from Large Text Data of Japanese // *Proceedings of the 15th International Conference on Computational Linguistics. Coling*, 1994.Т.1.Pp 611-615 [Электронный ресурс]. Режим доступа <https://aclanthology.org/C94-1101>. Дата доступа 20.01.2023.

КОНТИНУИТЕТ, ЕТНОМАРКЕР И LINGUA MATER
В „БЪЛГАРСКИ ОСТРОВ“ НА БАЛКАНИТЕ

Красимира Колева

Шуменски университет „Епископ Константин Преславски“ (България)

Българска община в Горе определят себя как нашинцы с нашинским родным языком - характерный балканский двойной код для скрытой этнической принадлежности в агрессивной иноязычной среде.

Ключевые слова: Западные Балканы, Гора, (само)идентификация, родной язык.

В Западните Балкани стават значими социални промени, влияещи силно върху мултиетничната езикова и културна ситуация. Конвергентните и дивергентните процеси в езика са типични за този регион и са съпоставими в различни негови точки. В Косово те изпреварват описанието им. Изследването на динамичните процеси в езикова ситуация на Балканите е сред съвременните научни приоритети. Политическите аспекти на проблема и високата степен на обществено и медийно внимание към него надхвърлят чисто академичния интерес. Обективното научно познаване на тези процеси в период на видимо нарастване на националистическите настроения допринася не само за осъществяване на обективни научни стандарти, но и за постигане на обща съвременна и изчистена от националистични стереотипи, адекватна на историческите факти и на реалностите научна визия за миналото и настоящето на общностите и езиците. Подчертаният интерес на медиите от целия спектър към Балканите налага неотложен и обективен анализ на фактите с оглед противопоставянето на новите националистически митологеми, на повърхностните и манипулативните „изследвания“ на езика, литературата и културата на етническите общности на Балканите.

Тук представям резултати от дългосрочния научен проект на Шуменския университет „Етнополитика на езика и езици на политиката на Балканите“. В проведените комплексни експедиции в Западните Балкани акцентът е върху общностите с български корени, но работата не е ограничена само върху тях. Емпиричният материал включва устни разкази на личните и колективните спомени и документи на носителите на един етнически език / диалект в конкуренцията с други балкански езици

(български, говорен в различни части на бивша Югославия). Социолингвистичната и диалектоложката проблематика е интегрирана с паралелни процеси в литературата, медийната среда, изкуството и масовата култура, което е новост в теренната практика. Със съвременни научни програми като Малый диалектологический атлас балканских языков (МБДБЯ) / Klejner Balkanshrachatlas и EUROJOS (Językowo-kulturowy obraz świata Słowian i ich sąsiadów na tle porównawczym), както и с включването на ономастичните данни теренът в този своеобразен езиков и културен „котел“ е изследван обективно и комплексно. Експедициите са осъществени на територията на цяло Косово, където хората от историческата българска диаспора живеят компактно в етногеографските области Гора и Жупа, островно (в анклав) или са инфилтрирани сред косовското албанско море. По данни на OSCE (Organization for Security and Co-operation in Europe) от 2005 г. в Косово албанците са 92%, сърбите – 4%. Признатите официално малцинства са: бошняци и горани – 4%, цигани – 1% и турци – също 1%.

Гора до неотдавна е затворен етнокултурен ареал, попадал в различни политически граници. До 1971 г. населението е записвано от властите като турци, от 1971 г. е включвано в мюсюлманската народност, през периода 1996–1999 г. за доказване на мултикултурността на Косово то е обявено за нов уникален етнос – горанци (на сръбски). В местния говор словообразователният вариант е *гџорани*. Късното ислямизиране на населението на практика го откъсва от участието му в националните движения на Балканите, които са съпътствани от нестихващи миграционни процеси. В Гора се пресичат две големи култури (християнската и мюсюлманската), все още конфронтирани манипулативно в един силно политизиран обществен дискурс, довел до серия кризисни събития в новата история на Западните Балкани. Гораните са късно ислямизирани. Те са шиити, което допълнително ги затваря по конфесионален белег. Албанците ги наричат торбеши. За разлика от други славянски мюсюлмански общности на Балканите, гораните отдавна мигрират по икономически причини. Цели родове са се установили в Северна Македония, Сърбия, Хърватия, Турция и България, както и в други европейски страни.

Не разполагаме с пълни синхронни данни за културата и говорите в Гора, тъй като повече от век политическите граници я разделят между Албания и Сърбия, чиято инвазия срещу България през балканските войни (1912–1913) лишава за дълго време от институционално българско присъствие не само Косово. Така Гора остава извън обсега на Българския диалектен атлас и други български изследователски проекти. Говори се за прекъснат български езиков ареал, за езиков остров. Диалектите в Призренска Гора с център *Драгаиш* са

изследвани в края на миналия век предимно от македонски учени [12] и сръбски лингвисти [10], главно от Радивое Младенович, родом от Призрен, който ги описва като шарпланински [8]. Местни краеведи записват и издават речта и фолклора ѝ. Причините за липсата на повече данни (особено за съвременната езикова ситуация) са комплексни и част от тях са обективни: районът и днес е трудно достъпен; етнодемографската картина е динамична – славянското население се стопява, а нараства значително косовското албанско; в миналото горанските села са с компактно население, а днес се увеличава броят на пунктовете със смесено население; расте албанското присъствие, намалява сръбското; непрекъснати до косовската криза етнографски и езиков македонско-български континуум на Гора вече е нарушен от албанския клин в района Ополе, който откъсва Жупа и Подгор от Драгашка Гора в Косово. Днес намаляващата горанска общност живее (от запад на изток) в съседните райони Кукъска Гора (в Албания) и Драгашка Гора (в Косово), до нея е населено с косовски албанци Ополе (в състава на община Драгаш) и районите Жупа и Подгор (в община Призрен) с два типа села – преобладаващите засега с хомогенно горанско население (10) и смесените (със сръбско – 5, но вече и с албанско – 1).

Едва след косовската криза (1999) отново е възможен достъпът и на българи до този македонско-български ареал, в резултат на което в България се появяват публикации, свързани с Гора [2, 3, 6]. Диалектите в Гора са описвани като: северномакедонски, преходни български, пограничен (български) говор с голямо сръбско влияние, изолиран български, турлашки (български и сръбски), сръбски шарпланински, а населението като славяни, мюсюлмани, бошняци, турци, българи, сърби, призренски помаци, торбеши. С големия двуезичен речник на местния учител Назиф Докле *Reçnik goranski (nashinski) – albanski*, издаден от БАН, се налага и уникалното от гледна точка на езиковата класификация локално самоопределение на езика като *нашински*, използвано по цялата територия на Гора [9]. Ареалът на нашинския субстандарт в Албания е познат като *Кукъска Гора* по урбонима на общинския център [11]. По-голямата територия, обитавана от горани, днес се намира в южната част на Република Косово. Административно тя е в окръг с център Призрен, широко позната е като Косовска Гора, Жупа и Подгор, а в научни издания се среща като Призренска Гора и Жупа. С големия научен проект на Софийския университет „Балканските традиции – съжителство на култури, религии и езици“ се преосмисля ареалната характеристика на горанския идиом [1]. В нашата и в европейската популярна историко-географска и езиковедска литература се посочва, че югозападната етническа и езикова граница между сърби и българи минава по билото на Шар планина. В специализирани публикации на чуж-

дестранни и наши учени се уточнява, че има задшарска българска покрайнина. Задълбочен теоретичен анализ на този важен научен дискурс прави Василка Радева. Дефинирането ѝ на българските „острови“ на Балканите като „*нарушение и потвърждение на континуитета в пространствената проекция на балканските езици*“ резюмира много точно спецификата на тези езикови идиоми [4, с. 23]. Събраните от нас комплексни данни от експедициите на терена дават основание езикът на гораните да се определи като част от непрекъснат българско-македонски ареал, което свързва етническата им принадлежност с географското местоположение [7, с. 78-90]. Горанският български идиом функционира в нарастващо доминирана от други езици (балкански и славянски) социална среда. В мултиетническо Косово трендът на наталитета на преобладаващата албанска общност определя динамиката в езиковата ситуация и от половин век се превръща в инструмент на езиковата политика. Съжителството между етносите в Гора е на конфесионална основа. Официалното двуезичие (албански / сръбски) де факто не е на паритетен принцип като следствие от хипердинамичната демографска картина и липсата на балансирана езикова политика, факт от тоталитарния период. Чуждото агресивно медийно присъствие подхранва почвата за нови митове в сферата на етническата и езиковата самоидентификация на населението, което рефлектира върху езиковата ситуация. Исторически липсва традиционното триединство за консолидиране на общността: училище на майчин език, духовен храм с разбираем език и културно-просветен дом, съхраняващ и развиващ традициите. За да получат образование тук, гораните трябва да избират между сръбския и албанския, които разменят местата си по престижност и са в опозиция по социалната реализация и достъпа до висше образование.

В Гора не е изучаван майчиният език. Той е домашен патриархален език, чиято употреба от младите в епохата на глобализацията е все по-ограничена. Това се отнася и за външната миграция, която постоянно расте. В селските училища още се преподава на сръбски език. Гораните, които мигрират във вътрешността, научават албанския говоримо. През 2006 Скопие прави неуспешен опит да въведе македонския стандарт за „ислямизираните македонци“ горанци. Турският език и бошняшкият конструктор също са в ход, което негласно се толерира (каквато е впрочем и ситуацията с ограничаването на сръбския език в анклавите). В новите реалности просперитетът е зависим от владенето на албанския и на хиперезика – английския. Билингвизмът (домашен – сръбски) се поддържа, но се и разширява. Полилингвизмът е на етап домашен език (субстандарт) – сръбски стандарт – албански субстандарт, в близка перспектива да стане стандарт под натиска на средата. Има условия за разширяване на турския, който не е непознат, а също и за обучение на

български език за част от желязните гори. Това е предпоставка за диглосия. Напълно са избледнели езиковите контакти с армъните, за които пише през 1860 г. българският книжовник Петко Славейков [5].

Горани и горански език са понятия, натоварени с етноидеологически смисъл по времето на политика, съпътствана и от етническо прочистване. Затова, независимо от декларираната в страната и чрез чуждия паспорт на емигранта националност, общността се самоопределя по признаци, общи и ценностни за всички носители: *горани* – географски регионален маркер, свързан и с етнографските особености; *нашинци* и *нашински* – самобитен балкански двоен код за принадлежност към общност с еднакъв език и една и съща религия, в който се съдържа пресупозицията, че нито етническата, нито езиковата, нито конфесионалната принадлежност като комплекс от признаци са идентични с друга общност, като същевременно не могат да бъдат афиширани. Концептът *наш човек (наше чедо / нашеце / от нашите)* е познат в балканославянския ареал като маркер на принадлежност към етнорегионална общност, чиито членове не живеят непременно там, но имат еднакъв майчин език / диалект.

При разговорите с нашите информанти целенасочено използвахме българския стандарт. Макар не винаги да ни разбираха изцяло, което е лесно обяснимо, те ни наричаха *свои*. Това е убедителна езикова експликация за менталността на *homo balcanicus* в опозицията *свой ~ чужд*, в която по своеобразен начин езикът заема челно място в полето на категориите, свързани с родовата / етническата принадлежност.

Библиографическия списък

1. Българските острови на Балканите / съст. П. Асенова. София: Парадигма. 2007.
2. Градинарова, Пл. Косово, моята 2007 година. София: Колхида. 2008.
3. Мангалакова, Т. Нашенци в Южна Албания и Косово. София: Тая Мангалакова, НИБА консулт. 2008.
4. Радева, В. Българските „острови“ на Балканите – нарушение и потвърждение на континуитета в пространствената проекция на балканските езици. // Българските острови на Балканите. София: Парадигма. 2007. С. 23.
5. Славейков, П. Р. Смешний календар за нова година 1861. Цариград: от Тадеа Дивитчиана. 1860.
6. Тончева, В. Непознатата Гџра. София: Род. 2012.
7. Колева, Кр. Болгаро-македонский этнокультурный и языковой ареал Жупа (Косово) сегодня. // Болгарський щорічник. Т. VII. Київський славістичний університет. 2011. С. 78-90.
8. Младеновић, Р. Говор шарпланинске жупе Гора. Београд: САНУ. 2001.

9. Dokle, N. Reçnik Goransko (Nashinski) – Albanski. Fjalor Gorançe (Nashke) – Shqip. София: БАН. 2007.
10. Goranies, Muslims and Turks in the Šar (Shar) Mountain Župas (Parishes) of Serbia: Problems of the Actual Living and Survival Conditions. Belgrade: Serbian Academy of Sciences and Arts. 2002.
11. Steinke, Kl., Ylli, Xh. Die Slawischen Minderheiten in Albanien (SMA). 3.Teil. Gora. München-Berlin: Verlag Otto Sagner. 2010.
12. Vidoeski, B. Dijalektite na makedonskiot jazik. Vol. I. Skopje: MANU. 1998.

УДК 811.161

РУССКАЯ ПОСЛОВИЧНАЯ КАРТИНА МИРА ТЕМАТИЧЕСКОЙ ГРУППЫ
«КОНФЛИКТНОСТЬ» В СОПОСТАВЛЕНИИ
С БЕЛОРУССКИМИ И ПОЛЬСКИМИ ПОСЛОВИЦАМИ

М.Ю. Котова

*Санкт-Петербургский государственный университет,
г. Санкт-Петербург, Российская Федерация*

При отборе русских пословиц и их иноязычных пословичных параллелей используются результаты собственных паремиологических социолингвистических экспериментов. Сделан вывод об общности русско-белорусской пословичной картины мира на фоне значительных отличий от нее современных польских пословиц.

Ключевые слова: белорусский язык, польский язык, пословичная картина мира, русский язык, социолингвистический паремиологический эксперимент.

Введение

Целью статьи является анализ особенностей одного из фрагментов русской пословичной картины мира на фоне других восточнославянских языков. В качестве такого фрагмента выбрана тематическая группа пословиц «Конфликтность».

Методики социолингвистического паремиологического эксперимента, тематического паремиографирования и контекстного анализа позволили выявить активные русские пословицы и отобрать их актуальные пословичные параллели в других славянских языках.

Материалом послужил ранее опубликованный «Русско-славянский словарь пословиц с английскими соответствиями» М. Ю. Котовой (далее – РССПАС) [1], а также наш новый научный проект «Электронный словарь

современных активных восточнославянских пословиц» (далее – ЭССАВП), основные принципы которого были изложены ранее [4]. Здесь также использован материал из пятого и шестого выпусков наших «Тетрадей паремииографа» (далее ТП5 и ТП6) [2, 3] и результаты нашего нового социолингвистического паремииологического эксперимента среди носителей русского языка (далее – РЭ-22).

Характеристики тематической группы русских пословиц «Конфликтность» с восточнославянскими пословичными параллелями

В восьми тематических подгруппах русские пословицы, как знаки ситуации, расположены, в основном, по дихотомическому принципу.

Опираясь на разработку этой тематической группы в РССПАС, в состав которой входило 44 пословицы [1, с. 198–199], мы представим здесь эту тематическую группу в отредактированном по результатам РЭ-22 виде, когда общее число русских пословиц достигло 49 пословичных единиц:

IX. КОНФЛИКТНОСТЬ

1. Источник конфликта – исход конфликта

<i>Из искры – пламя / возгорится пламя. (54%)</i>	<i>Баба с возу – кобыле легче. (96%)</i>
<i>белорус. З іскры полымя.</i>	<i>белорус. Баба з воза каню лягчэй.</i>
<i>пол. Z małej iskierki wielki ogień.</i>	<i>пол. Baba z wozi koniom lżej.</i>
<i>Много шуму из ничего. (72%)</i>	<i>Остались от козлика рожки да ножки. (94%)</i>
<i>белорус. Шмат шуму з нічога.</i>	<i>белорус. Засталіся ад козліка рожкі ды ножкі.</i>
<i>пол. Wiele hałasu o nic.</i>	<i>пол. ср. Zjedli go tam wilcy, zostawili rogi.</i>
<i>Не буди лихо, пока оно тихо. (88%)</i>	<i>пол. ср. Zjedli go tam wilcy, zostawili rogi.</i>
<i>белорус. Не будзі (чапай) ліха, пакуль яно ціха.</i>	<i>/Хорошо/ Смеется тот, кто смеется последним. (99%)</i>
<i>пол. Nie budź licha, kiedy śpi.</i>	<i>белорус. Добра смяецца той, хто смяецца апошнім.</i>
<i>Что за шум, а драки нету? (84%)</i>	<i>пол. Ten się śmieje, kto się śmieje ostatni.</i>
<i>белорус. Што за шум, а бойкі няма?</i>	
<i>пол. лакуна</i>	

2. Сила – слабость

Надо держать порох сухим / в пороховницах. (57%)
белорус. Трэба трымаць порох сухім.
пол. Utrzymuj proch suchy.
Против лома нет приема (окромя другого лома). (88%)
белорус. Супраць лома, няма прыёма, акрамя іншага лома.
пол. лакуна

Хочешь мира, готовься к войне. (63%)

белорус. *Жадаеш міру, рыхтуйся да вайны.*

пол. *Jeśli chcesz pokoju, gotuj się do wojny.*

За одного битого двух (семь) небитых дают. (74%)

белорус. *За аднаго бітага двух нябітых даюць.*

пол. *лакуна*

Из пушки по воробьям не стреляют/не палят/не бьют. (79%)

белорус. *З гарматы па вераб'ях не страляюць.*

пол. *лакуна*

Лежачего не бьют. (97%)

белорус. *Ляжачага не б'юць.*

пол. *лакуна*

После драки кулаками не машут. (95%)

белорус. *Пасля бойкі кулакамі не махаюць.*

пол. *лакуна*

3. Раскаяние; примирение

Кто старое помянет (вспомянет), тому глаз вон. (84%)

белорус. *Хто старое памяне, таму вока вон.*

пол. *лакуна*

Повинную голову и меч не сечёт. (47%)

белорус. *Павінну (Вінаватую) галаву і меч (сякера) не сячэ.*

пол. *лакуна*

4. Компромисс – упрямство, непримиримость

И волки сыты, и овцы целы. (89%)

белорус. *І воўк сыты, і авечкі цэлыя.*

пол. *I wilk syty, i owca cała.*

Лучше синица в руках, чем журавль в небе. (95%)

белорус. *ср. Лепш верабей у руцэ, чым журавель (жаўрук, жораў) у небе.*

пол. *ср. Lepsz wróbel w garści niż gołąb na dachu.*

На безрыбье и рак рыба. (90%)

белорус. *На бязрыб'і і рак рыба.*

пол. *Na bezrybni i rak ryba.*

Худой мир лучше доброй ссоры / хорошей войны. (78%)

белорус. *Лепей драўляная згода, чым (жалезная) вайна (10 инф.: ТП5 с. 128).*

Иллюстраций не выявлено.

пол. *ср. Lepsza słomiana zgoda, niż żadna.*

Нашла коса на камень. (89%)

белорус. *Найшла каса на камень.*

пол. *Trafila kosa na kamień.*

Против шерсти не гладят. (57%)

белорус. *Супраць шэрсці не гладзяць.*

пол. *лакуна*

Два медведя в одной берлоге не уживутся. (39%)

белорус. *Два мядзведзі ў адной бярлозе не жывуць.*

пол. *лакуна*

Кто не с нами, тот против нас. (77%)

белорус. *Хто не з намі, той супраць нас.*

пол. *Kto nie jest z nami jest przeciwko nam.*

5. Вина – невиновность (несправедливость)

А Васька слушает, да ест. (83%)

белорус. *А Васька слухае ды есць.*

пол. ср. *Jednym uchem slucha, a drugim wuriszczca.*

Не за то волка бьют, что сер, а за то, что овцу / козу / телёнка / поросё / куру съел. (37%)

белорус. *Не за тое воўка б'юць, што шэры, а за тое, што авечку з'еў (10 инф.: ТП5, с. 163). Иллюстраций не выявлено.*

пол. лакуна

/У него у самого/ Рыльце в пушку/ в пуху. (85%)

белорус. *У яго самога рыльца ў пушку (пуху).*

пол. ср. */On/ Też w tym ręce maczał.*

Сам заварил кашу – сам и расхлёбывай/еишь. (94%)

белорус. *Сам заварыў кашу, сам расхлёбывай.*

пол. ср. *Nawarzyłeś piwa, to je wurij.*

Чья бы корова мычала/, а твоя бы молчала/. (81%)

белорус. *Чыя б кароўка мычала, твая б маўчала.*

пол. ср. *Przyganiał kociotł garnkowi.*

Без вины виноваты / виноватые

/ виноватый / виноватая. (83%)

белорус. *Без віны вінаватыя.*

пол. *Grzesznicy bez winy.*

В чужом пиру похмелье. (18%)

белорус. ср. *Ад чужога шалу не было б пажару (2 инф.: ТП5, с. 16). Иллюстраций не выявлено.*

пол. ср. *Kac na cudzej uszcie.*

До Бога высоко, до царя / до неба, до Москвы далеко. (29%)

белорус. ср. *Да неба высока, да цара (пана) далёка.*

пол. *Do cesarza daleko, a do Boga za wysoko.*

На бедного Макара все шишки валяются /сыплются/ падают. (18%)

белорус. *На беднага Макара ўсе шышкі сыплюцца.*

пол. ср. *Biednemu /zawsze/ wiatr w oczy; ср. Na pochyle drzewo i koza skacze.*

Ты виноват уж тем, что хочется мне кушать. (42%)

белорус. *Ты вінаваты тым, што хочацца мне есці.*

пол. ср. *Smacznyś, słaby i w lesie!*

6. Обида – угроза

Как аукнется, так и откликнется. (98%)

белорус. *Як гукнецца, так адгукнецца.*

пол. ср. *Jak Kuba Bogu, tak Bóg Kubie.*

Отольются волку овечьи/заячьи /зайкины слёзки. (40%)

белорус. *Адальюцца воўку авечкіны (авечыя) слёзкі.*

пол. лакуна

Отольются кошке мышкены слёзки. (63%)

белорус. ср. *Сірочыя слёзы дарма не льюцца (7 инф.: ТП5, с. 230). Иллюстраций не выявлено.*

пол. лакуна

Собаке – собачья смерть. (63%)

белорус. *Сабаку – сабачая смерць.*

пол. ср. *Jakie życie, taka śmierć.*

7. Болтливость – сдержанность

Болтун – находка для шпиона. (77%)
белорус. Балбатун – знаходка для
шпіёна.

пол. лакуна

И у стен есть уши. (96%)

белорус. І сцены маюць вушы.

пол. Ścianу тајą uszu.

На чужой роток не накинешь пла-
ток. (46%)

белорус. На чужы раток не накінеш
платок.

пол. ср. Wszystkim ust (gęby) nie
zatkniiesz.

Язык мой – враг мой. (95%)

белорус. Язык мой – вораг мой.

пол. лакуна

Слово – серебро, молчание – золо-
то. (84%)

белорус. Слова серабро, маўчанне –
золата.

пол. ср. Pomyśl dwa razy zanim coś
powiesz.

8. Преступление – разоблачение

Вор у вора дубинку украл. (49%)

белорус. /букв. Злодей у злодея дубіну ўкраў/

пол. лакуна

Мошенник на мошеннике сидит и мошенни-
ком погоняет. (64%)

белорус. Злодзей на злодзеі сядзіць і злодзеем
паганяе.

пол. Złodziej na złodzieju siedzi i złodziejem
rogania.

Не пойман – не вор. (99%)

белорус. Не злавіў – не злодзеі.

пол. ср. Za rękę go nie złapali.

Повадился кувшин по воду ходить, там ему и
голову сломить. (42%)

белорус. Да пары збан ваду носіць.

пол. Drobty dzban wodę nosi, drobki się ucho
nie ugrwie.

Знает кошка, чьё мясо (са-
ло) съела. (57%)

белорус. Ведае кошка чыё
мяса з`ела.

пол. лакуна

На воре шапка горит.
(91%)

белорус. На злодзеі і шапка
гарыць.

пол. Na złodzieju szapka
gore.

Выводы

1) У большинства русских пословиц тематической группы «Конфликтность» (у 98%) зафиксированы актуальные пословичные параллели в белорусском языке;

2) в белорусском языке выявлена всего одна лакуна;

3) отмечаем значительное количественное преобладание среди русско-белорусских пословичных параллелей группы полных и относительных эквивалентов, то есть пословичных параллелей с тождественной образной основой. А этот факт приводит к заключению о доминировании общих черт и очень незначительных различиях при сопоставлении русской и белорусской пословичных картин мира;

4) 65% русских пословиц рассматриваемой тематической группы «Конфликтность» имеют активно употребительные польские пословичные параллели, которые либо совпадают с восточнославянскими пословичными параллелями по образной основе, либо построены на другом образе. Однако к 35% русских пословиц нами не были обнаружены польские пословичные параллели, что указывает на наличие лакун по отношению к русскому пословичному материалу данной группы. Этот факт подчёркивает своеобразие рассмотренного фрагмента русско-белорусской пословичной картины мира на фоне польских (западнославянских) активно употребительных пословиц.

Библиографический список

1. Котова, М. Ю. Русско-славянский словарь пословиц с английскими соответствиями / под ред. П. А. Дмитриева. СПб.: Издательство Санкт-Петербургского университета, 2000. 360 с.

2. Котова, М. Ю., Боева, Н. Е. Тетради паремнографа. Выпуск 5: Белорусские пословичные параллели русских пословиц паремнологического минимума: Учебно-методическое пособие для студентов / под ред. М. Ю. Котовой. СПб.: Изд-во «ВВМ», 2019. 304 с.

3. Котова, М. Ю., Колпакова, А. А., Раина, О. В., Шестакова-Стукун, А. С. Тетради паремнографа. Выпуск 6: Польские пословичные параллели русских пословиц паремнологического минимума: учебно-методическое пособие для студентов / под ред. М. Ю. Котовой. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2019. 304 с.

4. Русская языковая картина мира в пословицах (на фоне других языков): коллективная монография / под ред. М. Ю. Котовой – СПб.: Издательско-полиграфическая ассоциация высших учебных заведений, 2022. 164 с.

КОММУНИКАТИВНО-ПРАГМАТИЧЕСКИЙ КОМПЛЕКС
КАК ЕДИНИЦА ПРАГМАЛИНГВИСТИКИ

Лю Сяоя

*Самарский национальный исследовательский университет
имени академика С.П. Королева,
г. Самара, Российская Федерация*

В статье анализируется содержание прагматической лингвистики, ее развитие в истории русского языкознания, а также аспекты исследований в данном направлении. Рассматривается понятие коммуникативно-прагматического комплекса, его определение, компоненты и реализации комплекса «просьба» в русскоязычном дискурсе.

Ключевые слова: прагмалингвистика, коммуникативная интенция, коммуникативно-прагматический комплекс.

Прагматика как объект гуманитарных наук получила развитие с середины XX века, когда Ч. У. Моррис, философ и основатель теории семиотики, на фоне идей Ч. С. Пирса разработал понятие «прагматика» как часть семиотики, определив его как отношение «между знаком и его интерпретатором», то есть лицом, которое создает и осознает знак [5, с. 48]. Под влиянием логических и философских теорий речевых актов Дж. Серла и Дж. Остина, а также идей многих других ученых прагматика как область лингвистических исследований оформилась отдельно в 1960-х и начале 1970-х годов.

В истории русской лингвистики исследования, связанные с прагматикой, восходят к трудам таких лингвистов, как В. В. Виноградов, Е. В. Падучева, Н. Д. Арутюнова, Н.И. Формановская и др. Хотя академик В. В. Виноградов термин «прагматика» напрямую не упоминает и не использует, он рассматривает прагматическую информацию, выражаемую различными языковыми единицами, гораздо больше, чем многие современные авторы, пишущие по этой теме. Этот же вопрос рассматривается в более поздних трудах Е. В. Падучевой, которая утверждает, что значение языка в принципе прагматично: не какие-то специально выбранные элементы выражения, а значение большинства слов и грамматических единиц в языке, связанное с людьми, с поводом для разговора [7, с. 222-223]. Н. Д. Арутюнова и Е. В. Падучева в своей статье также анализируют становление и развитие прагматики, предполагая, что «...расстояние между языком и жизнью стало сокращаться» [1, с. 5].

С точки зрения истории развития прагматики как научной области, в зависимости от временного периода и автора той или иной теории, прагматика может пониматься как часть разных отраслей науки. В ряде публикаций лингвисты выражают свои взгляды на возможности решения данной проблемы (Verschueren 1999; Mey 2001; И.П. Сусов 2009 и др.), но до сих пор нет единого мнения о том, в чем заключается специфика лингвистически ориентированной прагматики и как она соотносится с другими прагматическими направлениями. Как пишет Которова, с целью определения особенностей данной научной дисциплины было введено много терминов, наиболее распространенными из которых являются «прагмалингвистика», «лингвопрагматика» и «лингвистическая прагматика». Эти термины используют многие авторы, такие, как, например, И. П. Сусов, Б. Ю. Норман, И. Я. Балабанова [4, с. 100].

Важность изучения лингвистической прагматики определяется рядом особенностей, присущих данной науке. В то же время уникальные свойства прагматической информации, ее проявления и функции определяют и грандиозность задач ее исследования.

В современных исследованиях лингвистическая прагматика затронула практически все уровни языка. Выражение «человеческого фактора» на разных языковых уровнях различно. В целом установлено, что изучение прагматики должно проводиться на двух уровнях: один – языковой уровень, предполагающий рассмотрение семантической функции языка; другой – речевой уровень, предполагающий анализ коммуникативной функции языка. На языковом уровне прагматическое значение языка выражается в области семантики его высказываний. Целью прагматики на этом уровне является определение прагматических явлений в лексике [6, с. 29–34].

На речевом уровне, т. е. в динамическом пространстве языка, исследование прагматики охватывает широкий спектр областей. Оно может включать анализ стратегии дискурса, жанров дискурса, речевых актов, интенциональных функций высказываний и др. Все эти задачи имеют отношение к прагматике, поскольку в них с разных точек зрения рассматривается роль прагматических факторов в коммуникативных ситуациях и влияние конкретных контекстов на значение прагматической единицы.

Основываясь на этом, в данной статье рассматривается понятие коммуникативно-прагматического комплекса (далее КПК), впервые предложенное Л. Б. Карпенко. В понимании Л. Б. Карпенко, коммуникативно-прагматический комплекс – это «совокупность коммуникативной интенции говорящего, коммуникативной ситуации, структуры коммуникативного акта (участники ситуации, коммуникативное окружение и т.д.) и средств их речевого выражения. Иными словами, КПК представляется как коммуникативный фреймовый узел, блок, объединяющий близкие по функции рече-

вые акты с соответствующими интенциями, коммуникативными ситуациями и речевыми моделями». Такой комплекс нацелен на объединение близких по функции речевых актов с соответствующими им коммуникативными интенциями и речевыми высказываниями. В ряде статей автором анализируются средства речевого выражения интенций различных КПК на русском языке (благодарности, поддержки, предостережения, угрозы, опасения и т. д.) и показана языковая специфика их выражения по сравнению с английским и болгарским языками [2, с. 85–87; 3, с. 93–95 и др.].

В лингвистической прагматике существует ряд понятий, коррелирующих с КПК, на которых и остановимся далее.

1. Коммуникативная интенция (или речевая интенция) говорящего, рассматриваемая многими исследователями как наиболее важный компонент, так как он предопределяет выбор того, как коммуникант выражает речевой акт [6, с. 30]. Каждое высказывание произносится с конкретным намерением говорящего – желанием передать что-то адресату; получить какие-то сведения; побудить адресата к тому или иному действию; выразить мнение об информации и т. д. В соответствии с данными интенциями в речевой практике производится целый ряд речевых актов: приветствие (*здравствуйте, добрый день, приветствую, здравия желаю*), благодарность (*спасибо, вы так любезны, благодарю вас, я польщена, вы так добры*), прощание (*до свидания, до встречи, пока, до завтра, прощайте, увидимся*), приглашение (*пойдемте с нами, приглашаю вас, приходите, буду с нетерпением ждать*), совет (*советую вам..., надо бы вам, позволю себе дать вам совет*), просьба (*прошу вас, не затруднит ли вас, можно мне, дайте, пожалуйста*) и др.

Также в речевой практике встречаются высказывания с близкими языковыми единицами, которые в зависимости от разных намерений получают разные коммуникативные значения. Например: *Не могли бы вы мне книгу передать?* (просьба); *Передай мне книгу прямо сейчас* (приказ, требование). Именно КПК дает возможность всесторонне представить основные типы коммуникативных интенций, и продемонстрировать характерные формы их реализации.

2. Коммуникативная ситуация, т. е. пространственные и временные параметры обстановки, в которой происходит общение, по отношению к говорящему и по отношению к другим участникам в данном контексте.

На примере «просьбы», одной из самых распространенных типов коммуникативных интенций, продемонстрируем далее, как выбор КПК различается в зависимости от коммуникативных ситуаций:

а) речевые модели «просьбы» при обращении к знакомому человеку:

Дорогая, дай..., пожалуйста; Милый, надо помочь...; Можешь одолжить мне...? В таких ситуациях часто используются ласкатель-

но-уменьшительные формы обращений (*сыночек, доченька, Манечка и др.*).

б) речевые модели «просьбы» при обращении к незнакомому человеку: *Сделайте одолжение...; Если вам не трудно (Вас не затруднит), сделайте...; Будьте любезны/добры, сделайте...*

Выражение просьбы в таких коммуникативных ситуациях должно быть вежливым (даже формально вежливым) и деликатным, но не чрезмерно вкрадчивым.

На один и тот же КПК реакция слушающего бывает разной. На просьбу можно ответить согласием (*Да. Конечно. Хорошо. С удовольствием.*), несогласием (*Нет, не могу. Нельзя. Ни в коем случае!*) или даже аргументацией (*...был бы рад, но не могу..., и т. д.*)

3. Дейксис, то есть совокупность факторов, которые эксплицитно или имплицитно связывают содержание дискурса с коммуникативными инстанциями, исполняя роль идентификаторов. Как составной компонент КПК, дейксис выражается через языковые единицы – это местоимения 1 и 2 лица (*я, ты/вы*), локативы (*здесь, там*) и темпоральные идентификаторы (*сейчас, теперь, вчера*) и др., выявляющие наиболее полно дополнительный коммуникативный смысл. Просьба, выражающая один и тот же смысл, с *ты* или *вы*, указывающими относительный социальный статус говорящего и адресата: *Ты можешь передать мне книгу? Не могли бы Вы передать мне книгу?*

Таким образом, концепция КПК рассматривается как совокупность факторов, определяющих выбор говорящим речевых средств и языковых единиц в конкретной коммуникативной ситуации в соответствии с коммуникативным намерением, чтобы обеспечить успешность и эффективность коммуникации.

Библиографический список

1. Арутюнова Н.Д., Падучева Е.В. Истоки, проблемы и категории прагматики // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 16 / под ред. Е.В. Падучевой. М.: Прогресс, 1985. С.3-42.
2. Карпенко Л.Б. Коммуникативно-прагматический комплекс в преподавании русского языка как иностранного // Русистика без границ, № 4. 2017. С. 83–87.
3. Карпенко Л.Б. Принципы систематизации речевого материала при обучении русскому языку как иностранному // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. Т. 25, № 1. 2019. С. 90–95.
4. Которова Е.Г. Прагматика в кругу лингвистических дисциплин: проблемы дефиниции и классификации // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика = Russian Journal of Linguistics. Том 23. № 1. 2019. С. 98–115.
5. Моррис Ч.У. Основания теории знаков // Семиотика Антология, 2-е. Сборник переводов. Под ред. Ю. С. Степанова. М.: Академ., 2001. С. 45–97.

6. Падучева Е.В. Высказывание и его соотносительность с действительностью (Референциальные аспекты семантики местоимений). М.: Наука, 1985. 272 с.

7. Падучева Е.В. Семантические исследования: Семантика времени и вида в русском языке; Семантика нарратива. М.: Языки славянской культуры, 1996. 464 с.

УДК 811.161.1'37

ТРАДИЦИИ ПРОПРИАЛЬНОЙ НОМИНАЦИИ РОССИЙСКИХ ВООРУЖЕНИЙ

Т.П. Романова

*Самарский национальный исследовательский университет
имени академика С.П. Королева,
г. Самара, Российская Федерация*

Статья посвящена исследованию традиций проприальной номинации российской военной техники на материале исторических наименований артиллерийских орудий и кораблей ВМФ.

Ключевые слова: ономастика, хрематонимы, прагматонимы, меморативный и символический принципы номинации, персонификация, апотропеическое имя.

Современное онимическое поле российских вооружений включает два основных типа онимов: *хрематонимы* [6, с.190] – индивидуальные собственные наименования уникальных боевых механизмов (крейсер «Аврора») и *прагматонимы* [3, с.146] – марочные номинации серийных объектов вооружения (десантный катер «Восток» – 46 ед.).

Данные разряды онимов объединяют общие принципы и традиции номинации, а также тесное взаимодействие на лексическом уровне. Так, в сфере номинации военных судов собственные имена кораблей (хрематонимы), со временем переходят в типовые названия проектов (прагматонимы). Например, индивидуальное имя подводной лодки «Касатка» (1904–1925) впоследствии стало обозначать тип подводной лодки «Макрель» (1908–1925), а хрематоним «Макрель», в свою очередь, используется в качестве названия типового проекта современной подводной лодки. Прагматонимические номинации, в отличие от хрематонимов, могут дополнительно индивидуализироваться за счет цифровых индексов, например, подводные лодки типа «Амур-550», «Амур-750», «Амур-1450», «Амур-550», «Амур-1650», «Амур-1850».

Собственные наименования в сфере российских вооружений возникают в результате процесса искусственной номинации в рамках фрейма официального наречения боевых единиц государственными субъектами. Они образуют онимическое поле, лексический состав и закономерности развития которого пока недостаточно хорошо исследованы лингвистами. Актуальность его изучения определяется все более возрастающей значимостью военного дискурса в современном обществе.

Ключ к осмыслению тенденций развития современной проприальной номинации в сфере вооружений, принципов ценностно-стилистического ранжирования её лексического состава может дать обращение к истокам условно-символической номинации боевых единиц, которая в России начинается с середины XVI в. у средневековых артиллерийских орудий и с начала XVII в. у кораблей российского военно-морского флота.

Первые военные хрематонимы – индивидуальные собственные имена уникальных артиллерийских орудий – появились в России, вероятно под влиянием западноевропейских традиций, в эпоху Ивана Грозного – создателя лучшей для своего времени артиллерии. Русские мастера начали создавать именные орудия, представляющие собой уникальные произведения военно-инженерного искусства: «Павлин» (1555), «Беркут» (1571), «Лисица» (1575), «Единорог» (1577), в 1590 г. были отлиты «Аспид», «Лев», «Лисица», «Скоропея», «Соловей», «Троил», в 1591 г. – «Медведь» и «Свиток», «Барс» (1597), «Драгон» (1598), «Рысь» (1610), «Царь Ахиллес» (1617). Известны также орудия: «Гамаюн», «Ехидна», «Пёсик», «Перс», «Собака», «Ястреб». Орудие «Волк» отливали пять раз: в 1577 г., 1579 г., 1627 г., 1609 г., 1644 г. В 1586 г. Андрей Чохов отлил «Царь-пушку» (в то время называвшуюся «Царь»), на стволе которой был помещен барельефный портрет Феодора Иоанновича, высочайшим повелением которого она создана [7].

На стволах именных орудий отливались тексты, написанные с титуловыми сокращениями в соответствии с традицией средневекового сакрального письма. Они содержали год создания орудия, имена мастера и заказчика, а также индивидуальный словесный знак – хрематоним – и соответствующее имени символическое изображение: например, имя пищали «Иврог» (сокращение от «Единорог») и барельефный символ единорога.

Собственные имена средневековых артиллерийских орудий создавались в соответствии с традициями архаичной образно-символической, апотропеической номинации, согласно которой название пушки отождествлялось с ее сущностью, наделяя орудие сверхъестественной энергетической силой. Вербально-визуальные комплексы идентификации орудия содержали сакральные тотемические концепты. Зооморфные и антропоморфные символические образы одухотворяли боевые орудия, посвящая их языческим тотемам.

Следует отметить избирательность средневековой проприальной номинации, которая, освящая уникальное орудие, была не только дополнительным средством повышения ценности военного изделия, но и служила для выражения высокой имиджевой характеристики его владельца. Обладание именными орудиями было знаком силы. Их брали в плен, увозили в качестве трофеев, освобождали, выкупали и перепродавали. В настоящее время именные орудия хранятся в музеях как уникальные предметы военно-инженерного и художественно-прикладного искусства.

На основании материала историко-культурного исследования каронимов – собственных имен кораблей российского ВМФ, проведенного доктором технических наук, профессором Ю.С. Крючковым [2], можно составить представление об именах первых российских военных судов, которые, с одной стороны, повторяют номинации средневековых артиллерийских орудий: «Лев», «Единорог», «Троил», а с другой – предваряют будущие каронимы: «Ветер», «Гром», «Молния».

Декор кораблей, построенных Петром I – создателем ВМФ России, как и средневековых артиллерийских орудий, в обязательном порядке включал символические знаки, соответствующие их именам: аллегорические фигуры на носу, эмблемы, рисунки на парусах, знаменах и вымпелах, а также надписи и девизы. Так, в царском указе царя Алексея Михайловича, построившего первый военный корабль в 1668 г., говорилось: «...на корабле «Орел» поставить на носу и на корме по орлу и на знаменах, и на яловчиках [вымпелах] нашивать орлы же» [2].

Названия кораблям давались в строгом соответствии с их функциональным назначением. Так, бомбардирские корабли носили устрашающие названия: «Гром», «Молния», «Струс», «Громовая стрела», «Бомба», «Страх»; для брандеров использовались слова, связанные с огнем: «Вулканус», «Феникс», «Сулемандр»; в ироничных именах небольших судов: «Виноносец», «Пивоносец», «Агнец», «Миротворец», «Не тронь меня» – отразилась любовь Петра к шутке.

Среди имен кораблей, построенных самим Петром, Ю.С. Крючков выделяет две группы престижных номинаций: названия, «характеризующие воинственные или приоритетные качества судов («Принципиум», «Безбоязнь», «Благое начало», «Сила», «Цвет войны», «Лев», «Единорог», «Скорпион», «Флаг») и религиозные («Апостол Петр», «Апостол Павел», «Святая Екатерина», «Святой Марк», «Святой Матвей» и пр.)» [2].

Подробно изучив онимическое поле российского парусного флота (1696-1860 гг.), Ю.С. Крючков проводит ценностно-стилистическую градацию проприальной лексики в соответствии с местом корабля на иерархической лестнице [2].

1. «Высший уровень» включает именованья православных святых, христианских праздников и геральдических символов («Святой Петр»); лич-

ные номинации императоров России («*Петр Первый и Второй*»); полные формы русских личных имен («*Николай*»); имена других монархов и князей («*Принцесса Анна*»); названия героических кораблей («*Меркурий*», «*Память Евстафия*»); победные топонимы («*Полтава*», «*Гангут*»).

2. «Высокий уровень» составляют имена древних властителей («*Александр Македонский*»); античных героев («*Геркулес*»); славянских богов («*Перун*»); имена государственных деятелей («*Александр Невский*»); названия грозных явлений природы («*Гром*»); качественные характеристики – символы динамичности, воинственности и величия («*Лёгкий*», «*Храбрый*», «*Твердый*»).

3. «Средний уровень» – имена прославленных флотоводцев, адмиралов и судостроителей («*Адмирал Ушаков*»); имена героев морских сражений («*Казарский*»); географические названия («*Россия*»); названия городов, связанные с судостроением и флотом («*Кроншлот*»).

4. «Низкий уровень» – названия животных и растений («*Щука*», «*Дуб*»); наименования предметов («*Стрела*»).

Таким образом, очевидно, что в сфере номинации российских боевых кораблей высшие позиции занимали имена-посвящения, то есть наиболее престижной считалась меморативная номинация. Корабли нарекались и освящались в честь православных святых и знаменитых соотечественников, названий мест боевой славы и ключевых событий Российской истории. Из нарицательной лексики использовались преимущественно прилагательные или причастия, способные выступать в роли символической характеристики корабля как активного участника военных действий. Во всех случаях меморативной и символической номинации происходила персонификация называемого объекта.

На всех этапах исторического развития нашей страны именованья судов российского военного флота неизменно включали наиболее престижные слои меморативной лексики и боевые символы. «Таким образом, в русском флоте стала складываться определенная система наименования судов, которая была связана с национальными, историческими традициями и боевыми достижениями России и призвана нести и сохранять честь и престиж государства» [2].

Сформировавшиеся в течение более чем трехсотлетнего периода принципы номинации российских военных судов продолжают оставаться актуальными и в настоящее время, хотя состав названий изменяется в соответствии с общественно-политическими установками государства. Так, Ю.С. Крючков отмечает, что после 1917 года практически все названия, кроме «*Авроры*», были заменены на новые. Линкор-дредноут «*Гангут*», типа «*Севастополь*», названный в 1909 г. в честь первой победы российского флота в Северной войне в Гангутском сражении 1714 г., в 1925 получил имя «*Октябрьская революция*».

Названия кораблей послереволюционного периода отражали имена пламенных революционеров или же революционные символы: «*Жан Жорес*», «*Карл Либкнехт*», «*Свердлов*», «*Орджоникидзе*», «*Чапаев*», «*Максим Горький*», «*Вася-коммунист*», «*Комсомолец*», «*Революция*», «*25 Октября*». В 30-е гг. для номинации крупных подводных лодок использовались названия лиц по идеологическому признаку: «*Декабрист*», «*Народоволец*», «*Красногвардеец*», «*Революционер*», «*Спартаковец*», «*Якобинец*», «*Фрунзенец*», «*Гарибальдиец*». Эскадренным миноносцам давали имена-характеристики: «*Быстрый*», «*Бойкий*», «*Беспощадный*», «*Бесстрашный*», «*Стремительный*», «*Сокрушительный*» и т. п. Средние подводные лодки получали названия рыб, типа «*Щука*».

Электронный ресурс «Россия – номенклатура вооружений» [5] содержит ценный материал для изучения истории номинации кораблей ВМФ послевоенного периода, которая традиционно реализует два основных принципа: меморативный и символический.

I. Меморативная номинация.

Имена-посвящения, как и в Петровскую эпоху, занимают верхние ступени иерархической лестницы. Они используются как государственные символы для номинации флагманов и технически наиболее совершенных судов, например, флагман ВМФ России авианесущий крейсер «*Адмирал Флота Советского Союза Кузнецов*» (1990).

Меморативные имена кораблей, как правило, представляют собой актуальные патриотические символы государства и поэтому изменяются в соответствии с политическим курсом. Например, тяжёлый атомный ракетный крейсер ВМФ РФ проекта «*Орлан*» «*Пётр Великий*» (1992) в 1982 г. назывался «*Куйбышев*», с 1986 г. – «*Юрий Андропов*».

Меморативные имена послевоенного периода включают несколько тематических групп.

1. Имена-посвящения идеологически значимым событиям в советский период носили ракетонесущие подводные лодки: «*60-летие Великого Октября*» (1977), «*Имени XXVI съезда КПСС*» (1981 г.), малый ракетный корабль «*XX съезд ВЛКСМ*» (1987).

2. Персональные посвящения адмиралам, революционерам и крупным государственным деятелям представляли собой имена авианосцев «*Адмирал Зозуля*» (1967), «*Киров*» (1980), «*Фрунзе*» (1984), «*Вице-адмирал Дрозд*» (1987), «*Адмирал Флота Советского Союза С.Г. Горшков*» (1987); легкие крейсера: «*Адмирал Нахимов*» (1950), «*Адмирал Корнилов*» (1950), «*Адмирал Ушаков*» (1969), «*Адмирал Синявин*» (1972).

3. Посвящения группам лиц: подводные лодки «*Минский Комсомолец*» (1980), «*Комсомолец Узбекистана*» (1976), малый ракетный корабль «*Комсомолец Мордовии*» (1982), противолодочный корабль «*Комсомолец Укра-*

ины» (1962), сторожевые корабли: «*Орловский комсомолец*» (1961) – 19 ед., «*Гангутец*» (1964) – 19 ед.; подводные лодки: «*Северянка*» (1958), «*Славянка*» (1958); десантные катера: «*Танкист*» (1958), «*Артиллерист*» (1959), «*Славянка*» (1979) – 30 ед.

4. Посвящения географическим объектам, названиям стран, городов и территориальных единиц актуальны как в советское время, так и в постсоветский период : линейные корабли «*Советский союз*» (1938), «*Советская Украина*» (1939), «*Советская Россия*» (1939); тяжелый крейсер «*Сталинград*» (1951); авианосцы: «*Москва*» (1967), «*Киев*» (1975), «*Минск*» (1978), «*Ульяновск*» (1988); подводные лодки: «*Краснодар*» (1986), «*Калуга*» (1989), «*Оренбург*» (1991), «*Белгород*» (1992), «*Саров*» (2008), «*Казань*» (2009), «*Санкт-Петербург*» (2010), «*Северодвинск*» (2011), «*Ростов-на-Дону*» (2011), «*Старый Оскол*» (2012), «*Новороссийск*» (2013); линейный крейсер «*Кронштадт*» (1962); противолодочные корабли: «*Кронштадт*» (1969), «*Николаев*» (1971), «*Петропавловск*» (1976); сторожевые корабли: «*Татарстан*» (2002), «*Дагестан*» (2012); батискаф «*Русь*» (2002); малые ракетные корабли: «*Град Свяжжск*» (2010), «*Узлич*» (2011), катер «*Чилим*» (2000).

Меморативная номинация судов в постсоветский период продолжает сложившиеся традиции: противолодочный корабль «*Адмирал Чабаненко*» (1996); фрегаты «*Адмирал флота Советского Союза С.Г. Горшков*» (2012), «*Адмирал Григорович*» (2013), «*Адмирал Флота Касатонов*» (2013). Уходят из употребления революционные символы, например, малый ракетный корабль «*Комсомолец Мордовии*» в 1992 г. стал называться «*Штиль*». Возрождаются религиозно-монархические имена: ракетный крейсер «*Пётр Великий*» (1998), подводные лодки «*Дмитрий Донской*» (2004), «*Юрий Долгорукий*» (2008), «*Александр Невский*» (2010), «*Владимир Мономах*» (2012), «*Святитель Николай*» (2012), сторожевой корабль «*Ярослав Мудрый*» (2009).

II. Символическая номинация.

1. Символические характеристики кораблей традиционно отражают их боевые качества, персонифицируя суда как активных участников военного дискурса, например, эскадренные миноносцы: «*Осмотрительный*» (1947), «*Смелый*» (1949), «*Неустранимый*» (1955), «*Спокойный*» (1956), «*Светлый*» (1956), «*Блестящий*» (1956), «*Бравый*» (1959); большие ракетные корабли: «*Бедовый*» (1955), «*Прозорливый*» (1958), «*Неуловимый*» (1958), «*Гневный*» (1960), «*Гремящий*» (1960); катер «*Крылатый*» (1963); противолодочные корабли: «*Сообразительный*» (1960), «*Отважный*» (1963), «*Образцовый*» (1963), «*Стережущий*» (1964), «*Стройный*» (1964), «*Решительный*» (1965), «*Смышлёный*» (1965), «*Строгий*» (1966), «*Смелый*» (1966), «*Находчивый*» (1966), «*Скорый*» (1970), «*Сдержанный*» (1973), «*Огневой*» (1973), «*Внушительный*» (1980), «*Удалой*» (1980), «*Проворный*» (1981),

«Надёжный» (1981), «Способный» (1981), «Сметливый» (1981); сторожевые корабли: «Резвый» (1975) – 11 ед., «Неустрашимый» (1993), «Стережущий» (2008), «Сообразительный» (2011), «Гремящий» (2011).

2. Зоонимические символы:

1) названия водных животных и рыб, например, подводные лодки: «Кит» (1959), «Ёриш» (1967), «Навага» (1967), «Скат» (1967), «Кефаль» (1967), «Налим» (1969), «Сёмга» (1972), «Мурена» (1972), «Тритон» (1973), «Мурена-М» (1975), «Кальмар» (1976), «Щука» (1977), «Плавник» (1978), «Навага-М» (1980), «Акула» (1981), «Баракуда» (1984), «Кефаль» (1985), «Пирания» (1988), «Кашалот» (1994); сторожевой корабль «Дельфин» (1974); десантные корабли: «Скат» (1969) – 29 ед., «Акула» (1971), «Кальмар» (1972) – 19 ед., «Омар» (1979) – 2 ед., «Мурена» (1985) – 8 ед., «Касатка» (1990);

2) названия птиц, наземных животных и насекомых традиционны в номинации небольших судов, например, сторожевые корабли: «Альбатрос» (1946), «Сокол» (1951), «Горностай» (1954), «Ястреб» (1988); десантные корабли: «Сайгак» (1967), «Джейран» (1970) – 20 ед., «Зубр» (1980) – 13 ед., «Серна» (1994); речные корабли: «Слепень» (1975) – 10 ед., «Москит» (1976) – 20 ед., «Пиявка» (1979) – 8 ед.; катера: «Тарантул» (1967), «Шмель» (1967), «Гриф» (1976), «Кулик» (1976), «Аист» (1975), «Сайгак» (1976), «Ястреб» (1997), «Мангуст» (1998), «Мустанг» (1999), «Терьер» (2000), «Соболь» (2006), «Сапсан» (2000), «Чибис» (2000), «Горностай» (2000), «Харза» (2000), «Грачонок» (2011); батискаф «Пантера» (2006); подводная лодка «Кондор» (1990).

3. Природные символы:

1) названия природных явлений, например, сторожевые корабли: «Айсберг» (1973) – 8 ед., «Пурга» (2011), «Океан» (2015); малый противолодочный корабль «Молния» (1987) – 30 ед.; малые ракетные корабли: «Бриз» (1967), «Вихрь» (1967), «Град» (1967), «Волна» (1968), «Гроза» (1969), «Буря» (1970), «Зарница» (1970), «Молния» (1971), «Шквал» (1972), «Заря» (1972), «Метель» (1973), «Шторм» (1973), «Циклон» (1973), «Радуга» (1974), «Тайфун» (1974), «Бурун» (1975), «Муссон» (1975), «Ветер» (1976), «Айсберг» (1976), «Туча» (1977), «Прибой» (1978), «Ураган» (1980), «Смерч» (1981), «Прилив» (1982), «Накат» (1982), «Самум» (1982), «Ливень» (1983), «Мираж» (1983), «Метеор» (1984), «Мороз» (1985), «Разлив» (1986), «Гейзер» (1987), «Пассат» (1988), «Ливень» (1988), «Перекат» (1988); речной корабль «Торнадо» (2006), катера «Огонек» (1967, 1998), «Вихрь-2» (1970);

2) названия камней и минералов используются не только в советский период, но и сегодня, например, тральщики «Алмаз» (1966) – 3 ед., «Базальт» (1970), «Аметист» (1970), «Корунд» (1970) – 53 ед., «Яхонт» (1972) – 50 ед., «Малахит» (1973) – 3 ед., «Топаз» (1974) – 2 ед., «Сапфир» (1989) – 8 ед., «Лазурит» (1989) – 8 ед., «Александрит» (2011); малые противолодочные корабли «Альбатрос» (1970) – 38 ед. и на подводных крыльях «Сокол» (1987) – 2 ед.;

катер «Алмаз» (1989); сторожевые корабли: «Рубин» (2010), «Жемчуг» (2010), «Бриллиант» (2011).

4. Другие престижные символы, редко используемые для номинации: подводные лодки «Август» (1960), «Лира» (1971), «Марс» (1990), «Аксон» (1983); плавбазы подводных лодок «Пегас» (1970), «Садко» (1986), катера «Антарес» (1978), «Аргус» (2000), «Икар» (2000), «Марс» (2000), «Консул» (2006). Подводная лодка «Алроса» (2004) носит имя шефствующей над ней российской группы алмазодобывающих компаний.

Как видим, в номинации ВМФ послевоенного и современного периода использованы все высшие ступени ценностно-стилистической иерархии, намеченной Ю.С. Крючковым, при этом «нижняя ступень» – «названия неодушевленных предметов» – используется редко и только для номинации малых судов: тральщик «Челнок» (1979) – 4 ед., катер «Гартун» (2009).

В соответствии с общемировой традицией [1, с. 113–114], имена прославленных кораблей как символы боевой славы России возрождаются в новых номинациях. Например, имя первого российского фрегата «Орёл» (1668) унаследовали броненосец «Орел» (1900), проект авианосца «Орёл» (1972). Интересно, что РКК «Энергия» им. С. П. Королева разрабатывает перспективный российский многоразовый пилотируемый космический корабль «Орёл» [4]. Крейсер «Адмирал Головкин» (1962), утилизированный в 2002 г., передал свое имя российскому многоцелевому фрегату 1-го ранга «Адмирал Головкин», который в 2023 станет первым штатным носителем гиперзвуковых ракет «Циркон».

Проведенное нами исследование онимического пространства российских артиллерийских орудий XVI-XVII вв. и кораблей ВМФ позволяет определить традиционные принципы и модели военной проприальной номинации, проследить ценностно-стилистические ориентиры ранжирования онимической лексики в сфере наименований боевых единиц.

Основными принципами военно-исторической номинации являются меморативный и символический. Все онимическое пространство объединяет семантика одушевленности, которую эксплицитно выражают меморативные и анималистические номинации, а также имена-характеристики. Природные символы персонифицируются как метафоры энергии, динамики, разрушительной мощи и стойкости.

Рассмотренные нами в историческом аспекте военные онимы формируют парадигму символов персонификации, соответствующую традициям апотропеического именования, смысл которого в передаче объекту номинации качественных характеристик тотема. Апотропеические имена, реализующие архетип чудесного помощника, обладающего сверхъестественной силой, формируют историческое ядро онимического поля российских вооружений.

Библиографический список

1. Кивилёва Е.Б. Динамический аспект каронимики как раздела ономастики // Вестник МГЛУ. Выпуск 20 (706). 2014. С. 110-119.

2. Крючков Ю.С. Имя на борту. М.: Транспорт, 1989. 157 с. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://coollib.com/b/594440/read?ysclid=ldna7x3mcw506221445>. Дата обращения: 14.02.2023.

3. Подольская Н.В. Словарь русской ономастической терминологии. М.: Наука, 1988.

4. РКК Энергия. Дмитрий Рогозин посетил РКК «Энергия» // Госкорпорация «Роскосмос» [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.goscosmos.ru/27852/>. Дата обращения: 14.02.2023.

5. Россия – номенклатура вооружений // Военный паритет [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.militaryparitet.com/nomen/russia>. Дата обращения: 14.02.2023.

6. Суперанская А.В. Общая теория имени собственного. М.: Наука, 1973.

7. Широков А. «Зверинец» на царской службе // Мир тесен [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://civil-war.mirtesen.ru/blog/43852814204/-Zverinets-na-tsarskoj-sluzhbe>. Дата обращения: 14.02.2023.

УДК 81:39; 81'282.4

ЛЕКСИКА СФЕРЫ ДОМАШНЕГО ОБИХОДА В РЕЧИ УКРАИНСКИХ
ПЕРЕСЕЛЕНЦЕВ И ПРОЦЕССЫ МЕЖЪЯЗЫКОВОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ
НА ТЕРРИТОРИЯХ СМЕШАННОГО ПРОЖИВАНИЯ
НАСЕЛЕНИЯ ВОЛГОГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ*

Н.А. Стародубцева

*Волгоградский государственный университет,
г. Волгоград, Российская Федерация*

В статье анализируются единицы, характеризующие сферу домашнего обихода в устной речи жителей украинских поселений на территориях бытования донских говоров. Рассматриваются семантические и функциональные особенности украинизмов и русизмов в процессе межъязыкового и междиалектного взаимодействия в поликультурном пространстве.

Ключевые слова: лексика материальной культуры, сфера домашнего обихода, межъязыковое взаимодействие, русский язык, украинский язык, донские говоры.

Проблемы взаимодействия и взаимовлияния русского и других близкородственных языков неоднократно становились предметом специального рассмотрения ученого-слависта, профессора Л.Б. Карпенко, которая в своих трудах выявляет общность их духовных традиций и ценностной систе-

мы [7; и др.], размышляет о судьбе русского языка на постсоветском пространстве и пытается осмыслить тенденции интеграционных и дезинтеграционных языковых процессов в настоящее время [6].

Необходимость описания современной культурно-языковой ситуации в ее региональном проявлении и изучения способов фиксации этнокультурной информации в речи диалектоносителей на территориях позднего заселения признаются в числе важнейших задач современной диалектологии и этнолингвистики [8; 9; 13; и др.].

Предметом нашего внимания являются особенности обиходно-разговорной речи украинских переселенцев и их потомков, членов смешанных русско-украинских семей, компактно проживающих в пунктах распространения донских говоров в Иловлинском, Киквидзенском и Урюпинском районах Волгоградской области. Представители данного этноса, несмотря на сохранение элементов украинской культуры в своем быте, выделяют себя в самостоятельную этнографическую группу с помощью самоназвания «хахлы» (с аканьем), считают себя частью российского общества и отделяют от украинцев, живущих на Украине или приехавших оттуда в недавнее время: *У нас сноха тоже, Надя Колина. Та вообще тагда приехала, нас не понимала. Украинка. Хохли нас не понималы!... У меня брат там служил на Украине и жинку привиз. Надю, да... Но там, конешна, Надька украинка действительна* (Вечерова Н.С., 1957 г.р., с. Семеновка, Киквидзенского района); *Та так же все разговариваем фси, як и ми. И вообще мы не украинцы* (Козырева Н.А., 1949 г.р., с. Семеновка, Киквидзенского района); *Ну, балакаем по-хахлячы, а пишим фси мы русские. И дети фсе так же балакают... Ну, украинский совсим ни такие говор и слова* (Домородова А.М., 1922, с. Семеновка, Киквидзенского района).

В языковом плане говоры данных территорий характеризуются неоднородностью, обусловленной сочетанием черт южнорусского наречия и восточнукраинских диалектов. Анализ записей устной речи жителей названных выше районов свидетельствует о том, что в данных местах проживают как те, кто родился на волжской земле и чьи родителями были украинцами, так и те, кто мигрировал сюда в результате историко-политических событий (Вторая мировая война), по социально-экономическим (приехали на заработки и остались) или личным причинам (навещать родственников).

Сбор и накопление материалов по спонтанной речи диалектоносителей в процессе экспедиционной работы позволяют выявлять новые данные о том, что остается живо в народном сознании и что подвергается трансформации под влиянием местных, локальных особенностей функционирования русского языка в его разговорной разновидности, при формировании полудиалектов. При этом наиболее эффективным в экспедиционном обследова-

нии является применение метода направленной беседы, когда записывающий может задавать наводящие вопросы, подавать отдельные реплики, использование методик опроса информантов, которые дают возможность фиксировать любые виды спонтанной речи, ценные диалоги и беседы жителей между собой, рассказы о повседневной жизни, семье, типичных занятиях; в ряде случаев важные уточнения могут быть сделаны в ходе прямого опроса диалектоносителей.

Как отмечают ученые, регионы со смешанным составом населения «создают неповторимую этносоциальную ментальность жителей, которая выступает фактором, определяющим современное развитие национальных культур на данной территории» [1, с. 4]. Важность исследования лингвистических основ устойчивого цивилизационного единства этнически родственных групп населения – казаков и украинцев – определяется спецификой процессов, способствующих сохранению и закреплению в языке представлений о материальной и духовной культуре народа, историческим развитием региона, разноплановостью проявления славянской языковой личности в поликультурном социуме, в том числе в билингвальных ситуациях, сопряжением интегрирующих и дифференцирующих тенденций формирования естественного речевого континуума [14, с. 119].

Особенности отражения в речи многообразия окружающей действительности дают возможность изучать специфику организации важнейших семантических сфер лексикона, среди которых выделяется, прежде всего, система обозначений объектов материального мира [16, с. 505]. Одно из звеньев этой системы, по-прежнему требующих исследовательского внимания, остается лексика сферы домашнего обихода, важность исследования которой обусловлена ее свойством номинировать предметно-понятийный фонд, фиксирующий традиционный уклад жизни того или иного этноса, и в то же время быть средством отражения культурно-символического содержания, «чутко» реагировать на изменения в этом укладе, обусловленные появлением новых реалий и исчезновением прежних.

В научных работах данное лексическое множество характеризуется различными терминами и понятиями: *бытовизмы*, *предметы быта*, *обиходная (бытовая) лексика*, *обиходно-бытовая лексика* и др. Однако самое понятие «обиход» в лексикографических источниках получает многоплановое толкование, указывающее как на конкретные номинации, так и на абстрактные явления и процессы. Например, в «Толковом словаре живого великорусского языка» В.И. Даля дается такое определение: «хозяйство, домашнее или ремесленное, промысловое, в значении дела и предмета его, всех принадлежностей» [4, т. 2., стлб. 1509]. В «Словаре современного русского литературного языка» под *обиходом*, прежде всего, понимается «повседневная жизнь в ее постоянных, привычных проявлениях; строй, порядок,

уклад жизни; употребление, пользование в обычной, повседневной жизни, в быту» [12, с. 152], далее с пометой *простореч.* указываются «предметы хозяйства, быта, домашняя обстановка» [Там же, с. 153]. Таким образом, критерием для включения словесных единиц в данную сферу является наличие в значении слова семантического компонента «в быту», «в домашнем обиходе», «в домашнем хозяйстве» или их вариантов [5, с. 9].

В рамках настоящего исследования ограничимся анализом лексических средств выражения данной сферы как фактов материальной культуры. Языковеды внутри данного класса рассматривают единицы, номинирующие повседневную одежду, обувь и их элементы, типичное жилище и его составные части, домашнюю утварь (кухонную посуду, различные хозяйственные принадлежности, приспособления и инструменты), продукты питания, изготавливаемые из них блюда и напитки, мебель и предметы домашней обстановки и т.п.

Специфику употребления анализируемых слов в лексиконе диалектоносителей представляется целесообразным рассмотреть посредством выявления лексических параллелей, обнаруженных в речи украинских переселенцев и их потомков при описании типовых ситуаций, характеризующих устройство домашнего быта. Классификация исследуемых элементов включает эквиваленты и аналоги, употребляемые носителями говоров как в рамках одного литературного языка и/или диалекта, так и разных языковых систем, что связано с узуальными формами общения, формирование которых обусловлено культурно-историческим взаимодействием коренных жителей и переселенцев в течение длительного исторического периода [15]. Инонациональное языковое влияние осложняется также процессом взаимодействия литературного языка и диалекта, распространенного или диаспорально представленного на данной территории, который во многих ситуациях является орудием общения этнически родственного населения – представителей разных славянских народов.

В качестве элементов межъязыкового характера в массиве фактов были зафиксированы единицы и описательные выражения, отражающие явления украинского и русского литературного языков. Это наблюдается, прежде всего, в описании различных бытовых ситуаций: применения в хозяйстве домашней утвари, эксплуатации жилища и хозяйственных построек, использования продуктов питания для приготовления пищи, например: *рушник* (укр.) – *полотенце*; *гончірка* (укр.) – *тряпка*; *скриня* (укр.) – *сундук*; *драбина* (укр.) – *лестница*; *хата* (укр.) – *дом*; *хлів* (укр.) – *сарай*; *олія* (укр.) – *растительное масло*, *постное масло*; *картопля* (укр.) – *картофель*; *буряк* (укр.) – *свёкла*; *цибуля* (укр.) – *лук*; и др. Отмечены также случаи функционирования общеславянских, русских и украинских, разговорных форм и конструкций, как правило, при номинации продуктов питания и кухонной

посуды: картошка, капуста, помидорка, ягоды, яички, кастрюлька, кры-
чешка, ложечка; повседневной одежды: фартучек, кофточка и др.

Анализ записей диалектоносителей показывает, что информанты – носители украинского языка – при описании будничных ситуаций часто употребляют лексические элементы разных языковых подсистем в рамках высказывания, используя в своей речи русские литературные (или разговорные) слова и диалектизмы: *компот*– *взвар* «компот из сушеных фруктов» [2, с. 76]; *колотить масло* – *сбивать масло* – *пахтатъ* «взбивать (сметану, сливки и т.п.); сбивать масло из молока» [11, с. 296]; *держатель* – *чапльи-ка* от *цапля* / *чапля* «сковородник» [2, с. 570]; и др. Например, на один из вопросов о жизни в предвоенные тридцатые годы так отвечает жительница села Мачеха Киквидзенского района Е.А. Рыжих, 1929 г.р.: [А что ели?] *Ну цю и кашу, взвары там, ци, суп, тыква, буряк. Вот такэ. Кампот варили, вместа сахара клали яблага или груши и свёклу*; этническая украинка из х. Дьяконовского Урюпинского района М.Т. Авилова, 1928 г.р., раскрывает процесс приготовления сливочного масла в прежние времена: *А масло, шперва пахтали ў бутылки, бутылка или то ў буты, а потом от така пахтушка деревяна и крест, сделана так деревяна и туды выливаешь сметану и сбивали масло, ўкусное было масло, сметана*; представительница смешанной русско-украинской семьи из с. Мачеха В.Д. Юрченко, 1950 г.р., описывает использование кухонных приспособлений: *От уси ж ваши горшки, чи чапльишки, яки сковоридку берутъ, держатели по-русски сей-час, а то чапльишка була, якої мы блянци ж пэклы*.

Отдельную группу бытовизмов, зафиксированных в речи украинцев, составляют диалектные (донские) и украинские соответствия: *буряк* / *буряк* (укр. и донск.) – *свекла*; *кавун* (укр. и донск.) – *арбуз*; *гарбуз* (укр. и донск.) – *тыква*; донск. *запón* «женский фартук, передник» [10, с. 232] – *фартук* (рус., укр.), *цыбуля* (донск.) – *цибуля* (укр.) – *лук*; *рушник* (укр. и донск.) – *полотенце*, *казан* (укр. и донск.) – *котел*; *гличик* (укр. и донск.) – *кувшин*; *качалка* (укр. и донск.) – *скалка*; и др.

Приведенные примеры свидетельствуют о том, что диалектоносители могут не давать никаких пояснений к гетерогенным лексическим единицам, воспринимая их как немаркированные в условиях естественного общения в поликультурном социуме: *Мягэньки пирожочки на чисту ситцеву тряпochку или на рушничок складайтэ, они пидходят. Тодди олиш нальвайтэ, подсолнечною масла, в сковоридку и берить ти пирожочки, яки пэрви слэтылы, и кидайтэ их и до румяноу цвета* (В.Д. Юрченко). Для живой речи характерна также семантизация слова с помощью маркеров времени, места, образа действия и др. (*сейчас, у нас, тут, мы называем, по-русски, по-украински* и др.), что отражает иллюстративный характер толкования значения, основанный на личном опыте говорящего [17, с. 10]: *Капусту*

любу, девочки, змывайтэ водою... Мы её называем *зиллѣ, капусту* (Юрченко В.Д.), где *зилля* «трава, зелень» [3, с. 358]; *Да-да, кухня мне у них панравилаь сразу, я помню, эта, свикрофь мне сварила суп, не суп, ну, он называется **капусняк по-украински*** (Чисница С.А., 1950 г.р., ст. Тепикинская Урюпинского района).

Часто информанты, когда говорят «по-хохлячьи», включают в свою речь русизмы, не выделяя их в речевом потоке: *В цэ время лук у вас нашинкованный мелко на тарилки и морковка руками наризана на полосочки. Борщ, конечно, мы варимо... Там же будут кисточки, там же будэ всё, но, девочки, обязательно – тэрты **свѣклу** на терку и обязательно помидоры з бочки или свежи колы есть* (В.Д. Юрченко). Используемые в рассказах о приготовлении блюд русские названия продуктов *лук* (вместо укр. *цибуля*) и *свекла* (вместо укр. *буряк*) служат наглядным примером «смешанной речи», свидетельствуя о сложном характере культурно-языкового взаимодействия родственных славянских народов.

Рассмотренный материал позволяет говорить о том, что лексические единицы, относящиеся к сфере домашнего обихода, широко представлены в лексиконе украинских переселенцев и их потомков, маркируют самобытные явления в местах, отличающихся полиэтничным составом населения, и отражают живую связь системного и функционального в языке. Исследуемый семантический фрагмент характеризует значимый пласт материальной культуры народа, фиксируя происходящие в ней изменения и дополняя сведения о процессах, сопутствующих формированию многонационального континуума.

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-01215, <https://rscf.ru/project/23-28-01215>.

Библиографический список

1. Бангоян Е.С. Тематическая группа «Предметы быта» в диалектах юго-запада Брянщины: лексико-семантический, сопоставительный и этнолингвистический аспекты: дисс. канд.филол.н. Брянск, 2020. 223 с.
2. Большой толковый словарь донского казачества: ок. 18 000 слов и устойчивых сочетаний. М.: Рус. слов. : Астрель : АСТ, 2003. 608 с.
3. Ганич Д.И., Олейник И.С. Русско-украинский, украинско-русский словарь. 7-е изд., доп. и переработ. Київ: А.С.К., 1998. 560 с.
4. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. 3-е изд., испр. и знач. доп. СПб. ; М.: М.О. Вольф, 1903–1909. Т. 2: И–О. 1905. 2030 стлб.
5. Загоровская О.В., Клесарева К.А. Иноязычные неологизмы сферы домашнего обихода в языковом сознании современных носителей русского языка

// Современные проблемы лингвистики методики преподавания русского языка в вузе и школе. 2020. № 30. С. 8-12.

6. Карпенко Л.Б. Русский язык как «преемник общеславянского литературного языка» // Русский язык и литература в пространстве мировой культуры: материалы XIII Конгресса МАПРЯЛ (г. Гранада, Испания, 13-20 сентября 2015 года): в 15 т. Т.6. 2015. С. 241–247.

7. Карпенко Л.Б. Аксиологический подход в преподавании языка как фактор эколингвистики // Проблемы когнитивного и функционального описания русского и болгарского языков. 2018. Вып. 12. С. 18–27.

8. Плотникова А.А. Этнолингвистическая география Южной Славии. М.: Индрик, 2004. 767 с.

9. Северьянова А.А. Украинские говоры Волгоградской области // Вопросы краеведения: материалы VI и VII краев. чтений. Вып. 4–5. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 1998. С. 256–259.

10. Словарь донских говоров Волгоградской области / под ред. проф. Р.И. Кудряшовой. Вып. 2. Волгоград: Изд-во ВГИПК РО, 2007. 352 с.

11. Словарь русских народных говоров/ гл. ред. Ф. П. Сороколетов. Л.: Наука. Вып.25. 352 с.

12. Словарь современного русского литературного языка: В 17 т / под ред. В.И. Чернышёва. М., Л.: Изд-во АН СССР, 1950–1965. Т.8. 1959. 1840 стб.

13. Супрун В.И., Брысина Е.В. Языковая ситуация в Волгоградской области // Известия ВГПУ. Филологические науки. 2015. № 3(98). С. 154–160.

14. Тупикова Н.А. О специфике славянской языковой личности в пунктах смешанного проживания донских казаков и украинцев на территориях позднего заселения // *Slavia Orientalis*. 2018. Т. LXVII. № 1. С. 117–127.

15. Тупикова Н.А. Стародубцева Н.А. Лексические параллели в речи представителей русско-украинских семей как отражение культурно-языковых контактов славянских народов // *Rossja w Dialogu kultur*. Tom 1 / pod red. K. Dembskiej, M. Gluszkowskiego. Torun: Wyd. Naukowe Uniwersytetu M. Kopernika, 2015. S. 303–315.

16. Тупикова Н.А. Стародубцева Н.А. Обозначение процессов, направленных на деструктивное изменение объектов материального мира, в речи носителей донских говоров // Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования) 2017 / Ин-т лингв. исслед. РАН. СПб.: Нестор-История, 2017. С. 504–515.

17. Тупикова Н.А. Стародубцева Н.А. Способы семантизации диалектной лексики в региональной художественной прозе и устной речи диалектоносителей // Вестник ВолГУ. Серия 2, Языкознание. 2022. Т. 21, № 4. С. 5–19.

ИМЯ ЛЮДМИЛА В СЛАВЯНСКИХ ЛИНГВОКУЛЬТУРАХ

В. И. Супрун*Волгоградский государственный
социально-педагогический университет
Волгоград, Российская Федерация*

В статье анализируется история антропонима *Людмила* в славянских языках. Отмечается, что это женское имя используется во всём славянском мире, у всех народов *Paх Slavia*. В силу закреплённости в католическом календаре и православных святцах оно получило распространение и у других народов. В славянских языках антропоним имеет богатую палитру гипокористических и деминутивно-мелиоративных дериватов. Это имя носят многие известные личности в разных странах мира, прежде всего славянских. Имя используется в художественных и публицистических текстах, в фольклоре.

Ключевые слова: двусоставное имя, антропоним, Людмила, лингвокультура, славяне.

Двусоставные имена фиксируются у многих народов мира. Их истоки просматриваются в индоевропейском праязыке, что подтверждается продолжением традиции создания композитных имён в языках всех индоевропейцев. Известный польский лингвист профессор Ягеллонского университета Тадеуш Милевски (1906-1966) определил количество сохранившихся в источниках композитных имён в разных индоевропейских языках и их группах: санскрит – 865, авестийский – 180, древнеперсидский – 43, греческий – 1015, кельтские – 336, славянские – 220 [21]. Имена германских вождей и военачальников, представленные во многих хрониках, состоят из двух частей: Theodoricus < Þeudō ‘народ, племя’ + Reikiz ‘властитель, правитель’, Gerhard < Ger ‘копьё’ + hard ‘сильный, стойкий, отважный’, Wolfgang < Wolf ‘волк’ + Gang ‘путь’ и мн. др. [17, с. 28].

Известно, что многие древнееврейские имена состоят из двух частей, одной из которых является именование Бога [9; 6]. Регулярно представлены двусоставные имена в арабской антропонимии. Двусоставные антропонимы обнаруживаются в уральских, алтайских языках. Существование этой языковой фреквенталии позволяет высказать предположение о наличии тенденции к антропонимической композиции уже в ностратическом праязыке. Безусловно, важную роль играли также межъязыковое взаимодействие,

интерференция антропонимической модели из одной лингвокультуры в другую.

Детально изучены праславянские двусоставные антропонимы С. М. Толстой [18]. Л. Р. Осташ выявила 85 антропооснов, употребляющихся в полной форме чешских композитных антропонимов: Blah-, Boh-/Bož-, Voj-, -boj, Bor-, -bor, Brat-, Břet-, Bud-, -bud, Čech-, Čest-/Cti-, Čist-, Dal-, Dan-, -dan, Dar-, -dar, Des-, Dobr-, Drah-, Duch-, -hněv, Hor-, Host-, -host, Hvězd-, Chot-, Chran-, -chval, Jar-, Kaz(i)-, Kras-, Křes-, Květ-, Lub-/Lib-, Lud-/Lid-, Lut- и мн. др. [11]. В. Венцель среди композитных имён (Vollnamen) серболужичан выделил 22 с конечным элементом -sław, 6 – -bor, 4 – -rad, 3 – -mił, по 2 – -mysl и -těch и по одному – -host, -ber, -bog и -mir [25, S. 67].

Видимо, композитные славянские имена, которые состояли из двух очевидных частей, могли легко разделяться на них и образовывать краткие формы (гипокористику). Сербский исследователь Р. Йовичевич предположил, что упомянутый в 789 году вариант имени князя (короля) лютичей (велетов, вильцев) *Дрого* был гипокористической формой от *Драговит* (Drogoviz) [19, с. 231], его сын также остался в истории с краткой формой имени *Люб*, вероятно, от полного антропонима *Любовой* [22, р. 110]. Этноним *лютичи* с характерным патронимическим суффиксом *-ич* можно возвести к антропонимам с начальным *Лют-*, которые встречались у славянском композитном именнике: известны сербские правители *Лютомир*, *Лютовид* [27]. В том же 789 году упоминается верховный князь союза племён ободритов *Дражко* (Thrasco) [12], имя которого содержало тот же корень *Драг-*, к которому был присоединён мелиоративный суффикс *-ьк-*, вызвавший первую палатализацию *g > ž.

Одной из причин сокращения двусоставных имен, превращения их в односоставные было использование антропонимов в ходе коммуникации в вокативной функции. Для славян наиболее удобной формой обращения стало двусложное слово с пенультимативным ударением, что привело к возникновению единиц лепетного языка рус. *мама, тятя, баба, деда, дядя, тётя*, белор. *мама, тата, дзеда*, серб. *мама, тата, ћаћа*, болг. *мама, чичо, леля*, чеш. *máma, táta, strejda, teta*, словац. *мама, оско, strýko, teta* и пр., а также стало основой гипокористической деривации.

Для обращения из двусоставного имени вычленялась одна из частей, чаще первая, которая затем для повышения уровня интимности коммуникации могла присоединять к себе деминутивно-мелиоративные суффиксы: Путислав, Путимир > *Путя > Путята, Жьдислав, Жидимир > *Жида > Жидята (епископ Новгородский Лука Жидята, 1030/1035-1059), Святослав > *Свята > Святоша (Николай Святоша, Святослав Давыдович Луцкий, около 1880 – 1143) и пр.

Сомнительным является разделение композитного антропонима не по морфемному шву; предположения о происхождении имён *Борис* < *Борислав*, *Вадим* < *Вадимир*, *Радим* < *Радимир* вряд ли состоятельны. Самостоятельность каждой части двусоставного имени чётко осознавалась славянами, из имени легко вычленились начальная или конечная морфема для использования в обращении. В данных случаях можно говорить о нестандартном антропонимическом суффиксе *-им*, используемом в кратких мужских именах для придания им двусложности. Популярное у восточных славян имя *Любим* (С. Б. Веселовский отмечает: «очень распространено» [4, с. 188]) могло быть образовано от имён с начальным и конечным корнем *Люб-/люб*: *Боголюб*, *Нелюб* [4, с. 42, 217], *Любомир* (ср.: фамилия Любомиров, топонимы Любомировка в России и на Украине), *Миролюб* (ср.: фамилия Миролюбов, топонимы Миролюбовка в России, Казахстане и на Украине) и др.

Эта простота и лёгкость разделения двусоставных имён на части стали в будущем моделью гипокористической деривации у славян. Она распространилась на пришедшие после принятия христианства имена из греческого, латинского, древнееврейского и других языков, но теперь на первое место выдвинулись не деривационные, а фонетические закономерности: в именах стали вычлениваться три (реже два) звука, к которым прибавлялся суффикс (позже ставший флексией) *-а/-о*, перед которым мог стоять суффиксоид *-ш-*: рус. Иван > Ваня, Ольга > Оля, Юрий > Юра, Михаил > Миша, Мария > Маша; болг. Иван > Ваньо, Тодор > Тошо, Петър > Пешо, Димитър > Митро и др.

Несмотря на общеславянский характер возникновения и функционирования двусоставных имён, у каждого народа были свои предпочтения по выбору того или иного антропонима. Близость славянских языков и культур народов позволяла легко переходить именам из одного сообщества в другое, но антропонимические традиции, своеобразная древняя и средневековая мода на выбор имён приводила к тому, что одни композитные имена были распространены преимущественно у западных славян, другие – у южных, третьи – у восточных. Так, имена с начальными *Kaz-*, *Květ-*, *Hvězd-* и др. были известны у западных славян, но не встречались у восточных и были редкими у южных. Имя *Володимѣръ* с исходным значением ‘владеющий мерой, знающий меру’ [16] первоначально, видимо, получило распространение у восточных славян, а затем стало популярным на всей территории *Rax Slavia*.

Западнославянское происхождением имеет имя *Людмила*. Оно было создано путём соединения основ *Люд-* и *-мл.* Первая основа имела в конце *ъ*, который после падения редуцированных в слабой позиции исчез. Она имеет субстантивное происхождение, представлена в апеллятивах чеш. *lud*,

соврем. lid, словац. ľud, польск. lud, укр. люд, рус. диал. люд ‘народ’, рус. *людь (ср. нелюдь), укр. людина, ц.-слав. людинъ ‘человек’, плюральная форма люди / людзі / људи / lidé / ľudia / ludzie / ľjudje, ставшая супплетивной к *человек*. Этот корень входил в имена южных и западных славян: Людемысл / Людимысл / Людомысл, Людимир / Людомир, Людислав / Людослав [10, с. 115].

Второй корень адъективного происхождения регулярно входил в качестве первого или второго члена антропонимов на всём пространстве *Rach Slavica*: Вышемил, Вѣчемил, Вячемил, Гостимил, Далимил, Даромила, Милонѣг, Милисав, Милислав, Милосав, Милослав, Милорад, Радмил, Радимил; Богомил, Дорогомил, префиксальные образования Немил, Перемил, деминутивы от краткой формы Миленя, Милнок, Милюта, Миляй, Милован и др. [10; 4].

Христианская церковь с первых веков своего существования тщательно собирала сведения о святых, записывая их жития в различных сборниках: минологиях, прологах, синаксарях, патериках. В IX веке в Византии разрозненные тексты были собраны в сборники, предназначенные для домашнего или келейного чтения, они получили название *Μηναια* (< *μηναιος* ‘помесячный’). При переводе на церковнославянский язык греческий библионим был заимствован, к нему было добавлено славянское существительное *четыи* (от глагола ЧИСТИ, ЧЪТЖ, ЧЪТЕШИ [15, с. 779]), чтобы отличать их от богослужбных миней.

Первые Четы-Миней были переведены на церковнославянский язык, вероятно, в конце XI – начале XII веков в Царьграде по заказу новгородцев [1, с. 261]. В XVI веке архиепископ Новгородский Макарий, будущий митрополит Московский и всея Руси, создал Великие Четы-Миней, в которые были включены не только византийские тексты, но и созданные на Руси жития святых. В конце XVII – начале XVIII веков святой Димитрий Ростовский на основании Макарьевских Четий-Миней и труда болландистов *Acta Sanctorum* подготовил и издал в 1689-1705 годы 4 тома житий православных святых на церковнославянском языке.

Уже во второй половине XII века житие чешской святой Людмилы было известно на Руси. Оно было включено в так называемую пространную редакцию пролога. Вероятно, исходный текст был написан в Сазавском монастыре, где литургия велась на церковнославянском языке до 1092 года, после чего монахи были изгнаны, а монастырь был передан ордену бенедиктинцев, богослужение перешло на латынь. Предполагается, что этот монастырь имел контакты с Киево-Печерской лаврой. В житии святого Вячеслава сообщается, что его бабка Людмила отдала внука на обучение славянской письменности [23, с. 49]. После запрещения церковнославянской письменности в Сазавском монастыре часть книг попала в Киевскую Русь,

они были использованы Нестором при составлении Повести временных лет. На Руси были известны жития святого Кирилла-Константина и Мефодия, составленные в Великой Моравии: первое – до 880 года, второе – в 885 году. Русская летопись включает моравские источники: Сказание о преложении книг на словенский язык и Повесть о поселении славян на Дунае и нашествии угров [14, с. 20].

Житие святой Людмилы было включено на день 16 сентября в Великие Четьи-Миней Макария. Чехия была далеко, проверить сведения вряд ли было возможным, поэтому в первую строку в агиографический источник вкралась неточность. Людмила названа дочерью сербского князя: «бьяше отъ земля Сер'бския князя сер'бскаго д'щи». Имя Людмилы написано с выносным ером: Люд'мила [3, стлб. 1216]. Димитрий Ростовский в 1-м томе своего сочинения значительно сократил текст Макарьевских Четий-Миней, всё житие вместилось в 4 строки. В нём опущено упоминание о Сербии, указано лишь то, что она «баба святого Вечеслава, князя Чешскаго» [5, л. 85 (ПЕ)]. На Руси в те времена мало знали о западнославянском народе серболужичанах, которые называли себя сербами. Более известны были сербы, живущие на Балканском полуострове, поэтому и Людмилу приписали к ним.

Людмила была дочерью Славибора (859-894), князя пшован (псован). Это небольшое племя серболужичан находилось в Чешской долине при впадении Влтавы в Лабу. Оно было окружено чешскими племенами, которые в конце концов было ассимилировано. К югу от них располагались земли крупного племени чехов, в нём правил легендарный князь Гостивит, который решил женить своего сына Борживоя на дочери Славибора. Но свадьба состоялась только в 874 году, когда невесте исполнилось 14 лет. К тому времени Борживой уже был правителем Чехии. Он, видимо, был крещён при дворе князя Великой Моравии Святоплука. Позже в Праге святым Мефодием была крещена и Людмила. В столице Чехии была построена церковь святого Климента.

Младший сын Борживоя и Людмилы Вратислав был женат на Драгомире, дочери князя полабского племени стодорян Тугумира. Отношения между свекровью и снохой не сложились. Бабка воспитывала внука Вячеслава (Вацлава) в христианской вере, а сноха была язычницей. В конце концов Драгомира подслала к Людмиле убийц, которые 15 сентября 921 года убили княгиню. Разбойники задушили княгиню её же шарфом (увивалом [3, стлб. 1217]), поэтому на всех иконах святая Людмила изображается с белым шарфом на шее [7]. 28 сентября 935 года погиб от руки брата Болеслава и Вацлав. Вскоре он и его бабка Людмила были канонизированы, они являются святыми обеих ветвей христианства [20, с. 237; 24].

Жития святых Вячеслава и Людмилы были рано известны на Руси. Их сравнивали с русскими святыми равноапостольными Ольгой и Владимиром, тоже бабкой и внуком, но без трагической кончины обоих. Однако сначала их имена не получили широкого распространения у восточных славян. Если имя Вячеслав с вариантами Вацьслав, Вецеслав, Вечеслов, Вѣчеслав встречалось у некоторых жителей русских земель XIII-XVII веков [10; 4, с. 67, 76], то имя *Людмила* в «Ономастиконе» С. Б. Веселовского не отмечено, а у М. Морошкина относится только в чешской святой и ещё одной жительнице Чехии (если не считать вариант *Людмила* в подделанной В. Ганкой и Й. Линдой Краледворской рукописи) [10, с. 115].

О функционировании этого имени в западнославянской лингвокультуре свидетельствует история Польши. В 1148 году у великопольского князя Мешко III Старого из династии Пястов родилась дочь, которой дали славянское имя Верхуслава [26]. А. Ф. Литвина и Ф. Б. Успенский предполагают, что этот антропоним она получила в честь своей двоюродной тётки, дочери новгородского князя Всеволода Мстиславича, жены польского князя Владислава IV Кудрявого [8, с. 250-251]. Однако у этой княжны (впоследствии герцогини Лотарингской) было также имя Людмила, которое ей, вероятно, было дано в честь чешской святой при крещении.

В дальнейшем имя *Ludmila* употреблялось в европейских странах, его давали в католических и протестантских странах, весьма далёких от *Rach Slavía*. Его носили поэтесса XVII века графиня Шварцбург-Рудольфштадская (вариант *Ludāmīlīa*), немецкая писательница XIX века Ассинг (*Ludmilla*), албанская писательница и журналистка Пайо. Это имя стало популярным в Бразилии, там жила христианская певица Муриас Фербер Лино, в настоящее время так зовут бразильскую профессиональную футболистку да Силва и певицу Оливейра да Силва (*Ludmilla*), обе выступают только с именем, без фамилии.

В России стимулом к распространению имени Людмила послужила художественная литература. В начале XIX века в великосветских салонах обеих российских столиц было популярно произведение немецкого поэта, представителя литературного движения «Буря и натиск» Готфрида Августа Бюргера «*Lenore (Ленора)*» (1773), в основе которой лежала народная шотландская баллада «Клятва верности» из составленной Т. Перси антологии «Памятники старинной английской поэзии» (1765). Было также известно, что в 1796 году эта баллада была переведена на английский язык (начинающий писатель В. Скотт опубликовал свой перевод без подписи). В. А. Жуковский в 1808 году на основе этого сюжета создаёт свою балладу, в которой переименовывает героиню в Людмилу. Она ожидает, что жених вернётся «из далёких, чуждых стран с грозной ратнью славян».

Более известной стала другая баллада В. А. Жуковского, созданная по мотивам того же произведения Г. А. Бюргера, – «Светлана» (1812). Она стала популярной в стране, его начальные строки «Раз в крещенский вечерок / Девушки гадали: / За ворота башмачок, / Сняв с ноги, бросали» были известны любому школьнику. В 1831 году В. А. Жуковский в третий раз обратился к тексту баллады Г. А. Бюргера, на этот раз переведя её близко к тексту оригинала и озаглавив «Ленора».

А. С. Пушкин хорошо знал и высоко ценил творчество В. А. Жуковского, хотя и позволял себе порой иронизировать над ним. Он брал цитаты из произведений Василия Андреевича в качестве эпиграфов к повести «Метель» и к пятой главе «Евгения Онегина». Оба раза отрывки взяты из баллады «Светлана», но и первое переложение В. А. Жуковским баллады Г.А. Бюргера было знакомо А. С. Пушкину. Он взял из него имя для героини своей поэмы «Руслан и Людмила». Постепенно этот женский антропоним стал на слуху в русской лингвокультуре, им стали называть девочек. Так, 23 октября 1850 года в семье Дмитрия Прокофьевича Шелапутина (1802-1855) родилась будущая популярная писательница и автор первого словаря рифм русского языка Людмила Дмитриевна Шаховская.

Наибольшая популярность имени Людмила в русскоязычной среде приходится на первую половину и середину XX века. В эти годы родились известные русские деятельницы науки, искусства, культуры, спорта Людмила Зыкина (1929-2009), Людмила Белоусова (1935-2017), Людмила Гурченко (1935-2011), Людмила Черных (1935-2017), Людмила Вербицкая (1936-2019), Людмила Семенюта (1950), Людмила Турищева (1952), Людмила Карпенко (1953) и мн. др. Это же имя часто встречается в те же годы в Белоруссии, на Украине, в Казахстане и в других республиках СССР. В Болгарии получило распространение мужское имя *Людмил*, образованное от женского.

Антропоним *Людмила* имеет большое количество гипокористических и диминутивно-мелиоративных форм. Благодаря прозрачной деривационной структуре оно легко разделяется на две части: *Люда* и *Миля* / *Миля*. Первая часть в начале XX века фиксируется также с мягкой основой: *Людя* [2, с. 93, 97]. Отмечены также формы с суффиксоидами *Люся*, *Люля*, *Мика* [13, с. 191]. Обе основы и их суффиксоидные дериваты присоединяют регулярные уменьшительные суффиксы: *Людочка*, *Люсенька*, *Милочка*, *Людюша*, *Милуша*, *Людюся*, *Милуся*, *Лидуня*, *Милуня*, *Микуся* и др. При присоединении к полному имени суффикс *-ка* теряет фамильярно-уничижительную оценочность: *Людмилка*.

В чешской лингвокультуре имя *Ludmila* сохраняет высокую частоту употребления, в Праге проживает 5308 женщин с этим антропонимом, в Брно – 2818, в Остраве – 2135. Особенно высокая частота употребления

этого имени отмечена в районах, граничащих со Словакией, там оно занимает 5-10 место среди всех женских антропонимов.

В чешском языке звук [u] после мягкого перешёл в [i]: lud > lid, ťuch > čich, júnoch > jínoch и др. В имени Ludmila в силу его закреплённости в культуре исторический звук сохранился, однако в дериватах закономерный фонетический процесс произошёл: Lída, Lidka (суффикс -ka во всех славянских языках, кроме русского, сохранил ласкательность). Встречаются также гипокористические и ласкательные дериваты Lidunka, Lola, Liduška, Duška, Míla, Liduše, Lilina, Ludmilka.

Итак, имя Людмила используется во всём славянском мире, у всех народов Pax Slavia. В силу закреплённости в католическом календаре и православных святцах оно получило распространение и у других народов. В славянских языках антропоним имеет богатую палитру гипокористических и деминутивно-мелиоративных дериватов. Это имя носят многие известные личности в разных странах мира, прежде всего славянских. Имя используется в художественных и публицистических текстах, в фольклоре.

Библиографический список

1. Афиногенов Д. Е. Новгородское переводное четъе-минейное собрание: происхождение, состав, греческий оригинал // *Abhandlungen zu den grossen Lesemenäen des Metropolitens Makarij: kodikologische, miszellenologische und textologische Untersuchungen*. Bd 2. Freiburg im Breisgau: Weiher, 2006. S. 261-283.

2. Бонч-Бруевич В. Д. Знамение времени – убийство Андрея Ющинского и дело Бейлиса (Впечатления Киевского процесса). 2-е изд., пересмотр. И доп. Москва: Гос. изд-во, 1921. 200 с.

3. Великие Миней Четии, собранная всероссийский Митрополитом Макарием. Сентябрь, дни 14-24. Санкт-Петербург: Тип. ИАН, 1869. IVс., стлб. 673-1392.

4. Веселовский С. Б. Ономастикон: Древнерусские имена, прозвища и фамилии. Москва: Наука, 1974. 382 с.

5. Димитрий Ростовский, свт. Жития святых. Книга первая: Сентябрь, октябрь, ноябрь. Киево-Печерская лавра, 1764. [репринтное изд-е]. Санкт-Петербург: Аксион эстин, 2009. 498 (УЧИ), 6 (S) л.

6. Древнееврейские имена, фамилии, колена: Энциклопедия: В 3 т. Т. 1: Имена / Под общ. ред. В. Р. Ириной-Коган. Москва: Олимпия press, 2003. 589 с.

7. Ковалев-Случевский К. П. Святые Людмила и Вячеслав Чешские: жизнеописание и деяния. Москва: Бослен, 2017. 319 с.

8. Литвина А. Ф., Успенский Ф. Б. Выбор имени у русских князей в X-XVI вв.: Династическая история сквозь призму антропонимики. Москва: Индрик, 2006. 904 с.

9. Малицкий М. Собственные имена у древних евреев и их религиозно-историческое значение // *Христианское чтение*. 1882. № 3-4. С. 284-596.

10. Морозкин М. Славянский именовослов, или Собрание славянских личных имен в алфавитном порядке. Санкт-Петербург: Тип. 2-го отд. собств. Е. И. В. канц., 1867. 212 с.
11. Осташ, Л. Р. Слов'янські автохтонні власні імена в чеському антропоніміконі: автореф. дис. <...> канд. філол. наук. Київ, 2004. 17 с.
12. Павинский А. И. Полабские славяне в борьбе с немцами: VIII-XII вв. Москва: ЛИБРОКОМ, 2015. 178 с.
13. Петровский Н. А. Словарь русских личных имён. 4-е изд., доп. Москва: Русские словари, 1995. 414 с.
14. Свердлов М. Б. К истории великоморавской культурной традиции на Руси конца XI – начала XII вв. // Петербургский исторический журнал, 2015. № 3 (7). С. 10-21.
15. Старославянский словарь (по рукописям X-XI веков) / под ред. Р. М. Цейтлин, Р. Вечерки и Э. Благовой. Москва: Рсу. яз., 1994. 842 с.
16. Супрун В. И. Владимир и Вольдемар: антропонимическая загадка // XIII Крымские международные Михайловские литературно-онимастические чтения: Матер. конф. / Гл. ред. А. В. Петров; ответ. ред. В. М. Калинин. Симферополь: Изд-во КФУ им. В. И. Вернадского, 2019. С. 12-18.
17. Супрун, В. И., Данилов, А. В. Двусоставные имена как важный этап индоевропейской антропонимии // Ономастика Поволжья: матер. XV Междунар. научн. конф. / Под ред. Л. А. Климковой, В. И. Супруна, Арзамас, 2016. С. 27-31.
18. Толстая С. М. Двусоставные антропонимы в праславянском языке // Вопросы ономастики. 2021. Т. 18. № 2. С. 9-32.
19. Jovičević R. O poreklu slovenskih hipokoristika tipa MIRO, DRAGO // Зборник Шесте Југословенске ономастичке конференције. Београд: Српска АНУ, 1987.
20. Karbusický V. Bájé, mýty, dějiny. Nejstarší české pověsti v kontextu evropské kultury. Praha, 1995.
21. Milewski T. Ewolucja morfologiczna indoeuropejskich złożonych imion osobowych // Biuletyn Polskiego Towarzystwa Językoznawczego. 1957. T. 16. S. 37-69.
22. Riché P. The Carolingians: A Family Who Forged Europe / Transl. from the French by M. I. Allen. Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 1993. XIX, 398 p.
23. Sázava: památník staroslověnské kultury v Čechách / Kv. Reichertová, E. Bláhová, V. Dvořáková, V. Huňáček. Praha: Odeon, 1988. 456 s.
24. Třeštík D. Počátky Přemyslovců. Vstup Čechů do dějin (530-935). Praha: Nakl-ví Lidové noviny, 1997. 658 s.
25. Wenzel W. Studien zu sorbischen Personennamen. T. 1: Systematische Darstellung. Bautzen: Domovina-Verlag, 1987. 175 S.
26. Wyrozumski J. Wielka historia Polski. Tom 2: Dzieje Polski Piastowskiej (VIII w. – 1370). Kraków: Fogra, 1999. 400 s.
27. Živković T. Forging unity: the South Slavs between East and West: 550-1150. Belgrade: Inst. of history, 2008. XXXIV, 350 s.

ЭТНОЯЗЫКОВАЯ И ФУНКЦИОНАЛЬНАЯ СПЕЦИФИКА ЛЕКСИКОНА
ДИАЛЕКТОНОСИТЕЛЕЙ В ПУНКТАХ СМЕШАННОГО ПРОЖИВАНИЯ
ДОНСКИХ КАЗАКОВ И УКРАИНСКИХ ПЕРЕСЕЛЕНЦЕВ¹

Н.А. Тупикова

*Волгоградский государственный университет,
г. Волгоград, Российская Федерация*

В статье охарактеризован комплексный подход к анализу речи русско- и украиноговорящих диалектоносителей на территориях бытования донских говоров Волгоградской области. Охарактеризовано содержание оппозиций, ориентированных на выражение этноязыковой информации; показаны случаи дифференцированного и недифференцированного обозначения этнокультурной идентификации групп населения в разговорном обиходе местных жителей. Определен круг актуальных теоретических вопросов и прикладных задач в рамках поставленной проблемы, обозначены возможные подходы к их решению на славянском региональном материале.

Ключевые слова: речь диалектоносителей, этнолингвистика, лексика, функциональная семантика.

Славистическая проблематика исследований профессора Людмилы Борисовны Карпенко, научные работы которой хорошо известны в России и за рубежом, связана с развитием ценностного подхода, рассматривающего язык как средство укрепления взаимопонимания между людьми, инструмента единения и основы диалога национальностей [6, с. 16–17]. И хотя интересы ученого концентрируются в основном вокруг вопросов истории славянской письменности [4; 5; 8; 24], сформулированные Л. Б. Карпенко постулаты о необходимости осмысления понятия «единый цивилизационный тип», складывающийся под воздействием различных средств массовой регуляции [7, с. 23–24], чрезвычайно актуальны. Данный феномен важен для понимания системы ценностей, формирующихся в результате взаимодействия народов, которые связаны генетически и объединены однотипной традицией социальной организации [7, с. 26–27]. В этом плане изучение современной речи диалектоносителей на территориях, где русский язык, с одной стороны, является для разных этносов «общим духовным домом» [6, с. 17], а с другой – своеобразной «скрепой», то есть общезначимой составляющей непротиворечивой среды общения населения и продуцирования текстов [25, с. 127], необходимо для характеристики

функционирования и развития естественной речи, что порождено жизнью, служить которой речь призвана, причем жизнью каждого индивидуума и жизнью общества в целом [1, с. 24]. Объект данного исследования – лексикон, представленный в речи диалектоносителей, включается составной частью в «язык региона», который рассматривается нами в качестве регионального варианта функционирования русского языка по признакам территории распространения и общности исторического развития, полиэтничности населения, закрепления в сложившихся формах бытования общезначимых, узуальных единиц, диалектизмов и региональных инноваций, специфики вариативности средств обозначения лиц, предметов, понятий, процессов, признаков в реалиях окружающей действительности.

Исторические и энциклопедические источники определяют донских казаков как живущих и несущих службу на Дону представителей вольной военной общины, сообщества с особым самоуправлением [12, V, с. 298; 12, IX, с. 315–316], народ славянской речи, живущий на берегах реки Дон и его притоков, в низовьях Дона [20, с. 109], а также как этническую группу, сложившуюся на берегах Дона и его притоках, жители Области Войска Донского (до начала XX века), которая занимала часть современной Волгоградской, Ростовской и др. областей, Харьковской, Луганской и Донецкой областей [21, с. 91]. Южнорусские земли компактно заселялись также представителями других народов, в том числе украинского. Первопоселенцы из Полтавской, Черниговской, Харьковской и других губерний активно основывали в Подонье свои слободы [9; 13], часто сохранявшие название «малой родины» (Александровка, Семёновка, Мачеха и др.). Украинцы Волгоградской области, по мнению В.И. Супруна, – особая группа населения, формировавшаяся в течение длительного времени [14, с. 335]. Рассказы местных жителей – потомков переселенцев – отражают факты исторического прошлого: *Значит, эта Александроўка – там, уде украинцы, и вот эта зона калхозная, ана в аснавном украинская. <...> Вот у нас сило за речкай былó. Эта Зилёноўка [?]. Так там выхоўцы были ис Полтаўской губернии. <...> Ездили и ужэ в наше время туда на родину. <...> И ўовор у них был сильнее укράинский* (здесь и далее при передаче речи диалектоносителей применяется упрощенная транскрипция). Несмотря на то, что в западной части региона Подонья распространены гомогенные русские (донские казацкие) говоры, на территориях бывшей Области Войска Донского в украинских поселениях получили распространение относительно гомогенные говоры восточноукраинского типа [14, с. 334], называемые, как писала Р.И. Кудряшова «хохлачими» [9, с. 7, 16, 44]. Элементы хохлацкого говора как правило выступают в смешении с русской обиходно-разговорной речью, а в этноним «хохлы», закрепившийся за украинцами по мере расселения и употребляемый населением края, обычно не вкладывает-

ся пренебрежительного значения [14, с. 336]: *А тiперь с дядiей Стёпай пауаварити. Эта хахол чистакровный. – Родыўса в Мачихи. А родитили оказались – эта их с Украины, в их паспорти былó, што украинци.* Это неофициальное прозвищное обозначение [10, с. 23] приобретает особую значимость при реализации разноплановых содержательных оппозиций «хохлы – казаки», «хохлы:: украинцы – русские:: казаки», «украинцы:: хохлы – русские:: казаки, казаки:: москали», «хохлы/украинцы – москали», которые выступают своеобразным этнолингвистическим маркером.

Первый компонент оппозиции в его составной части *хохлы* – это «коренные» украинцы, или потомки первопереселенцев, которые в бытовой речи используют «хохлячий говор», основное средство этнической самоидентификации личности в пунктах смешанного проживания населения. Его можно отнести к диалектным образованиям «разной степени сохранности» [14, с. 337], а самоназвание встречается обычно с аканьем, указывает В.И. Супрун: *Я вапце хахлушка, я вапце хахлушка, я не казачка. Я ж жыла у хахлов, а двинацать килóметров – там жылы казаки, но я ў Хахляндиш, я хахлушка.* Составной частью первого компонента оппозиции является также название *украинцы* для недавних украинских переселенцев или их потомков, носителей украинского языка, переехавших на территорию Волгоградской области или родившихся в пунктах бытования донских говоров, но не утративших национальной связи с родиной предков и осознающих этноязыковую принадлежность: *Вы сами родом с Украины, откуда? – Чиркаская область, Уманский район, село Качубеифка <...> я украинка, муш у миня русский <...> сюда приехала – я пряма стала харашо ужэ разуаваривать ... как-та привыкла на эт язык, на русский. – А там, на Украине, Вы больше говорили на своем родном, на украинском языке? – Да-да. Носители «хохлячего говора», которые считают себя уже частью русского народа [14, с. 337], противопоставляются по языковым признакам недавним переселенцам с Украины, их потомкам: – *А с детьми говорите на каком языке? – Балакаем по-хохлачи, а пишем по-русски. <...> – А внуки? – И внуки, и правнуки, и все так же балакают. <...> – Все говорят по-украински? – Ну, украинские совсем не такие. И слова не такие. Хохлацкое население и коренное русское, в том числе донские казаки, с национально-культурной точки зрения могут расценивать название «украинец» как официальное, синонимичное неофициальному «хохол» и тождественное ему, применимое для всех говорящих на украинском языке/хохлячем диалекте в данной местности: *Ну, хахлы! Цэ ж по-культурному пишэмся украинци, а бильш пидходым до кубанских казакив, як они балакають. <...> – В паспорте у Вас тоже? – Ў паспорти украинци.* В языковом же сознании этих «коренных жителей», их потомков лингвистическая компетенция безупречно разграничивает единицы разных диалектных систем, что является способом этноязыковой идентификации личности: – *И как, Вы по-русски или по-украински говорили?***

[с родителями. – Н.Т.] – По-хохлацы. По-украински нет – по-хохлачи. – «По-хохлачи» это чем отличалось от украинского? – Тада у меня ш бабушка, мать моя, жыла там [в городе Куйбышев, сейчас Самара. – Н.Т.], а дочка йиздыла, племянница прыжжсяла ко мне, к нам с Куйбышева, ну они пойхалы туды, а бабушка и говорыт: «Девочкь, прынэсыте мне драбыну». – «Бабушка, а чейт такое?». – «Я вам сказала – прынэсы драбыну». – <...> ну, хто на... Што за драбына? А эт лесница. Из приведенного фрагмента видно, что информант различает элементы хохлацкого говора и украинской речи. Для первых не характерен украинизм *драбина* с дефиницией «лестница; стремянка» [22, с. 535], хотя это слово известно хохлам, поскольку употребляется в донских говорах на территории смешанного проживания хохлацкого населения и донских казаков, однако в другом значении, уже сходном с украинским; ср.: «Бокова частина воза або саней, виготовлена з впоздовжніх и поперечних жердин» [23, с. 265] и «Верхние продольные брусья борта арбы», «борт арбы в виде лестницы; жердь» [2, с. 139; 11, с. 150].

Второй компонент оппозиции и его части – *казаки (донские), русские, москали* – с содержательной точки зрения может определяться дифференцированно и недифференцированно. При дифференциации донских казаков и русского населения на первый план, во-первых, могут выходить осознаваемые диалектоносителями языковые различия, выговор: – *А родители казаки? – Да нет, русские... Казаки не так разгаваривають*; во-вторых, отдельность своей этнической группы от русских может представляться казаками как очевидный и известный факт действительности; это выражается в определенном противопоставлении с использованием неофициального прозвищного обозначения *москали*: *Радилася я в Мачушанскава района, <...> село Зяно́вка. – Казацье село, да? – Нет, маскали там. – А чем москали от казаков отличаются? – Да хто яго знает*. С этнонимом *москали* связано также недифференцированное включение в данную группу населения по совокупности факторов культурно-исторического порядка и территории компактного проживания. Можно сказать, что в этом случае в картине мира диалектоносителей признак обособленности разговаривающих по-русски и говорящих по-казачьи становится нерелевантным, так как донской говор, сформировавшийся на основе, близкой к южнорусскому наречию, выступает маркером общей принадлежности этноса к русскому народу в качестве его части, а прозвище *москали* служит здесь средством этнолингвистической характеристики этого населения Волгоградской области (*русские/казаки*). Название употребляется также в речи информантов для разграничения населенных пунктов по национальному признаку: *Ну, вот так ф селе, если сказать, хохлоу, значит, Мачиха, ну, Озерка <...> патом идет Калиноўка, там москалы, значит, эта рускьи мужыки, москалямы. Ещѐ Ежоўка, эта Александроўка – там, уде украинцы*. Материал свидетельствует, что доминантными могут оказываться общие этнокультурные черты, прояв-

ляющие определенное сходство групп в национально-ментальном отношении: жителей, в разной степени принимающих связи своего происхождения с украинским народом либо осознающих себя частью русского народа.

Среди актуальных проблем лингвистики XXI века весьма важным представляется изучение этнического самосознания, что требует дальнейшего обоснования постулата о необходимости сохранения, прежде всего, родного языка как уникального средства выражения человеком чувства принадлежности к определенному этносу, своеобразного ретранслятора национальной – материальной и духовной – культуры [19, с. 95]. Совокупность фактов, извлеченных из речи информантов, записанной по методу открытого опросника на территориях смешанного проживания донских казаков и украинских переселенцев (их потомков) в Волгоградской области, подтверждает это. Будучи способом организации и развития разных сфер жизни, культура накапливает ценности: материальная вбирает в себя результаты практической деятельности человека: жилище, орудие труда, хозяйство, одежда, пища и др., духовная охватывает знание мира, воспитание, семейные традиции, обрядовость и т.д. [17, с. 486–487]. Важной составляющей выражения национального самосознания в этой связи является анализируемый лексикон жителей, поскольку он позволяет раскрыть себя как в отношении одного этноса к другому, так и в оценке их связи между собой [18, с. 503]. Говоря об актуальности изучения любого языка (говоров), особенно за географическими границами его существования, необходимо, по мнению В.И. Теркулова, видеть перспективу работы в целостной программе ее поэтапной реализации, в которой лингвоэтнические вопросы применительно к отдельным славянским диаспорам, анклавам, населенным пунктам и говорам, находящимся в иноязычном окружении, должны занимать не последнее место [15, с. 294–298]. В методологическом плане это предполагает, по нашему мнению, использование комплексного подхода, сопрягающего методы диалектологического, этнолингвистического и функционально-семантического аспектов исследования. Одним из важных методов анализа материала является полевое моделирование лексикона, что дает возможность очертить как устойчивость словаря в его ядерной, приядерной зонах, так и изменчивость, связанную с явлением проницаемости периферийного пространства. Конституенты поля требуют выявления по признакам специализированности реализации семантики, регулярности и частотности употребления единицы в данном значении [16], что необходимо, как представляется, не только для установления иерархии элементов структуры лексикона, но и, в первую очередь, для его содержательно-смысловой сегментации – определения границ тематических областей с этнокультурной информацией, способов обозначения реалий окружающей действительности – лиц, предметов, явлений, процессов и признаков в ма-

териальной и духовной сферах деятельности человека, дальнейшей дифференциации тем, детализации признаков и приемов разграничения микротем, ситуаций, микроситуаций, зафиксированных в речи диалектоносителей. Кроме того, осмысление вопросов, актуальных для названной проблематики, ставит перед нами задачу еще раз, на ином уровне дефинирования, вернуться к уже однажды сформулированным понятиям «славянская языковая личность», «этнолингвистические скрепы». Создание солидной теоретической и фактической основы такой работы открывает возможности прикладного использования ее результатов для создания базы данных, аккумулирующей оригинальный этнолингвистический и диалектологический материал, для развития региональной лексикографии, для пополнения Национального корпуса русского языка.

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-01215, <https://rscf.ru/project/23-28-01215>.

Библиографический список

1. Балли Ш. Язык и жизнь: пер. с фр. / вступ. статья В.Г. Гака. М.: Едиториал УРСС, 2003. 232 с.
2. Большой толковый словарь донского казачества / Редкол. В.И. Дегтярёв и др. М.: Русские словари-Астрель-АСТ, 2003. 608 с.
3. Бондарко А.В. Теория значения в системе функциональной грамматики: На материале русского языка / Рос. академия наук. Ин-т лингв. исслед. М.: Языки славянской культуры, 2002. 736 с.
4. Карпенко Л.Б. Священная азбука Кирилла. Самара: ООО «Офорт», 2004. 228 с.: ил
5. Карпенко Л.Б. Сказание «О письменах» Черноризца Храбра как источник изучения глаголической проблемы // Преславска книжовна школа. Шумен: Универзитетско изд-во «Епископ Константин Преславски», 2004. С.172–183.
6. Карпенко Л.Б. Ценностный подход к русскому языку: вектор языковой политики // XXX-е Кирилло-Мефодиевские чтения «Славянский мир: вера и культура» (Самара, 22-24 мая 2008 г.): материалы Международной научно-практической конференции преподавателей истории, языков и культуры славянских народов / под ред. Л.Б. Карпенко. Самара: Изд-во СНЦ РАН, 2008. С. 16–27.
7. Карпенко Л.Б. Цивилизационное значение русского языка // Сталинградская гвоздика: сб. материалов Международного форума преподавателей русского языка и литературы славянских стран и государств СНГ / под ред. И.А. Прихожан и В.И. Супруна. Волгоград: Изд-во ИП Поликарпов И.Л., 2013. С. 23–29.
8. Карпенко Л.Б. Онтология славяно-русского письма. Самара: Изд-во «Самарский университет», 2016. 159 с.
9. Кудряшова Р.И. Слово народное. Говоры Волгоградской области в прошлом и настоящем. Волгоград: «Перемена», 1997. 124 с.
10. Пищальникова В.А. Этнопсихоллингвистика. Часть 1. Этническая идентичность / В.А. Пищальникова, А.И. Хлопкова. М.: Проспект, 2020. 112 с.

11. Словарь донских говоров Волгоградской области / авт.-сост. Р.И. Кудряшова, Е.В. Брысина, В.И. Супрун; под ред. проф. Р.И. Кудряшовой. Изд. 2-е, перераб. и доп. Волгоград: Издатель, 2011. 704 с.
12. Словарь обиходного русского языка Московской Руси XVI–XVII вв.. Вып. 5 / под ред. О.С. Мжельской. СПб: Наука, 2012. 342 с.; вып. 9 / Под ред. Е.В. Генераловой, О.В. Васильевой. СПб.: Наука, 2020. 367 с.
13. Супрун В.И. Коренное украинское население Поволжья и Подонья: от появления до перехода в статус скрытого меньшинства // Украинистика в России: история, состояние, тенденции развития: матер. Межд. науч.-практ. конф. (г. Москва, 11–12 ноября 2009 г.). Киев; М.; Уфа: Изд-во Уфимского филиала МГГУ им. М.А. Шолохова, 2010. С. 121–126.
14. Супрун В.И. Украинцы Волгоградской области // Этнографическая энциклопедия Волгоградской области / редкол.: М.А. Рыблова (гл. ред.) [и др.]. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2017. С. 335–337.
15. Теркулов В.И. О программе исследования украинских говоров России и смежных проблемах // Интеграционные процессы в коммуникативном пространстве регионов: материалы Междунар. науч. конф., г. Волгоград, 12–14 апр. 2010 г. / сост. Д.Ю. Ильин, Н.Л. Шамне. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2010. С. 294–298.
16. Тупикова Н.А. О полевым функционально-семантическом исследовании русского глагола // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. 2013. № 3 (19). С. 19 – 26.
17. Фролов, Н.К. Взаимосвязи этнических культур в зеркале социо- и этнолингвистики // Фролов Н.К. Избранные работы по языкознанию: в 2 т. Т. 1. Тюмень: Изд-во Тюменского государственного университета, 2005. С. 485–490.
18. Фролов Н.К. Русское национальное самосознание в лингвокультурной коммуникации // Фролов Н.К. Избранные работы по языкознанию. В 2 т. Т. 1. Тюмень: Изд-во Тюменского государственного университета, 2005. С. 498–503.
19. Улейчик Н.Л. Этнолингвистическая ситуация в Гродненской губернии на рубеже XIX–XX веков // Славянский мир и национальная речевая культура в современной коммуникации: сб. науч. ст.: в 2 ч. Ч. 1 / редкол.: В.А. Белозорович (гл. ред.) [и др.]. Гродно: ГрГУ, 2022. С. 93–99.
20. Энциклопедия казачества / Сост. Г.В. Губарев, ред.-изд. А.И. Скрылов. Вступ. статья О.О. Антропова. М.: Вече, 2007. 544 с.: ил.
21. Этнографическая энциклопедия Волгоградской области / редкол.: М.А. Рыблова (гл. ред.) [и др.]. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2017. 544 с., ил.
22. Загнітко А.П. и др. Великий сучасний російсько-український українсько-російський словник. Донецьк: ТОВ ВКФ «БАО», 2008. 752 с.
23. Сучасний тлумачний словник української мови / за загл. ред. д-ра філол. наук, проф. В.В. Дубічинського. Х.: ВД «Школа», 2009. 1008 с.
24. Karpenko L. *The glagolitic Alphabet and the Creed: On the Question of the christological Content of the first Slavic Alphabet* // PALAEOBULGARICA-STAROBALGARISTIKA. 2020. Vol. 44, Issue 4. № 4. P. 47–70.
25. Turikowa N. О специфике славянской языковой личности в пунктах смешанного проживания донских казаков и украинцев на территориях позднего заселения // *Slavia Orientalis. Rocznik LXVII. Nr 1. Warszawa, 2018. S. 117–127.*

«ЙЕС!» contra «УРА!»:
ДВА МЕЖДОМЕТИЯ – ДВА МИРА

Т.М. Шкапенко

Балтийский федеральный университет имени И. Канта,
г. Калининград, Российская Федерация

В статье описывается механизм интродукции междометия *Йес!* в разговорные практики носителей современного русского языка. С помощью матрицы семантических примитивов А. Вежбицкой выявляется разница в сценарной прагматике междометий *ура!* и *йес!*. Обосновывается, что встраивание этноспецифичного американского языкового рефлекса, эксплицирующего ощущения победы и превосходства, в национальный фонд русских первичных междометий ведет к переформатированию культурно-поведенческой матрицы носителей принимающего языка.

Ключевые слова: междометие *йес!*, англо-американские заимствования, глобализация.

До 90-х годов прошлого столетия для лингвистических работ, посвященных изучению феномена междометий, было характерно убеждение о закрытости, неполноте фонда первичных междометий. Действительно, состав простейших звуков и их сочетаний, эксплицирующих эмоциональные реакции, усваивается в ранние периоды онтогенеза и приучение взрослого человека к выражению естественных, неподдельных эмоций с помощью заимствованных «вокальных жестов» может являть собой «свидетельство антропологического регресса» [4, с. 147]. Междометие – результат конвенции, условный языковой рефлекс, который вырабатывается в процессе социализации, при этом каждый этносоциум вырабатывает свой собственный репертуар интеръективов, определяющих на рефлексивном уровне эмоционально-оценочные нормы реагирования и поведенческие стереотипы.

На рубеже двух столетий, однако, все включившееся в процесс англоглобализации человечество стремительно освоило новую, англо-американскую систему эмоционального реагирования на определенные стимулы. Среди заимствованных интеръективов наибольшую популярность приобрели *вау* и *йес!*. Если междометный возглас *вау* вызвал достаточно мощную волну критики, многочисленные попытки лингвокультурного сопротивления и теоретического осмысления [2, 5 и др.], то вхождение междометия *йес!* прошло практически незаметно для публичного сознания и для внимания лингвистов. В то же время

яркая этнокультурная специфичность данного междометия заслуживает пристального внимания как психолингвистов, так и лингвокультурологов и социолингвистов.

И. Шаронов один из немногих упоминает *йес*, причисляя его к списку так называемых вокальных жестов, передаваемых 27-мью наиболее частотными первообразными междометиями [3, с. 562]. Причисление *йес* к группе первичных междометий представляется спорным даже в отнесении к языку-донору. Как показывает лингвокультурный анализ, междометие *yes!* возникает на основе эллипсиса популярного американского слогана *Yes, we (I) did it!* (*Да, мы (я) сделали это!*). Данная фраза входит в состав так называемых мотивационных слов, которыми американская нация стимулирует агентивность своих членов в постоянном стремлении к успешной конкуренции. В получившем уже статус прецедентного текста сочетании *Yes we can. Yes we did.* (*Да, мы можем. Да, мы это сделали*) соположение модальности возможности с модальностью уже свершившегося действия превращает данные краткие лозунги-констатации в суггестивные модуляторы языкового сознания американской нации.

Усечение «разъяснительной» части слогана *we did it* приводит к компрессии его содержания, что проявляется на уровне просодии в подчеркнуто эмфатическом произнесении согласного [й]: *йййес!*. Основной ситуацией употребления интеръектива в языке-доноре является одержанная кем-либо победа в различных сферах жизнедеятельности или получение желаемого результата. Основной областью функционирования интеръектива является политический, спортивный дискурс, а также разговорная речь. Например: *They've scored another goal.* - '*Yes!*' (*Они забили еще один гол! Йес!*); *We are the first. Yes!* (*Мы первые! Йес!*) [6].

Сопутствующие данным событиям радостные эмоциональные ощущения ранее передавались в русском языке только с помощью интернационального междометия *ура*. С начала 90-х годов употребление *ура* в речи становится все реже, в то время как *йес!* все активнее используется носителями русского языка и постепенно переходит на уровень спонтанных, интериоризированных эмоциональных рефлексов. По нашим наблюдениям, первым лингвокультурным транслятором победного возгласа *йес!* в России, как и во многих других странах, стала американская рождественская комедия «Один дома» («Home alone»), вышедшая в России в прокат 27 декабря 1993 года. Главный герой фильма, восьмилетний Кевин, каждый раз, когда ему удается нанести «поражение» незадачливым злодеям, сопровождает одержанную мини-победу возгласом *йес!*

В русском языке основными областями функционирования заимствования становятся политический и спортивный дискурс, а также разговорная речь. Симптоматичными и необходимыми для составления сценария междометия *йес!* с использованием алгоритма А. Вежицкой [1] представляются не только

ситуации-каузаторы, но и речевое сопровождение возгласа, например: *Йес! Мы их порвали! Йес! Я их сделал* и т.п. Данные и им подобные реплики эксплицитным образом выражают изначальную нацеленность говорящего на конкуренцию и конфронтацию, его ориентированность на эгоцентрический успех. *Йес!* – это не безобидный возглас радости, сопровождающий победу, а констатация чувства глубокой удовлетворенности достижением своих целей, а также осознание своего превосходства над остальными. Согласно матрице А. Вежбицкой, сценарий *йес!* может быть представлен следующим образом:

Я очень хотел получить результат X,
Этот же результат X хотели получить другие,
Я получил результат X,
Другие не получили результат X.
Я сейчас чувствую что-то,
что чувствуют люди в этой ситуации.

Наиболее полно конфронтационный компонент американского интеръектива проявляется в ситуациях, в которых с кем-то случилось что-то плохое, что представляется оценивающему субъекту заслуженным актом возмездия и вызывает в нем чувства, которые могут быть охарактеризованы как торжество или злорадство. Например:

- *Думаю, йес!, так тебе и надо! Не будешь за другими юбками бегать.*
- *Йес! Получил по заслугам! Бог не фрайер!*

Для ситуаций данного типа более точным представляется следующий сценарий:

Йес! (сценарий 2)
X сделал У что-то плохое,
Теперь с X случилось что-то плохое,
У считает, что X заслужил это плохое,
Поэтому У чувствует что-то.

В отличие от *йес!* в коррелирующем с *ура!* фрейме выражается чувство радости и энтузиазма, без сопутствующего ему чувства превосходства. Например:

- *Ура! Меня приняли на работу!*
- *Ура! Лекции перенесли на завтра.*

Ситуации данного типа могут быть описаны с помощью следующего сценария:

Ура! (сценарий 1)
Случилось что-то очень хорошее
Я не думал, что это случится,
В связи с этим я чувствую что-то очень хорошее.

Возглас *ура!* не сопровождается силовой семантикой жестов и мимики, не предполагает изначальной нацеленности индивида или группы людей на достижение цели в конкурентном обществе. Напротив, самыми частотными

каузаторами в речи носителей русского языка становятся сообщения, связанные с перспективой приятного бездействия или неожиданной отмены урока, занятия и т.п.: «Ура! каникулы!», «Ура, отпуск!» и т.п. Междометие *ура* лишено конфронтационного компонента и его произнесение (часто коллективное), как правило, сопровождается улыбкой или другими жестово-мимическими способами выражения радости.

Ситуативный, а также контекстуальный анализ свидетельствует о том, что междометный возглас *йес!* прочно вошел в практику эмоционального реагирования носителей русского языка и представляет собой спонтанную реакцию на соответствующие стимулы. Например:

- *Йес!* – триумфально пропела Грицак и решительно пошла в сторону зеленой машины [О. Хмельницкая, Сокровище с неба].

- "О *йес, йес, йес*, - заорал мой мозг, - *Идет птичка да на клетку!*". [К. Феридана, Накатоми].

- «*Йес!*» – едва не вырвалось у отца Петра с Максимом Ивановичем, обрадованными не меньше Веньки. [Ю. Шурупов, Джокер старого сыскаря].

Вхождение аксиологически чуждого интеръектива *йес!* в речевые практики и его интериоризация в языковом сознании, с одной стороны, на рефлексивном уровне приучает индивида к агентивной нацеленности на достижение успеха, с другой стороны, закладывает основы его существования в условиях постоянно актуализируемой оппозиции «свой – чужой», что приводит к перестроению культурно-поведенческой матрицы носителей принимающего языка.

Библиографический список

1. Вежицкая А. Семантика междометий // Семантические универсалии и описание языков. М., 1999. С. 611–647.
2. Кронгауз М.А. Русский язык на грани нервного срыва. М.: Языки славянских культур, 2008. 320 с.
3. Шаронов И.А. О новом подходе к классификации эмоциональных междометий // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: труды Международной конференции «Диалог 2006» (Бекасово, 31 мая – 4 июня 2006). М., 2006. С. 561 – 566.
4. Шапенко Т.М. Англо-американское междометие «*вау*» в современном русском языке // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Русский и иностранные языки и методика их преподавания. 2016. № 4. С. 141–149.
5. Шапенко Т.М. О последствиях междометной американизации национального языкового сознания // Казанская наука, № 9. С. 79 – 81.
6. Urban – Urban Dictionary [Электронный ресурс]. Режим доступа: Urban - <https://www.urbandictionary.com>.

КАТЕГОРИЗАЦИЯ И КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ ЗНАНИЙ В ЯЗЫКЕ И КУЛЬТУРЕ

УДК 801; 81'42

КУЛЬТУРА, ИДЕОЛОГИЯ, ЖАНР КАК ФАКТОРЫ ДИСКУРСИВНОГО ВАРЬИРОВАНИЯ КОНЦЕПТА

Н.В. Крючкова

*Казахский гуманитарно-юридический университет
имени М.С. Нарикбаева,
Астана, Казахстан*

О.Ю. Крючкова

*Саратовский национальный исследовательский
государственный университет
имени Н. Г. Чернышевского, Саратов, Российская Федерация*

На примере концепта «молодость» в статье раскрывается динамическая и вариативная сущность концептов, обусловленная спецификой данного ментального образования, сформированного в результате взаимодействия культурных, социальных, дискурсивных влияний. В статье показано, что концепты как структуры хранения знаний формируются и модифицируются под влиянием коммуникативного узуса, дискурсивных предпочтений, свойственных определенной эпохе, определенной идеологии, определенным сферам общения, жанровым формам.

Ключевые слова: концепт, дискурс, динамика, вариативность.

Важной особенностью современной лингвистики является внимание к динамическим аспектам языка в их связи с явлениями сознания и культуры. Развивается «подход, ориентированный на узус» (usage-based approach, по Р. Лангакеру), который «стремится поставить в центр изучения и теоретического анализа непосредственно дискурсивную практику», исходит из положения о том, что не существует «языка вообще», а существуют структуры, которые преобладают в определенных типах дискурса (у разных говорящих, в разные моменты времени и т. п.); их и надо изучать» [8, с. 10-11].

Динамическая природа концепта связана с самой сущностью данного ментального образования – структуры хранения знаний, сформированной в результате взаимодействия целого ряда культурных, социальных, психоло-

гических влияний (ср. сопоставление концепта и понятия у Ю. С. Степанова в [9, с. 19-20]). Отсюда вытекает как историческая динамичность, так и дискурсивная вариативность концептов как их неотъемлемые свойства.

Концепты как структуры хранения знаний, несомненно, играют важную роль в процессе коммуникации и, в свою очередь, формируются и модифицируются под влиянием коммуникативного узуса, дискурсивных предпочтений, свойственных определенной эпохе, определенной идеологии, определенным сферам общения, жанровым формам (ср. напр., положения о главенствующей роли коммуникативной функции языка, опосредующей когнитивные процессы [2, с. 368]; о принадлежности концепта тому или иному дискурсу, детерминирующему специфику концептуального содержания, [6, с. 6-7]; о собственной «концептосфере» отдельных типов и жанров речи – их специфических характеристиках с точки зрения содержания их основных концептов [11, с. 273]).

Динамическая и вариативная сущность концептов рассмотрена далее на примере концепта *молодость* (культурное и идеологическое воздействие на содержание концептов возраста типа *молодость*, *старость* рассматривалось также в [10], [5]).

В работах [1], [14], [12] показаны особенности представлений о молодости, свойственные разным культурно-историческим эпохам. Так, по наблюдениям французского историка Ф. Арьеса [1], в Средние века молодостью называли расцвет жизни, «средний возраст» (ср. совр. *зрелость*), а юность, которая в современном представлении является этапом молодости, не выделялась с возрастной периодизации, отождествляясь вплоть до XVIII столетия с детством [1, с. 229]. Слово *enfant*, отмечает Ф. Арьес, приблизительно до XVII в. употреблялось по отношению к людям, принадлежащим к разным (с современной точки зрения) возрастным группам – как по отношению к детям (в современном понимании), так и по отношению к молодым людям, например, 18-ти или 24-х лет [1, с. 230]. Ср.: в одном произведении этого периода говорится о «порочном мальчике», «таком ленивом и испорченном, что не научился никакому мастерству, постоянно бывал в обществе пьяниц и обжор» [Там же]. В [3] и [4] описана специфика содержания концепта *молодость* в европейской и русской культурах прошлого – XVI-XIX вв., преимущественная актуализация представлений об эмоциональном (не рациональном), восторженном отношении к жизни (сочетания *пламя / огонь / хмель молодости, кипящая / ветреная молодость*; упоминание таких свойств, как бесшабашность, безрассудство, легкомыслие, горячность, восторженность).

Содержание концепта *молодость* претерпевает заметное влияние со стороны идеологии, что проявляется в идеологизированных дискурсах, таких, например, как советский дискурс. Характерной чертой советской эпохи, как показано в [3], является значительное повышение (сравнительно

с предшествующим, досоветским периодом) актуальности признака 'полнота жизненных сил' путем указания на энергичность, бодрость, активность, здоровье молодого поколения. Регулярная эксплуатация названных смысловых компонентов концепта *молодость* служит цели создания привлекательного образа молодых строителей коммунизма. На это же направлены такие модификации концептуального содержания, как нивелирование семантических компонентов 'неопытность', 'безответственность' (бесшабашность, безрассудство) – частотными оказываются дискурсивные корреляции «молодежь» – «опыт», «ответственность»; признак горячности как особенность эмоционального восприятия действительности молодыми людьми получает в советском политическом дискурсе безусловно положительную оценку, характеризуется как энтузиазм, задор, романтический порыв, окрыленность; семантический компонент 'незрелость' заменяется выдвиганием текстовой связи молодости с талантом – положительным качеством, которое, представляя собою свойство потенциальное (талант как высокая мера способности может реализоваться и не реализоваться в будущем), наделяется чертами константного, онтологического признака концепта *молодость* (словосочетания *талантливая молодежь*, *талантливые молодые...* приобретают характер устойчивых коллокаций).

Культ молодости, конструирование соответствующего символического образа характерно также для идеологического дискурса другой направленности. Л. Пассерини и Л. Мальвано показывают, что в фашистском дискурсе в Италии и Германии понятия *молодой*, *молодость* в значительной мере утрачивают связь с собственно возрастной шкалой, становятся выразителями представлений о новом человеке, символом приверженности пропагандируемой данным дискурсом идеологии, ср. приведенные итальянскими исследователями примеры из фашистской прессы 1930-х гг.: «молодым является тот, кто давно и эффективно служит делу фашизма» [13, с. 353], «фашизм – это молодость, следовательно, красота, пыл, гармония» [12, с. 279].

Анализ функционирования концепта *молодость* в современных русских текстах свидетельствует о заметном влиянии типов и жанров речи на характер концептуального содержания. Исследование корпуса контекстов с лексемами с корнем *молод-* в современных (2015-2022 гг.) художественных и нехудожественных текстах разных жанров, включенных в Национальный корпус русского языка [7] показывает неоднородность актуализованного в них концептуального содержания. Компоненты, образующие содержание концепта *молодость*, неравномерно распределены по жанрово-дискурсивным типам текстов. Они выступают либо как «дискурсивно связанные» признаки концептуального содержания, регулярно проявляясь в одних типах текстов и отсутствуя в других, либо обнаруживают преимущественное тяготение к определенным жанрово-дискурсивным разновидностям текстов.

Дискурсивную связанность имеют концептуальные признаки ‘будущее’ – ассоциирование молодежи с будущим страны, ‘подверженность молодежи дурному влиянию’, которые репрезентированы исключительно в текстах газетных СМИ, частотной темой которых становится представление проектов и инициатив, направленных на раскрытие потенциала молодежи, привлечение молодого поколения к участию в решении важных задач в области экономики, науки, культуры, а также обсуждение попыток целенаправленного пагубного влияния на молодежь со стороны деструктивных сил, ср.: *Поколение Z – молодежь в возрасте от 18 до 25 лет – уже начинает играть заметную роль на рынке труда* (Ведомости, 2021); *Партия включает в свои списки ... и совсем молодых людей, деятельность которых является перспективной* (Парламентская газета, 2021); *Мы сталкиваемся с насаждением нашему молодому поколению чуждых ценностей и идеалов* (Парламентская газета, 2021).

На долю газетных СМИ приходится также абсолютное большинство случаев актуализации признаков ‘незрелость, неопытность’, ‘радикализм, опасное поведение’, коррелирующих с компонентом ‘подверженность молодежи дурному влиянию’. Актуальность в газетных СМИ семантического компонента ‘энергия, активность’ соотносится с ассоциированием молодежи с будущим страны.

Корреляции «молодость – IT-технологии» (владение IT и зависимость от них) характерна для современной учебно-научной литературы (разных ее жанров), в которой анализируются особенности образа жизни, интересов молодежи, ср.: *Большинство молодых людей в возрасте 15 – 22 лет (85%) и 23 – 34 лет (74%) пользуются сетью ежедневно, в то время как среди 65 – 72-летних таких только 7%...* («Информационное общество», 2017); *молодой врач... заявил, что сразу же почувствовал себя человеком из-за владения электронной карточки!* («Информационное общество», 2015).

Семантические компоненты ‘веселье, задор’, ‘красота и привлекательность’, ‘здоровье, сила, бодрость’, ‘повышенная эмоциональность: романтизм, пылкость, горячность’ в абсолютном большинстве случаев актуализированы в художественных текстах: *В те годы Боб крутился с молодым задором* («Дальний Восток», 2019); *...прискакал Филипп – весёлый молодой человек...* («Волга», 2016); *Были тихие, несколько чопорные приветствия, мушиная вежливость церковниц и очень много молодых красивых лиц* («Волга», 2015). (Относительно активен концептуальный компонент ‘красота и привлекательность’ также в жанрах публицистики).

Ср. также выражения *молодой романтик; молодой горячий; любили друг друга с пылом и жаром, словно в молодые годы*, отмеченные в художественной прозе.

Признак ‘талант’, представленный как элемент содержания концепта *молодость* в текстах разной жанрово-дискурсивной принадлежности (устойчивыми являются сочетания *молодой и талантливый, талантливый молодой*), более всего связан с жанрами публицистики. В других типах текстов корреляция «молодость – талант» актуализируется значительно реже.

Преимущественно к жанрам публицистики тяготеет также концептуальный признак ‘молодость – особый период жизни, характеризующийся своеобразным мировоззрением, ценностями, своей субкультурой’.

В разных типах и жанрах речи наблюдается не только неравномерное распределение (актуализация) элементов концептуального содержания, но и неоднородная содержательная репрезентация одних и тех же семантических признаков, своеобразная расстановка смысловых акцентов.

Так, в газетных текстах и в жанрах учебно-научной литературы семантический компонент ‘незрелость, неопытность’ эксплицирован в связи с обсуждением социально-экономических проблем, связанных с этим свойством молодости, мер по поддержке и защите молодежи, обоснованием необходимости воспитания, обучения молодого поколения, ср.: *молодые заемщики чаще зрелых доводят ситуацию до просрочки* (Ведомости, 2021); *необходимо ограничить демонстрацию сцен насилия и жестокости на федеральных телеканалах и защитить молодёжь от опасной информации* (Парламентская газета, 2021).

В текстах других жанровых разновидностей (публицистических жанрах и жанрах художественной литературы) семантика незрелости, неопытности реализуется с иными смысловыми акцентами. Незрелость, неопытность описывается, прежде всего, как неотъемлемая черта молодого возраста – соотносится с представлениями о естественных для этого возраста глупости, наивности, незнании жизни, ошибках (*ошибки молодости*), ср.: *Им нужна наша молодость, здоровье. Наша глупость, в конечном счете; всё держится у них на молодых дураках...* («Волга», 2016); *Лишь юнга Земляникин по молодости и неопытности стоял с вытянутой шеей и открытым ртом...* (В. В. Лебедев. Приключения капитана Селёдкина, 2015); *Я уже не так молода и наивна, как вам хотелось бы...* («Дальний Восток», 2019); *Молодой был, глупый в двадцать-то шесть годочков* (А. А. Бушков. Дверь в чужую осень, 2015).

Своеобразно в текстах разных типов смысловое наполнение концептуального признака ‘молодость – особый период жизни, характеризующийся своеобразным мировоззрением, ценностями, своей субкультурой’. В текстах СМИ и учебно-научной литературы на первый план выходят социальные ценности, предпочтения молодежи, вопросы влияния на молодежь с целью интеграции ее интересов с интересами общества, ср.: *Молодые респонденты (активные пользователи интернета) зачастую отвеча-*

ли, что стараются как можно меньше взаимодействовать («сталкиваться») с государством («Информационное общество», 2017); *Молодёжь не идёт работать на низкие зарплаты* (Парламентская газета, 2021); когда анализируется использование спорта в системе образовательных учреждений, *необходимо учитывать... общие тенденции в системе ценностей современной молодежи. Например,... возрождение комплекса ГТО... требует учета реалий сегодняшнего дня* («Информационное общество», 2017).

В публицистике и жанрах художественной литературы тот же концептуальный признак репрезентирован акцентированием межпоколенческих культурных различий, особенностей мироощущения молодежи, специфики молодежной культуры в таких областях, как музыка, кино, литература, обсуждением предпочтений молодежи в сфере досуга, моды, ср: *Чем молодежная среда сложна для тех, кто пытается на ней хайповать: в ней основной интонацией является неприятие всего, что олицетворяет старшее поколение* (Афиша Daily, 2017); *Любая молодая культура, где участвует молодежь, всегда имеет оттиск порочности, что бы это ни было: рок-н-ролл, тяжелый металл, хард-рок* (Д. Марич. За что прессуют вечеринки? Мнения рейверов, организаторов и сотрудника МВД Москвы, 2019).

Признак 'здоровье, сила, бодрость' характеризуется с разных позиций в художественных текстах, с одной стороны, и в публицистических и газетных текстах – с другой. В жанрах художественной литературы (нежанровой прозе, детской литературе, фантастике) здоровье, сила, бодрость описываются как естественные, положительно оцениваемые качества молодости, которые приобретают эстетическое и символическое значение. Ср: *Молодой пока, поэтому ничего не болит и ничего не боишься* («Волга», 2015); *Рефлекс новизны, перемены, молодой бодрости управлял им* («Волга», 2016); *Сила, молодость, красота! И любовь!.. Э-эх, где те незабвенные девятнадцать лет?!..* («Дальний Восток», 2019).

В публицистике и текстах газетных СМИ здоровье и сила молодости приобретают утилитарный, физиологический оттенок. Коллокация *молодые и здоровые* используется в этих типах текстов либо в связи с обсуждением медицинской темы (*Для некоторых молодых и здоровых людей без хронических заболеваний, скорее всего, после окончания исследований защитный срок будет ещё больше...* (Парламентская газета, 2021); *Такое состояние наблюдалось с 4 до 9 утра у всех участников эксперимента – молодых здоровых мужчин до 30 лет* («Огонек», 2015), либо в контекстах, описывающих отрицательные и даже трагические явления (*Их [заключенных] надо делом занять, здоровые молодые мужики сидят сутками в камерах, пусть лучшие работают, пусть деньги семьям посылают...; Мы те-*

ряем [в ДТП] столько **молодых и здоровых** людей, детей теряем, нужны конкретные и жесткие действия (Парламентская газета, 2021).

В публицистических и газетных текстах ослаблена безусловная связь представлений о молодости и здоровье. Это проявляется, хотя и не частым, появлением темы об увеличении заболеваемости среди молодых: ...**болезни эти с каждым годом «молодеют»** («Поиск», 2020); **В России склерозом больны не менее 150 тысяч именно молодых людей, и это становится важной медико-социальной проблемой** («Огонек», 2015).

Таким образом, в разных жанрово-дискурсивных типах текстов наблюдается неодинаковая востребованность элементов содержания концепта *молодость* и неодинаковая расстановка смысловых акцентов, что определяется особенностями стратегий, установок, сфер функционирования, целевой аудитории разных типов коммуникации.

Концепт является не только единицей когниции, но и единицей коммуникации, получающей определенность на уровне дискурсивной реализации [4]; концепты и концептосфера находятся во взаимонаправленных причинно-следственных отношениях с характерными для данной лингвокультуры дискурсивными практиками: формируются на их основе и одновременно определяют их содержание.

Перспективным поэтому является дальнейшее изучение как дискурсивной природы концепта, так и концептуального наполнения дискурса, его жанровых разновидностей.

Библиографический список

1. Арьес Ф. Возрасты жизни // Философия и методология истории. М.: Прогресс, 1977. С. 216–245.
2. Голев Н.Д. Словообразование vs. деривационная лексикология: О диссертации М.А. Осадчего «Пропозиционально-фреймовое моделирование гнезда однокоренных слов (на материале русских народных говоров)» // Актуальные проблемы современного словообразования. Кемерово: Кузбасс-вузиздат, 2008. С. 364–368.
3. Крючкова Н.В. Дискурсивное варьирование концептов // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2009. № 4. С. 271–276.
4. Крючкова Н.В. Концепт – Референция – Коммуникация. Саратов: ИП «Баженов». 2009. 391 с.
5. Леонтович О.А. Время глазами русских и американцев: сопоставительный аспект // Языковая личность: проблемы креативной семантики. К 70-летию профессора И.В. Сентенберг. Волгоград: Перемена, 2000. С.72–79.
6. Лингвокультурный концепт: типология и области бытования / под. общ. ред. проф. С.Г. Воркачева. Волгоград: ВолГУ, 2007. 400 с.
7. Национальный корпус русского языка. URL: <http://ruscorpora.ru> (дата обращения: 27.02.23).

8. Плуноян В.А. Корпус как инструмент и как идеология: о некоторых уроках современной корпусной лингвистики // Русский язык в научном освещении. 2008. № 2(16). С. 7–20.
9. Степанов Ю.С. Концепты. Тонкая пленка цивилизации. М.: Языки славянских культур, 2007. 248 с.
10. Шахматова Н.В. Социология поколений. Поколенческая организация современного российского общества. Саратов: СГУ, 2000. 171 с.
11. Шмелев А.Д., Шмелева Е.Я. Стереотипы русского анекдота // Стереотипность и творчество в тексте. Вып. 8. Пермь: Пермск. ун-т, 2008. С. 272-280.
12. Malvano L. Le mythe de la jeunesse à travers l'image: le fascisme italien // Histoire des jeunes en Occident. 2. L'Époque contemporaine. Paris: Seuil, 1996. P. 277–308.
13. Passerini L. La jeunesse comme métaphore du changement social // Histoire des jeunes en Occident. 2. L'Époque contemporaine. Paris: Seuil, 1996. P. 339–405.
14. Schindler N. Les gardiens du désordre // Histoire des jeunes en Occident. 1 De l'Antiquité à l'époque moderne. Paris: Seuil, 1996. P. 277-322.

УДК 81-114.2

КАТЕГОРИЗАЦИЯ ЗНАНИЯ В СВЕТЕ РАЗНЫХ ТИПОВ ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКИХ ПАРАДИГМ

Н. А. Илюхина

*Самарский национальный исследовательский университет
имени академика С.П. Королева,
Самара, Российская Федерация*

В статье рассматриваются вопросы категоризации знания о действительности на материале лексики. Показаны некоторые параметры категоризации знания, отраженные в значении слов и в системе оппозиций, определяющих структуру разных лексико-семантических парадигм: лексико-семантической и тематической групп, лексико-семантического поля.

Ключевые слова: категоризация, лексическое значение, лексико-семантическая группа, тематическая группа, лексико-семантическое поле.

Ученые, исследующие речемыслительную деятельность в лингво-когнитивном аспекте, прежде всего обращаются к вопросам категоризации и концептуализации знания о мире, которые признаются основными актами

познавательной, когнитивной деятельности. Категоризация и концептуализация представляют собой конечные этапы и результаты познавательной деятельности, наряду с восприятием, мышлением, речью. Эти акты находят прямое выражение в языковой системе и в речевой деятельности.

Понятия категории и категоризации в толковом словаре русского языка и в специальной литературе определяются сходным образом.

Приведем некоторые определения и оценки. Категория – одна из познавательных форм мышления человека, позволяющая обобщать его опыт и осуществлять его классификацию [2, с. 45].

Категоризация – «когнитивное расчленение реальности, сущность которой заключается в делении всего онтологического пространства на различные категориальные области» [3, с. 31]. Категоризация – «не только акт причисления единицы к своему множеству, это гораздо более сложный процесс формирования и выделения самих категорий по обнаруженным в анализируемых явлениях сходных им аналогичных сущностных признаков или свойств» [4, с. 307]. Категоризация – «1) В узком смысле – подведение явления, объекта, процесса и т.п. под определенную рубрику опыта; 2) Процесс образования и выделения самих категорий, членения внешнего и внутреннего мира человека сообразно сущностным характеристикам его бытия» [5].

Как отмечено выше, категоризация как операция когнитивной деятельности, процесс и результат познания находят прямое выражение именно в языковой системе и в речевой деятельности. Изучение системы языка и речевой деятельности под этим углом зрения (в том числе на школьном этапе) открывает различные акты, этапы, формы, принципы категоризации знания о мире.

При этом, как показывает осмысление этого понятия на языковом материале, категоризация представляет собой не одноактный, а многоактный процесс: знание о любой реалии осмысляется многократно и соотносится с большим числом категорий, прежде чем будет «переплавлено» в значение языковой единицы, называющей эту реалию.

Результат многоактной категоризации отражается в структуре грамматического, лексического, словообразовательного значений слова.

Наиболее очевидно воспринимаются как категории части речи. В специальных источниках принято говорить о них как о научных, лингвистических категориях, однако если учесть, что части речи описывают систему языка в том виде, в котором она представлена в сознании любого носителя языка, то их следует рассматривать как категории обыденного мышления: 'предмет', 'признак', 'процесс', 'количество' и др. – т. е. категории, в которых ребенок воспринимает мир, овладевая языком. Лексико-грамматический статус категорий 'предмет', 'признак', 'процесс' и др.

свидетельствует об их чрезвычайной важности в процессе категоризации знаний о мире.

При обращении к любой части речи обнаруживается, что состав ее частных грамматических и лексико-грамматических категорий отражает комплекс призм, сквозь которые мы осмысляем реальную действительность и категоризируем знания о ее фрагментах.

Так, имя существительное категоризирует реалию с точки зрения одушевленности (отнесенности к миру живых организмов) и неодушевленности. Одушевленные реалии осмысляются с точки зрения пола (в той части категории грамматического рода, где род мотивирован особенностями реалии, т.е. в сфере людей, животных и иных существ, которые осмысляются в этой логике). Одним из аспектов категоризации является деление реалий на конкретные, абстрактные, вещественные и собирательные. Грамматическая категория падежа отражает статус реалии как элемента отношений с другими реалиями в ситуации и по своему назначению является синтаксической.

Глагол и его грамматические и лексико-грамматические категории (вид, залог, наклонение, время, лицо, число и др.) представляют инструмент и механизм категоризации реалий действительности как процессов, специфический и очень богатый набор призм для многосторонней категоризации различных процессов. Показательно, в частности, противопоставление глаголов бытийности и становления, включающих соответствующие альтернативные семы в значении лексем: *спать – засыпать – просыпаться; гореть – загораться – гаснуть; болеть – заболеть – выздоравливать; иметь – приобретать – терять*. Другая линия крупноплановой дифференциации глаголов, образующей семантические парадигмы и демонстрирующей регулярную категоризирующую деятельность сознания, строится на основе иных альтернативных сем 'действие', 'состояние', 'отношение': *идти, разбить, ваять, читать – чувствовать, спать, болеть – равняться, иметь, уважать*.

Очевидно, что особенностью системной организации единиц на этом языковом уровне является пересекающийся характер семантических парадигм, отражающий факт множественности категоризации знания об одной и той же реалии. Так, парадигмы с интегральными семами 'действие', 'состояние' и 'отношение' пересекаются с парадигмами, имеющими в качестве интегральных семы 'бытийность' и 'становление': семы бытийности и становления сосуществуют в значении слова с семой 'действие' или с семой 'состояние', или с семой 'отношение'.

Подчеркну, что в данном случае речь идет о процессах категоризации, доступных для ребенка до школьного изучения языка и, следовательно, до специальной научной рефлексии над этими призмами как категориями.

В лексико-семантической категоризации знаний о мире выражается также естественная (как обыденная, так и научная) категоризация мира.

Выявление принципов, форм, этапов ментальной деятельности возможно в результате лингвокогнитивной или собственно когнитивной интерпретации результатов лингвистических исследований различных объектов языка, речи, коммуникации. В частности, богатый материал для такой интерпретации предоставляют результаты семасиологических изысканий.

Цель статьи – интерпретация нескольких типов лексико-семантических парадигм как одного из срезов общей картины множественной категоризации знания в языковой картине мира носителей языка.

Многообразие типов парадигм (представляющих собой открытый перечень) показывает масштабы и множественный характер категоризации знания, воплощенных в языке на уровне лексической системы.

Картина системной организации лексики в сознании носителя языка, ассоциативно-вербальная сеть, ментальный лексикон представляют разные срезы картины категоризации знаний в картине мира языкового сообщества.

Прежде всего картина систематизирующей деятельности сознания и ее результат прямо отражается в структуре лексического значения отдельно взятого слова – в наборе семантических признаков и их иерархическом соотношении (на семном уровне) и в составе ЛСВ, их иерархическом соотношении (на семемном уровне).

При этом на семном уровне знание об отдельной реалии (например, называемой словом *мать*), осмысляемое в определенной логической категории (предмета, более узко – лица), предстает сквозь призму целого комплекса категорий, входящих в свернутом виде в структуру лексического значения ('женский пол', 'тип родства – кровное', 'поколение' и др.).

На семемном уровне многозначного слова (*лень – мать всех пороков; Родина-мать* и др.) его семантическая структура представляет интерес с точки зрения «перекатегоризации» исходного знания о реалии в целях категоризации принципиально иной реалии сквозь призму некоторых лексико-семантических категорий, отраженных в прямом лексическом значении.

Пока в фокусе рассмотрения категоризации знания находится одна лексема, логика категоризации может казаться индивидуальной, атомарным актом, специфическим для этого слова в процессе оформления его значения.

Переход к анализу лексико-семантической парадигмы открывает закономерный характер процессов категоризации знания. При осмыслении любой лексико-семантической парадигмы (терминов родства, глаголов движения и др.) становится очевидным, что для категоризации реалий определенного типа (лица с точки зрения его родственных отношений или про-

цесса движения) в сознании сложилась сеть категорий = призм для его категоризации. Их отражает состав повторяющихся сем, входящих в состав категории: 'лицо', 'пол', 'основание родства', 'поколение' и др. – как результат категоризации знаний о родстве; 'перемещение', 'среда / способ перемещения', 'направление', 'скорость' и др. – как результат категоризации знаний о движении.

В итоге состав семантических оппозиций в структуре парадигмы следует рассматривать как картину категоризации фрагмента действительности в лексической системе языка – осмысления в свете комплекса категорий, входящих *в свернутом виде в структуру лексического значения*.

Как известно, **лексико-семантическая группа** (ЛСГ) объединяет слова одной части речи, включающие в свое значение общую архисему, которая абстрагированно представляет определенный тип реалий. Таким образом, слова объединяются в ЛСГ на основе двух категориальных сем – категориально-грамматической (частеречной) и категориально-лексической (архисемы). Внутренняя структура ЛСГ отражает логику категоризации знаний о действительности в конкретной сфере и в то же время универсальную сеть категорий, сквозь которые осмысливается предмет, признак или процесс вообще.

Следствием и в свою очередь показателем столь очевидной семантической системности слов одной ЛСГ является то, что у них, как известно, наблюдается значительная общность дифференциальных сем, сходство и нередко полная идентичность валентных свойств (синтагматических характеристик), а также регулярная многозначность.

А регулярное проявление сходных свойств, в свою очередь, открывает общую призму осмысления или переосмысления знания.

Регулярная многозначность слов одной ЛСГ выражается в наличии общих для них вторичных значений (ЛСВ). Так, в частности, для глаголов горения среди вторичных ЛСВ высокорегулярной функцией является отражение динамики эмоционального состояния (*вспыхнуло чувство, пылала страсть, погасла ревность*), для глаголов движения – динамики времени (*бегут часы, ползут минуты, течет время, уходят годы*). Таким образом, можно сказать, что регулярная многозначность обнажает логику перекатегоризации соответствующего знания.

Переход от одной лексико-семантической парадигмы к другой открывает новые стороны картины категоризации и ее множественный характер (поликатегоризацию).

Обратимся к альтернативной парадигме – **тематической группе** (ТГ), которая объединяет прежде всего существительные с собственно предметной семантикой. При всей близости к ЛСГ тематическая группа располагает особыми призмами осмысления и категоризации знания о реалии –

сквозь призму 1) партитивных (отношений целого и частей) и гиперонимогипонимических (родо-видовых) отношений.

Покажем структуру тематических групп на примере двух групп «Растение», которые представляют оба типа названных отношений:

1) ТГ включает слова, называющие реалию и ее элементы: *растение, корень, стебель, ветвь, ствол, плод, лист, семя, цветок, лепесток* и др.;

2) ТГ включает родовое и видовые названия реалии: *растение, дуб, берёза, ясень, яблоня, черемуха, морковь, укроп, лук, чистотел* и др.

Поличастеречные парадигмы – поля в узком терминологическом значении – включают лексемы, представляющие разные части речи. Такие парадигмы с точки зрения категоризации вызывают не меньший интерес. При этом каждый тип поля репрезентирует *особый срез общей картины категоризации знания*.

Коснемся лишь одного типа полей – **лексико-семантического поля** (ЛСП), которое объединяет слова с общей архисемой и разными частеречными семами. Этот тип парадигмы включает семантически близкие слова разных частей речи, которые, по существу, называют одну и ту же реалию, например:

- *синеть, синий, синева, зеленеть, желтеть, краснота, желтизна* – слова с общей архисемой ‘цвет’;

- *холодный, жарко, заходолать, жара* – слова с общей архисемой ‘температурное состояние’;

- *грустный, сердитый, восторг, радость, печалиться, злиться, печально* – слова с общей архисемой ‘эмоциональное состояние’.

В ЛСП объединена лексика, специфическая по своей денотативной отнесенности: слова разной частеречной семантики в данном случае называют одну и ту же реалию, *осмысляемую в разных логических категориях*. Так, температурное состояние категоризуется в форме предмета (*жара, зной, прохлада*), признака (*прохладный, жаркий, знойный*), процесса (*теплеть, похолодать*), состояния (*холодно, жарко, прохладно*).

Иначе говоря, ЛСП обнажает факт *поликатегоризации* такого рода реалии на базовом – грамматическом – уровне. Базовая категоризация этой реалии далее подчиняется логике категоризации в соответствии с ее частеречным осмыслением – как процесса, предмета, признака, состояния.

Наряду с поликатегоризацией на базовом уровне знание о такого рода реалии подвергается категоризации сквозь призму лексико-семантических категорий. Так, в ЛСП температурного состояния эта категоризация представлена, главным образом, градуальной шкалой, при этом – в значении слов любой частеречной принадлежности.

Таким образом, обращение к осмыслению процесса и результатов категоризации знания о мире с опорой на типологию лексико-семантических

парадигм открывает широкую панораму результатов этого процесса. В итоге лексикон личности и языкового коллектива предстает как динамическая самоорганизующаяся система, отражающая сложность процесса категоризации и его множественный характер.

Библиографический список

1. Большой толковый словарь русского языка. Гл. ред. С. А. Кузнецов. Первое издание: СПб.: Норинт, 1998. Публикуется в авторской редакции 2014 года. URL: <http://www.gramota.ru/slovari/info/bts/>
2. Краткий словарь когнитивных терминов / Е.С. Кубрякова, В.З. Демьянков, Ю.Г. Панкрац, Л.Г. Лузина; под общ. ред. Е.С. Кубряковой. М.: Филол. фак. МГУ, 1996.
3. Маслова В.А. Введение в когнитивную лингвистику: учебное пособие. 3-е изд., испр. М.: Флинта : Наука, 2007.
4. Кубрякова Е.С. Язык и знание: На пути получения знаний о языке: Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира / Рос. академия наук. Ин-т языкознания. М.: Языки славянской культуры, 2004.
5. Жеребило Т.В. Словарь лингвистических терминов: Изд. 5-е, испр. и дополн. Назрань: Изд-во «Пилигрим». 2010. URL: <http://gerebilo.ucoz.ru>.

УДК 811.11-112

СЛОВООБРАЗОВАНИЕ КОЛИЧЕСТВЕННЫХ ЧИСЛИТЕЛЬНЫХ В САНСКРИТЕ И СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКАХ (РУССКОМ, ПОЛЬСКОМ, ХОРВАТСКОМ)

Г. Мунджал

Делийский университет, г. Дели, Индия

Статья посвящена сравнительно-историческому исследованию словообразования количественных числительных в санскрите и славянских языках – русском, польском и хорватском. Все рассматриваемые в данной работе языки принадлежат индоевропейской семье языков. Данная статья является попыткой изучения структуральной системы словообразования количественных числительных от 0 до 1000 в указанных языках.

Ключевые слова: словообразование, количественные числительные, санскрит, славянские языки, этимология.

В данной статье рассматриваются особенности словообразования количественных числительных в таких языках, как санскрит, русский, польский и хорватский. Все четыре языка восходят к общему источнику (праиндоевропейскому языку). Русский, польский, хорватский языки – это представители трех подгрупп (восточнославянской, западнославянской и южнославянской) славянской группы индоевропейской семьи. Как и санскрит, русский, польский и хорватский языки являются синтетическими языками, для которых характерен флективный способ выражения синтаксических отношений между словами в предложении. Таким образом, грамматические системы этих языков сходны, за исключением того, что в славянских языках отсутствует один из грамматических падежей санскрита – аблатив. Словообразование является неотъемлемой частью этих языков и может быть либо флективным (образование другой формы одного и того же слова) или деривационным (образование нового слова, принадлежащего к другой части речи, например, образование существительного от глагола с тем же корнем).

Изучение словообразования имеет большое теоретическое и практическое значение. Знание теоретических правил словообразования, умение определять значение производных морфем способствует обогащению словарного запаса и правильному использованию грамматических структур в речи; лучшее понимание грамматической системы данного языка. Практический аспект изучения словообразования ведет к формированию правильной грамотной письменной речи, так как знание морфемного состава слова и доступных способов словообразования способствует формированию у учащихся чувство языка. Н.М. Шанский справедливо отмечал: «В силу диахронического характера процесса образования новых слов и динамичности деривационной системы, любое ее явление может быть глубоко и всесторонне понято любое ее явление можно только с помощью комплексного – синхронного, а также диахронного метода исследования. т.е. изучение слов как результата деривации в более широком контексте их современной формы и исторического развития» [Шанский, с. 50].

Идея счета впервые появилась в праиндоевропейский период, в современных числительных и их формах мы находим корни слов того периода [Старикова, с. 34]. Сравните и.-е. *dekъ и совр. англ. ten, где в результате фонологических изменений *d изменился в протогерманский *t [Lehmann, с. 12]. Мы также отмечаем систематическое различие между санскритским [a] и латинским и греческим [e] в корнях ряда числительных первого десятка [Lehmann, с. 8].

А. Реформатский, автор знаменитой книги «Введение в языкознание» (1947), подчеркнул тот факт, что «числа и способность мыслить числами – одно из величайших и древнейших достижений человечества» [Реформат-

ский, с. 76]. Эти «счетные слова» прошли разные пути развития в различных языках мира. По сравнению с другими частями речи эти слова демонстрируют антропоморфность языковых систем, так как количественно-числовое представление восходит к человеку, его телу – факт, который неоднократно отмечался в научно-учебной литературе. [Жолобов, с. 82], поскольку «количественное восприятие обеспечивает окружающему миру пространственно-временное описание и наглядность» [Жолобов, с. 90].

Числительные являются одной из самых интересных частей речи в языках различных типов: одни различают формы числительных при конкретном или абстрактном счете, другие используют различные системы счета различных объектов [Степанов, с. 45].

Числительные как лексико-грамматический класс слов обладают собственным уникальным характером, который преобладает в их семантике, в их функционировании, в синтаксических связях и даже в графическом изображении, поскольку числительные могут быть выражены в письменной форме в виде цифр, которые являются общепринятыми. Последнее отличает числительные от других классов слов. Древняя история числительных или слов, которые стали числительными, может быть частично реконструирована с помощью сравнительно-исторического метода [Лукинова, с. 1].

Историческое и сравнительное изучение числительных помогает:

– уточнить многие современные слова, обозначающие число и количество;

– проследить, в каком порядке формировались отдельные элементы их системы;

– установить древние взаимоотношения между этими элементами, а также некоторыми лексико-словообразовательными группами других частей речи. Старые связи именных частей речи, составивших современную систему числительных, могут быть надежно реконструированы с помощью их словообразовательных характеристик.

С точки зрения словообразования количественные числительные представлены тремя типами:

1. Простые числительные, состоящие только из одного корня;
2. Сложные числительные, состоящие из двух корней в одном слове;
3. Составные числительные, которые состоят из нескольких словоформ.

Далее мы сравним словообразование количественных числительных в славянских языках в сопоставлении с санскритским.

2.2 Сравнение количественных числительных 0-10 (см. Таблицу 1)

Количественные числительные от 0 до 10 в санскрите, русском, польском и хорватском языках являются простыми числительными, содержащими один корень:

Таблица 1: Количественные числительные (0-10)					
	В санскрите	В санскрите (латинскими буквами)	В русском языке	В польском	В хорватском
0	शून्य	[shunya]	ноль/нуль	zero	nula
1	एकम्	[ekam]	один	jeden	jedan
2	द्वे	[dve]	два	dwa	dva
3	त्रीणि	[trini]	три	trzy	tri
4	चत्वारि	[chatvari]	четыре	cztery	četiri
5	पञ्च	[pa ⁿ ch]	пять	pięć	pet
6	षट्	[shat]	шесть	sześć	šest
7	सप्त	[sapt]	семь	siedem	sedam
8	अष्ट	[asht]	восемь	osiem	osam
9	नव	[nav]	девять	dziewięć	devet
10	दश	[dash]	десять	dziesięć	deset

Сравнительное исследование количественных числительных, обозначающих числа от 0 до 10, указывает на следующее:

1. 0 (ноль/нуль) в русском и хорватском языках происходит от латинского "nullus", в то время как в польском языке используется "ноль". Слово Null или nil происходит от латинского nullus - ничто, никакой.

2. Числительные, обозначающие 1, во всех четырех языках имеет один и тот же корень: *odin* (русский) /*jeden* (польский)/*jedan* (хорватский) < *jedin* (праславянский); корни *odin-*, *jeden-*, *jedan-* соответствуют санскритскому *Adi*.

3. Числительные, обозначающие число 3, имеют одинаковые корни во всех четырех языках: санскрит *त्रि*, русский *три*, польский *trzy*, хорватский *tri*. В польском языке мы замечаем фонологическое изменение, где $r' > rz[zh] = [sh]$ после глухого согласного *t*, поэтому 3 произносится как [tshy].

4. Числительные, обозначающие число 4, имеют один и тот же корень во всех четырех языках: *चतुर*, *четури*, *cztery*, *četiri*.

5. Числительные, обозначающие число 5, в русском языке *пять*, в польском *pięć* [пиенч] и хорватском *pet* также соотносятся с санскритским *पञ्च* [панч]. Польский язык до сих пор сохраняет носовой гласный [ɛ̃], как в санскрите. В русском и других славянских языках также были носовые гласные, но они стали деназализованными.

6. Числительные, обозначающие число 6, в русском, польском и хорватском языках соотносятся с санскритским корнем «шат».

7. Числительные, обозначающие число 7, в русском, польском и хорватском языках происходят от праславянского *sedьmь, а этот корень, в свою очередь, происходит от индоевропейского *septem.

8. Числительные, обозначающие число 8, в русском, польском и хорватском языках происходят от праславянского *osьmь, которое само происходит от индоевропейского *okto.

9. Числительные, обозначающие число 9, в русском, польском и хорватском языках происходят от праславянского *devet-, который, похоже, имеет другой корень, чем протоиндоевропейское слово *navam/*nav-, но семантически имеет сильную связь с ним, поскольку *nav- означает и 9, и новое.

Девять считается одновременно и концом, и началом нового цикла. В славянской мифологии 9 связано также с вечным колесом жизни и смерти и является символом матриархального начала Вселенной. Это образное значение мы находим в славянском слове *дева*, что привело к тому, что 9 в славянских языках называется *devet-. Такое же восприятие 9 находим и в индийской мифологии, где *навратра* – «новый цикл», «цикл из 9 дней».

10. Числительные, обозначающие число 10, в русском, польском и хорватском языках происходят от праславянского *desetь-, которое, в свою очередь, происходит от праиндоевропейского *dekm-.

2.3. Сравнение количественных числительных 10-20 (см. Таблицу 2).

Количественные числительные от 11 до 19 во всех четырех языках являются сложными словами, состоящими из двух корней. Например, 11 образуется следующим образом: один + на + десять, аналогично 12-19 образуются одинаково во всех четырех языках, за исключением того, что в санскрите числительное, обозначающее число 19, имеет два варианта: 1) девять + на + десять и 2) один + меньше + двадцать.

2.4. Словообразование количественных числительных, обозначающих числа 20, 30, 40, 50, 60, 70, 80, 90 (см. Таблицу 3).

2.5. Количественные числительные, обозначающие десятки, во всех четырех языках являются сложными словами, включающими два корня. Например, 20 образуется следующим образом: два + десять, аналогично 30, 40, 50 ... Числительные, обозначающие числа 40 и 90, образуются таким же образом во всех четырех языках, только в русском языке 40 и 90 имеют иное образование:

1) *сорок* – содержит другой корень, который в восточнославянском называет сорочку, куда помещали связку из 40 соболиных шкур, необходимых для пошива одной шубы;

2) числительное, обозначающее 90, в русском языке образуется по-другому: девять + на + сто (или девять + до + ста).

Таблица 2: Количественные числительные (11-20)					
	В санскрите	В санскрите (латинскими бук- вами)	В русском	В польском	В хорватском
10	दश	[dash]	десять	dziesięć	deset
11	एकादश	[ekadash]	одиннадцать	jedenaście	jedanaest
12	द्वादश	[dvadash]	двенадцать	dwanaście	dvanaest
13	त्रयोदश	[trayodash]	тринадцать	trzynaście	trinaest
14	चतुर्दश	[chaturdash]	четырнадцать	czternaście	četnaest
15	पञ्चदश	[pa ⁿ chdash]	пятнадцать	pietnaście	petnaest
16	षोडश	[shodash]	шестнадцать	szesnaście	šesnaest
17	सप्तदश	[saptdash]	семнадцать	siedemnaście	sedamnaest
18	अष्टादश	[ashtadash]	восемнадцать	osiemnaście	osamnaest
19	नवदश/ एकोनविंशति/ ऊनविंशति/ एकान्नविंशति	[navdash] [ekonvimshati] [unvimshati] [kannvimshati]	девятнадцать	dziewiętnaście	devetnaest
20	विंशति:	[dvadsat']	двадцать	dwadzieścia	dvadeset

Количественные числительные, обозначающие числа 21-29, 31-39, ..., 91-99, в санскрите являются сложными словами, в которых слово, указывающее на 1, является первым компонентом (один + двадцать), в то время как в русском, польском и хорватском языках числительные являются составными, в которых *один / jeden* является вторым компонентом, например, в русском: двадцать один. Они пишутся отдельно, так же образуются количественные числительные, обозначающие числа 22-29. В санскрите числительные для 29, 39 и т.д. имеют два варианта словообразования: девять + двадцать или один + меньше + тридцать.

2.6 Словообразование количественных числительных 21, 22, 23, ..., 29; 91, 92, 93 ... 99. (см. Таблицы 4(а) и 4(б))

Числительные для 100 в славянских языках происходят от индоевропейского *k'mtom < *(d)k'mtom – «десять десятков, сто» и являются простыми словами.

2.6 Сравнение количественных числительных для чисел 200, 300, ..., 1000 (см. Таблицу 5)

Количественные числительные, обозначающие числа 200, 300, 400... 900, во всех четырех языках являются сложными словами, содержащими два корня: две + сти, три + ста, четыре + ста, пять + соть, шест + соть (и таким же образом 700–900). Второй компонент имеет три варианта – sti, sta, sot.

Таблица 3: Количественные числительные (10, 20, 30, ..., 90)					
	В санскрите	В санскрите (латинскими буквами)	В русском	В польском	В хорватском
10	दश	[dash]	десять	dziesięć	deset
20	विंशतिः	[vimshati ^h]	двадцать	dwadzieścia	dvadeset
30	त्रिंशत्	[trimshati]	тридцать	trzydzieści	trideset
40	चत्वारिंशत्	[chatvarimshat]	сорок	czterdzieści	čtrdeset
50	पञ्चाशत्	[panchashat]	пятьдесят	pięćdziesiąt	pedeset
60	षष्टिः	[shashti ^h]	шестьдесят	sześćdziesiąt	šezdeset
70	सप्ततिः	[saptati ^h]	семьдесят	siedemdziesiąt	sedamdeset
80	अशीतिः	[ashiti ^h]	восемьдесят	osiemdziesiąt	osamdeset
90	नवतिः	[navti ^h]	девяносто	dziewięćdziesiąt	devetdeset

Таблица-4 (а): Количественные числительные (21, 22, 23, ..., 29, 30)					
	В санскри- те	В санскрите (латинскими буквами)	В русском	В польском	В хорватском
20	विंशतिः	[vimshatih]	двадцать	dwadzieścia	dvadeset
21	एकविंशतिः	[ekvimshatih]	двадцать один	dwadzieścia jeden	dvadeset jedan
22	द्वविंशतिः	[dvavimshatih]	двадцать два	dwadzieścia dwa	dvadeset dva
23	त्रयोविंशतिः	[trayovimshatih]	двадцать три	dwadzieścia trzy	dvadeset tri
24	चतुर्विंशतिः	[chaturvimshatih]	двадцать четыре	dwadzieścia cztery	dvadeset četiri
25	पञ्चविंशतिः	[panchvimshatih]	двадцать пять	dwadzieścia pięć	dvadeset pet
26	षड्विंशतिः	[shadvimshatih]	двадцать шесть	dwadzieścia sześć	dvadeset šest
27	सप्तविंशतिः	[saptvimshatih]	двадцать семь	dwadzieścia siedem	dvadeset sedam
28	अष्टविंशतिः	[ashtvimshatih]	двадцать восемь	dwadzieścia osiem	dvadeset osam
29	नवविंशतिः / एकोनत्रिंशत् / ऊनत्रिंशत् / एकान्नत्रिंशत्	[navvimshatih] / [ekontrimshat] / [untrimshat] / [ekanntrimshat]	двадцать девять	dwadzieścia dziewięć	dvadeset devet
30	त्रिंशत्	[trimshat]	тридцать	trzydzieści	trideset

Таблица-4 (б): Количественные числительные (90, 91, 92, ..., 100)					
	В санскрите	В санскрите (латинскими буквами)	В русском	В польском	В хорватском
90	नवतिः	[navtīh]	девяносто	dziewięćdziesiąt	devedeset
91	एकनवतिः	[eknavtīh]	девяносто один	dziewięćdziesiąt jeden	devedeset jedan
92	द्वानवतिः or द्विनवतिः	[dvanavtīh/ dvinavtīh]	девяносто два	dziewięćdziesiąt dwa	devedeset dva
93	त्रयोनवतिः or त्रिनवतिः	[trayonavtīh/ trinavtīh]	девяносто три	dziewięćdziesiąt trzy	devedeset tri
94	चतुर्नवतिः	[chaturnavtīh]	девяносто четыре	dziewięćdziesiąt cztery	devedeset četiri
95	पञ्चनवतिः	[panchnavtīh]	девяносто пять	dziewięćdziesiąt pięć	devedeset pet
96	षण्णवतिः	[shannavtīh]	девяносто шесть	dziewięćdziesiąt sześć	devedeset šest
97	सप्तनवतिः	[saptnavtīh]	девяносто семь	dziewięćdziesiąt siedem	devedeset sedam
98	अष्टानवतिः / अष्टनवतिः	[ashnaanavtīh/ ashtnavtīh]	девяносто восемь	dziewięćdziesiąt osiem	devedeset osam
99	नवत्यतिः / एकत्रिंशत् / ऊनशत / एकान्शत	[navtyatīh / ekonshat / unshat / ekannshat]	девяносто девять	dziewięćdziesiąt dziewięć	devedeset devet
100	शतम्	[sto]	сто	sto	sto

Таблица 5: Количественные числительные (100-1000)					
	В санскрите	В санскрите (латинскими буквами)	В русском языке	В польском	В хорватском
100	शतम्	[shatam]	сто	sto	sto
200	द्विशतम् or द्वेशते	[dvishatam] или [dveshte]	двести	dwieście	dvjesto
300	त्रिशतम्	[trishatam]	триста	trzysta	tristo
400	चतुःशतम्	[chatu ^h shatam]	четыреста	czteryście	četiristo
500	पञ्चशतम्	[panchshatam]	пятьсот	pięćset	petsto
600	षट्शतम्	[shatshatam]	шестьсот	sześćset	šesto
700	सप्तशतम्	[sapshatam]	семьсот	siedemset	sedamsto
800	अष्टशतम्	[ashtshatam]	восемьсот	osiemset	osamsto
900	नवशतम्	[navshatam]	девятьсот	dziewięćset	devetsto
1000	सहस्रम् or दशशतम्	[sahasram] или [dashshatam]	тысяча	tysiąc	tisuća

Количественные числительные для тысячи являются простыми словами женского рода единственного числа. В санскрите слово для 1000 является числительным и может играть роль прилагательного.

Заключение

Словообразование числительных в санскрите, русском, польском и хорватском языках происходит от общего источника – протоиндоевропейского языка.

Во всех четырех языках количественные числительные представлены тремя типами: простые, сложные и составные числительные.

При анализе количественных числительных, обозначающих числа 0 – 100, обнаруживаем, что в санскрите 10 числительных относятся к типу простых, а остальные – сложные; в то время как в славянских языках 12 – простые, 16 – сложные, 72 – составные числительные.

Корни, обозначающие единицы, в славянских сложных числительных используются в качестве первого компонента, а в составных числительных слова, обозначающие единицы, представляют второй компонент, но в санскрите они всегда выступают в качестве первого компонента сложных числительных.

Числительные в санскрите, русском, польском и хорватском языках могут иметь гендерную дифференциацию и являются склоняемыми словами. Они изменяются в зависимости от грамматических падежей.

Таким образом, можно сказать, что историко-сравнительный метод позволяет определить основные элементы протоиндоевропейской фонологической, лексической и грамматической систем.

Библиографический список

1. Лукинова Т.Б. Из истории числительных в славянских языках, *opera slavica ix*, Киев, 1999) shorturl.at/eiuvy
2. Старикова Г.Н. Современные числительные в аспекте языковой динамики // Вестник Томского государственного университета. 2011. Филология. №4(16).
3. Реформатский А.А. Число и грамматика // Реформатский А.А. Лингвистика и поэтика. М., 1987. С. 76–87.
4. Жолобов О.Ф. Древнеславянские числительные в этимологическом и сопоставительном аспектах // Сопоставительная филология и полилингвизм: Материалы Всерос. науч.-практ. конф. в Казанском университете (29–31 октября 2002 г.) / под ред. Н.А. Андромоновой. Казань, 2003. С. 82–91.
5. Степанов Ю.С. Счет, имена чисел, алфавитные знаки чисел в индоевропейских языках // Вопросы языкознания. 1989. № 4. С. 46–72; № 5. С. 5–31.
6. Word-Formation (Russian Grammar, 1980) (Словообразование. URL: <http://rusgram.narod.ru/191-207.html>)

7. Шанский Н. М., Тихонов А. Н. Современный русский язык. Учеб. для студентов пед. ин-тов С 56 по спец. № 2101 «Рус. яз. и лит.». В 3 ч. Ч. 2. Словообразование. Морфология / Н. М. Шанский, А. Н. Тихонов. 2-е изд., испр. и доп. М.: Просвещение, 1987. 256 с.

8. Lehmann, Winfred P. HISTORICAL LINGUISTICS: AN INTRODUCTION, The University of Texas, Oxford & IBH Publishing Co., Calcutta, Bombay, New Delhi, 1966. (Лехманн, Винфред П. Историческая лингвистика: Введение, Университет Тексаса, Изд. Оксфорд паблишинг ком., Калькутта, Мумбай, Нью-Дели. 1966 г.)

9. [http://www.evpatori.ru/cifry-vedicheskogo-sanskrita.html#\(shorturl.at/hnrz3\)](http://www.evpatori.ru/cifry-vedicheskogo-sanskrita.html#(shorturl.at/hnrz3)).

УДК 81'373.612.2

КОНЦЕПТ «ЖИЗНЬ» В ИССЛЕДОВАНИЯХ РОССИЙСКИХ ЛИНГВИСТОВ

К.П. Баракат

*Самарский национальный исследовательский университет
имени академика С.П. Королева
г. Самара, Российская Федерация*

В статье представлен обзор научных работ, посвященных описанию одного из базовых концептов русской языковой картины мира – «Жизнь». В заключении намечаются перспективы дальнейшего исследования проблемы.

Ключевые слова: жизнь, картина мира, концепт, анализ.

Концепт «Жизнь» является одним из базовых концептов любой культуры. Анализ его структуры и содержания позволяет выявить ценностные ориентиры носителей языка, характерные культурные особенности нации. Именно поэтому он привлекает внимание как русских, так и зарубежных ученых.

Авторы целого ряда научных исследований ставили перед собой задачу изучить концепт «Жизнь» с точки зрения различных подходов. (О. А. Ипанова, А. Р. Бутешова, Е. В. Дзюба, М. М. Логинова, Т. Н. Лоскутова, В. В. Багичева, Н.В. Деева и др.). В зависимости от поставленной цели материалами для исследования служили современные и исторические словари русского языка, тексты современной российской публицистики, художественная проза XX-XXI вв., поэтические, научные, исторические, юридические тексты. Богатый материал для исследователей, по мнению многих ученых, представляют пословицы и народный фольклор, так как именно в произведе-

ниях, рожденных в народной среде, заложен национальный культурный код. К исследованию концептов на материалах пословиц, поговорок, народных сказок и песен в разное время обращались В.В. Опрышко, Т. М. Горшкова, М. А. Кулькова, Е. Федоткина и другие ученые.

Важным этапом изучения любого концепта является анализ его семантической структуры. Е. Н. Руднев, автор статьи «Концепт «Жизнь»: анализ и интерпретация» считает, что главными в семантической структуре концепта «Жизнь» являются значения лексем *быт* и *бытие*. Именно они задали два направления, из которых в дальнейшем развились остальные смысловые признаки концепта, связанные либо с физическим, либо с духовным миром [10, с. 102]. В статье Н. В. Деевой «Концепт «Жизнь»: понятийная и символическая составляющие» автором высказывается мысль о том, что «изначально жизнь как форма существования определялась именно как форма биологическая, жизнью наделялись человек, животные, природа...» [5, с. 87]. И лишь со временем, по мере расширения понятия *жизнь* в сознании носителей русского языка, отмечает автор, появилось такое значение, как «форма существования любого объекта, материи в целом» [5, с. 87]. Проведенный О. А. Ипановой в диссертационной работе «Концепт «Жизнь» в русской языковой картине мира: лингвокультурологический и лексикографический аспекты» анализ выявил в составе понятийного поля концепта такие признаки, как «существование», «деятельность», «длительность», «совокупность действий», «реальность», «живое существо» [7].

Анализ семантической структуры лексемы *жизнь*, проведенный Т. М. Горшковой по словарям древнерусского и современного русского языка и представленный в статье «Концепт «жизнь» в концептосфере русского фольклора», выявляет в ее составе значения «физиологическое существование живого организма», «период существования кого-либо», «существование вообще, бытие в движении и развитии», «образ существования кого-либо», «внешнее движение, оживление», «полнота проявления физических и духовных сил», «деятельность общества и человека в тех или иных ее проявлениях», «окружающая нас реальная действительность», «отдельное живое существо, человек», «развитие чего-нибудь, события, происходящие с чем-нибудь существующим», «совокупность всего сделанного и пережитого человеком», «самое дорогое для человека, источник радости, счастья», «существование без нужды и забот, полное содержания, деятельности», «имуущество». Горшкова делает вывод о том, что семемы, выделенные в словарной статье *жизнь*, являются производными двух самостоятельных значений: «существовать как естественный организм» и «проводить свою жизнь в к.-н. месте, среди кого-н., обитать», одна из которых отражает биологическую сущность жизни, другая – ее социальную составляющую [3, с. 366].

Н. В. Деева в статье «Концепт «Жизнь»: понятийная и символическая составляющие» указывает на то, что концептуальные признаки «форма существования», «процесс, сопряженный со временем», «процесс, сопряженный с деятельностью и проявлением», составляющие ядро названного концепта, были сформированы достаточно давно, что подтверждает высокую устойчивость ядра концепта «Жизнь». Деева также отмечает, что не только понятийная, но и символическая составляющая концепта «Жизнь» не претерпела значительных изменений с течением времени. Проведенный автором диахронический анализ выявил, что в символической составляющей концепта основным является древний символ *дорога/путь*, в основе которого, отмечает Деева, «лежит метафорическая модель (также древняя), построенная по линии «перемещение в пространстве» [4, с. 89].

Образ пути как символа жизни закреплен в концептуальной метафоре «жизнь – путь», которая актуализируется в языке такими словосочетаниями, как *вступить в жизнь, идти по жизни, начать жизненный путь* и др. Исследования образной составляющей структуры концепта «Жизнь», проведенные О. А. Ипановой, подтверждают высокую частотность употребления пространственной метафоры «жизнь – путь» также и в современном русском языке [7].

Кроме пространственной, автор также выделяет в образной составляющей концепта «Жизнь» метафоры персонификации: «жизнь – учитель», «жизнь – судья»; предметные метафоры: «жизнь – собственность», «жизнь – дар»; субстанциальные метафоры: «жизнь – воздух», «жизнь – вода»; рецепторные метафоры: вкусовая, цветовая, световая, тактильная; театральные: «жизнь – сцена», «жизнь – игра»; метафора вместилища и движения, научные, информационные и конструктивные метафоры.

В ценностной составляющей концепта «Жизнь» в современной русской языковой картине мира Ипанова выделяет смыслы «жизнь – ценность» и «жизнь – показатель чего-то важного». «Несмотря на большое количество негативных определений, сама жизнь в русской языковой картине мира концептуализируется как нечто положительное, как наслаждение, радость, удовольствие», – отмечает О. А. Ипанова [5].

Ценностно-смысловое варьирование лингвокультурного концепта «Жизнь» рассматривается в одноименной диссертационной работе И. В. Бочарниковой.

В понятийном ядре концепта «Жизнь» Бочарникова выделяет концептуальные признаки «существование», «деятельность», «совокупность», «темпоральность», «духовность», «ценность», «реальная действительность», «антропоцентризм», которые выражаются через концептуальные смыслы «движение», «принадлежность», «биография», «комплексность», «ограниченный период», «полнота», «дар», «цена», «духовность», «реальная действительность», «человек», «форма существования материи», «физиологи-

ческое существование», «место и сфера жизни», «образ жизни», «качество». Концептуальные смыслы, отмечает Бочарникова, «отражают определенную область концептуального содержания и могут изменяться в своей процентной представленности в содержании концепта» [2]. Автор подчеркивает, что каждый из названных признаков концепта «Жизнь» может находиться ближе или дальше по отношению к ядру в зависимости от коммуникативной ситуации. Так, признаки «полнота», «деятельность», «физиологическое существование», «темпоральность» являются вариативными, так как реализуются в большей или меньшей степени во всех рассмотренных автором типах дискурса: художественном, научном, медицинском. Признаки «антропоцентризм», «ценность», «духовность», «реальная действительность», выявленные не во всех дискурсах, относятся к группе инвариантных концептуальных признаков.

Вариативность ценностной составляющей концепта «Жизнь» исследовалась автором в диахроническом и гендерном аспекте. Анализ русских пословиц и поговорок, а также ассоциативный эксперимент выявили, что концептуальные признаки жизни, находящиеся в сознании современного человека, качественно и количественно отличаются от тех, которые содержатся в пословицах и поговорках. Так, если в паремиях ядерными являются признаки «тяжелая», «длинная», «сложная», «загробная», то для современного носителя русского языка ценность составляют *эмоции* (28%), *близкий человек* (15%), *природа* (9%), *движение* (10). [2]

Однако, как справедливо отмечает автор, наиболее полную картину ценностной составляющей концепта «Жизнь» в сознании современного носителя русского языка мог бы дать анализ экспериментальных данных, собранных путем опроса большого количества представителей различных социальных, возрастных и этнических групп.

Многие исследователи сходятся во мнении, что ценностные характеристики концепта «Жизнь» наиболее полно раскрываются через анализ антонимической диады «жизнь – смерть», где оба концепта являются частями единого семантического поля (И. В. Бочарникова, В. В. Тарасенко, Т. Н. Лоскутова и др.).

Анализу лексем и фразеологических единиц, вербализующих концепты «Жизнь» и «Смерть» с позиции системно-структурного и психолингвистического подходов в русском и английском языках, посвящена диссертация Т. Н. Тарасенко «Концепты "жизнь" и "смерть" в системе языка и сознании разноязычных носителей: на материале фразеологизмов». Автор отмечает, что «оценка признаков концепта «смерть» русскоязычными и англоязычными респондентами отличается большим единообразием, чем оценка признаков концепта «жизнь» [12].

М. М. Логинова исследовала концепты «Жизнь» и «Смерть» на материале русских паремий. В статье «Структура концептов «жизнь» и «смерть» (на ма-

териале русских паремий)» Логинова отмечает, что в паремиях далеко не всегда самыми частотными являются те же семантические признаки, которые выявлены в ядре путем анализа словарных статей. Скорее всего это связано с тем, что паремии, являясь сгустком народной мудрости, в большей мере отражают именно ценностное отношение представителей культуры к жизни. Так, в паремиях на первый план выдвигается признак «жизненные ценности, советы, как лучше прожить жизнь (*живи для людей, поживут и люди для тебя; добро наживай, а худо изживай; живи не прошлым, а завтрашним днем*). В ближнюю периферию исследуемого концепта помещены семантические признаки «характеристика образа жизни» (*век живи, век учись; какая жизнь, такие и песни* и др.); «жизнь как нечто негативное, тяжкое» (*жизнь прожить – не поле перейти*); «жизнь, связанная с материальными ценностями» (*деньги – дело наживное*). К дальней периферии отнесен признак «образ жизни как репутация» (*как проживешь, так и прослывешь*). Анализ паремий, содержащих названия смерти, а также его антонимы (*как живем, так и умираем; эта жизнь хуже смерти*), выявивший наличие у них зоны пересечения, как отмечает Логинова, «еще раз подтверждает, что мы имеем дело с явлениями тесно взаимосвязанными» [8].

Феномен жизни с давних времен глубоко осмыслялся русским человеком, что нашло отражение в произведениях поэтов, писателей, философов. Концепт «Жизнь» вобрал в себя как общекультурные представления, так и личностное, авторское понимание жизни и отношение к ней, а потому исследование концепта было бы неполным без анализа поэтических и художественных текстов, который выявляет индивидуальные смысловые признаки. Являясь производными от основных общезыковых ядерных смыслов концепта, они расширяются за счет приобретения индивидуально-авторских оттенков и значительно обогащают общую концептосферу русского языка.

К анализу авторского понимания жизни обращались Е. В. Дзюба [6], В. В. Багичева [1], Н. В. Деева [4], Н. С. Степанова [11] и другие ученые.

Так, у Цветаевой Е. В. Дзюба выявляет уникальные локальные номинации, представляющие своеобразную топографию инобытия (*новые земли, неземные широты, страны дальние, безвестный край, неземной дом, прохладный сад; райская гавань, страна за морем*) [6].

В. В. Багичева отмечает, что в произведениях рок-поэтессы Янки Дягилевой основным проявлением физической жизни выступает «способность организма чувствовать физическую и моральную боль» [1].

Исследования, проведенные Н. В. Деевой, выявляют, что в произведениях Чехова жизнь часто представляется как некоторый объект наблюдения и изучения, как «некое злобное существо, способное мстить человеку, как неустроенная и несовершенная система» [4].

У русских писателей-эмигрантов жизнь выступает как судьба, как таинство, как дорога, свобода, жизненная сила, процесс, внутренний мир человека [11].

Анализ научной литературы позволяет вести речь о наличии довольно большого интереса к исследуемому нами концепту «Жизнь» и довольно высокой степени исследованности его структуры, содержания и способов концептуализации. Однако разнообразие предлагаемых учеными подходов к изучению концептов (лингвокогнитивный, лингвокультурологический, психолингвистический, семантический и др.), к их классификации и структуре, а также богатство средств репрезентации и способов концептуализации жизни в русском языке оставляет лингвистам довольно обширное поле для дальнейших исследований.

Библиографический список

1. Багичева В. В. Перцептивные смыслы концепта «Жизнь» в творчестве рок-поэтессы Янки Дягилевой // Лингвокультурология, 2008. № 2. С. 16–23.
2. Бочарникова И. В. Ценностно-смысловое варьирование лингвокультурного концепта «Жизнь»: автореф. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2013. 36 с.
3. Горшкова Т. М. Концепт «Жизнь» в концептосфере русского фольклора // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского, 2015, № 2 (2). С. 366–370.
4. Деева Н. В. Концепт «Жизнь» в творческом наследии А. П. Чехова // Культура и текст, 2005. № 9. С. 160–167.
5. Деева Н. В. Концепт «Жизнь»: понятийная и символическая составляющие // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2011. Т. 9. №2. С. 83–88.
6. Дзюба Е. В. Концепты жизнь и смерть в поэзии М. И. Цветаевой: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2001. 25 с.
7. Ипанова О. А. Концепт «жизнь» в русской языковой картине мира: лингвокультурологический и лексикографический аспекты: дис. ... канд. филол. наук. Санкт-Петербург, 2005. 225 с.
8. Логинова М. М. Структура концептов «жизнь» и «смерть» (на материалах русских пословиц) // [Электронный ресурс]. URL: <https://elck.ru/33puwL>
9. Лоскутова Т. Н. Концепты «жизнь» – «смерть», вербализованные лексемами и фразеологическими единицами русского языка, в лингвокультурологическом аспекте: дис. ... канд. филол. наук, Челябинск, 2009. 177 с.
10. Руднев Е. Н. Концепт «жизнь»: анализ и интерпретация // Гуманитарный вектор. Серия: Педагогика, психология, 2010, № 3 (23) С. 101–103.
11. Степанова Н. С. Концептосфера «путь жизни» в автобиографической прозе первой волны русской эмиграции: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Москва, 2016. 396 с.
12. Тарасенко Т. Н. Концепты «жизнь» и «смерть» в системе языка и сознании разноязычных носителей: на материале фразеологизмов: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Комсомольск-на-Амуре, 2008. 21 с.

ДИАЛЕКТИКА БУКВЫ: АНАЛОГОВАЯ / КОДОВАЯ МОДЕЛЬ

В.Э. Будейко

*Челябинский государственный университет
г. Челябинск, Российская Федерация*

Статья посвящена аналитическому обзору научных терминов «аналоговая модель буквы», «код», «кодовая модель», «шифр», «буква». В ходе исследования, основанного на словарном, семиотическом, информационном анализе, а также на методологии семантического реализма, отражающих общее становление данных терминов в научном стиле русского языка XX-XXI веков, выявлено существенное расхождение между значениями терминов «буква» и «знак шифра», «знак кода». Буква (письменный знак) и её свойства образуются на аналоговой основе, однако знак шифра и кода (цифровые знаки) образуются на дискретной, цифровой основе. Их связи между материальной формой и значением также являются различными. Связь между материальной формой письменного знака (буквой) и его значением является арбитральной (обусловленной культурной традицией и письменным преданием). Связь между материальной формой знака шифра или кода и его значением условна, временна, абсолютно конвенциональна. Необоснованно и неправомерно использовать термин «код» или «шифр» при исследовании истории и особенностей письменных знаков естественно-исторических алфавитов, например, таких как кириллическая азбука.

Ключевые слова: азбука, алфавит, аналоговая модель буквы, буква, цифровая модель, знак, код, шифр.

Введение

Темой нашего исследования является установление различия, существующего между понимаемыми понятиями алфавита, шифра и кода, а также буквы как знака, представленного и изучаемого чрез аналоговую и цифровую модели. Следует признать, что некоторая доля осторожности к словам иностранного происхождения должна быть той мерою, которая охраняет нас от того, что эти слова могут содержать в себе идеи, нами полностью не осознаваемые, и, следовательно, не понимаемые так, как они должны быть понимаемы, исходя из сущности изучаемых вещей. Разумная осторожность, связанная с этимологией слов, логикой и семиотикой текста, по мере изучения слов может положительно повлиять на правильное пони-

мание предметов, которые мы называем и исследуем, в противном случае возможно оказаться в плену иллюзий, ведущих нас ложными путями исследования и понимания. Первостепенной нашей задачей стало доказывание принципиального различия между алфавитом естественно-исторического языка и условным набором знаков в шифрах и кодах. Ведь, мы имеем дело с двумя разными видами письменных знаков: буквенных и цифровых (числовых), отличающихся по качеству своих терминов и категорий. Итогом нашего первого исследования явилось доказанное различие между алфавитом исторического языка и искусственным алфавитом как синхронным кодом [1, с. 82-90]. Доказательной основой наших утверждений явились некоторые факты и доводы, связанные с непрерывной тысячелетней историей кириллицы:

1. Кириллица меняет свою внешнюю форму письменных знаков (графику, каллиграфию), исторически сокращается количество знаков (букв) с 43 до 33 в русском алфавите (и 40 букв в современном церковнославянском письме, кроме того церковнославянское кириллическое письмо включает 27+6 идеограмм с числовыми значениями, 70 титлованных корневых морфем, 6 дополнительных знаков-идеограмм, обозначающих знаменательные праздники в юлианском календаре, 7 знаков препинания и пунктуации, 2 дополнительных контекстных знака). Сравнительно с исторической кириллицей внешняя форма знака из шифра / кода лишена эстетического смысла, она (синхронно) условна, однозначна и постоянна на время осуществляемой конвенции.

2. Кириллица в культурном, поэтическом и эстетическом аспектах связана в своей истории с азбучными акростихами, смыслы которых меняются, поскольку они многозначны и строятся на тропах аналогового свойства. Если же представить, что возможен такой текстовый код с кириллическим алфавитом, то соответствия должны быть однозначны, постоянны, т.е. конвенциональны с учётом срока конвенции (с кем-либо, с чем-либо, для кого-либо), однако такого текстового кода в действительности не существует. Примеры кириллических акростихов многочисленны и разнообразны.

3. В примере с цифровой моделью диалог человека с ЭВМ ведётся на строго однозначном искусственном языке, с использованием шифров и кодов. Человек же способен воспринимать и хранить так называемую информацию в форме образов (зрительных, звуковых, осязательных, вкусовых и обонятельных), но информация, в том числе графическая и звуковая, может быть представлена в аналоговой или дискретной формах. При аналоговом представлении и измерении физическая величина принимает бесконечное множество значений, причём значения физической величины изменяются непрерывно. При дискретном же представлении физическая величина принимает конечное множество значений, причём её величина из-

меняется скачкообразно, что зависит от уровня измерительного устройства. Преобразование графической и звуковой информации из аналоговой формы в дискретную (см. ЭВМ) производится путём дискретизации, то есть разбиения непрерывного графического изображения или непрерывного (аналогового) звукового сигнала на отдельные элементы (дискретные отрезки, точки). В процессе дискретизации производится кодирование, то есть присвоение каждому элементу конкретного цифрового значения в качестве привязанного кода. Дискретизация – это преобразование непрерывных изображений, а также звуков в набор дискретных значений в качестве соотносимых кодов.

Диалог человека с человеком, когда посредником выступает письменный текст, письменный знак, ведётся на естественно-историческом языке с использованием форм и значений, которые могут меняться в различном диапазоне как аналоговые паттерны. Под паттернами подразумеваются некие сложные сочетания стимулов (в нашем случае графических форм), воспринимаемых органами чувств (т.е. зрением), как элементы некоторого класса объектов. Однако при этом допустимо, что распознавание паттернов определяется информацией, воздействующей на органы чувств, а также совокупными знаниями, сохраняющимися памятью [9, с. 69].

4. Термины «знаковая система» и «биологический код» не являются тождественными и корректными синонимами в лингвистическом исследовании, поскольку они искажают суть языка человека и естественно-исторического языка в самом общем значении. Код и шифр создаются конвенционально и временно на основе цифровых символов, что принципиально отличает их от аналоговых знаков.

Аналоговый знак – это знак, аналоговая форма которого может непрерывно менять свою информационную характеристику, при том что значение знака не поддаётся точному информационному измерению, поскольку это связано с индивидуальными особенностями личности (внимание, память, интенсивность восприятия, умение соединять воспринимаемое в логические и ассоциативные связи и т.п.), однако это может быть выражено посредством таких же аналоговых знаков-посредников (образов, понимаемых понятий, символов).

5. Если же шифр или код имеют несколько значений (больше одного), то они не могут быть шифром или кодом, т.е. по своей сути утрачивают свой статус. Цифровые объекты (начальные элементы шифра или кода) всегда однозначны и дискретны, тогда как аналоговые объекты (например, графические начертания, слова, высказывания) действительно и / или потенциально многозначны и эйдетичны (т.е. имеют неопределённую внешнюю и внутреннюю форму (с точки зрения определения показателей её информационного объёма)).

Так, например, Л.Р.Зиндер, рассматривая русский алфавит, разделил все буквы (кроме ъ) как письменные знаки по многозначности на пять групп (однако в этой классификации Л.Р. Зиндером не учтены грамматические значения буквы ъ):

однозначные: а, э, у, ы; ц, щ, ь, й; (8)

двузначные: ю, я; л, м, н, р, ж, ч, ш, х, к; (11)

трёхзначные: е, и, ё, о; (4)

четырёхзначные: б, в, д, п, т, ф; (6)

пятизначные: з, с, г [3, с. 68]. Букву г мы не нашли в этом списке, но включили как пятизначную, потому что 1) она обозначает звук [г] в слове *рога́*; 2) она обозначает звук [к] в слове *рог*; 3) она обозначает звук [г'] в слове *геро́й*; 4) она обозначает звук [х] в слове *бог*, см. *бог* [х] ! *неправ.* бо[к]; 5) она обозначает звук [γ] или [h] в словах: *ага́*, *бо́га*, *бухга́лтер*, *ёй-бо́гу* [8, с. 23, 48, 56, 143]. Если эти данные устарели, то это только доказывает преходящий характер аналоговой информационной формы рассматриваемого нами письменного знака и его значений.

Постановка проблемы, методы и материал исследования

Итак, проблема заключается в сосуществовании двух типов моделирования одного предмета (знака как вещи). Целью исследования является выяснение антиномичности этих двух модельных представлений, сосуществующих в современной лингвистике, что может помочь объяснить сущность буквы как письменного знака в грамматологической концепции современной лингвистики.

За основу своего исследования взята методология семантического реализма, разработанная в XX-XXI вв. В.В. Колесовым [5; 6]. Методы, применяемые нами для определения различия между буквой алфавита и символом шифра или кода следующие: семиотический приём и анализ логико-семиотических моделей знака, сравнительный анализ словарных статей и отрывков из научных текстов, а также анализ вероятностной модели языка и языкового знака с помощью теоремы Т. Байеса (1702-1761) [1, с. 83-90].

Материалами исследования послужили современные филологические (лингвистические) тексты и словари XX-XXI вв., а также информационные измерения письменных знаков и письменных слов.

Применительно ко словам (как знакам) картина их формального выражения не менее сложна, поскольку внешняя форма звучащего слова (и знака, включая букву) с одной стороны дискретна, т.е. имеет ограниченный временем звучания информативный объём, однако этот объём может иметь разное количественное выражение, то же самое можно утверждать и о письменном знаке (например, о букве), разделённом пробелом в тексте, но имеющем неограниченные вариации в вероятностном выражении графиче-

ской формы (буквенного паттерна). Это ещё раз принуждает увидеть в данном противопоставлении антиномичный характер буквы как письменного знака. В семиотическом аспекте буква как вид знака может быть представлена в виде следующей модели:

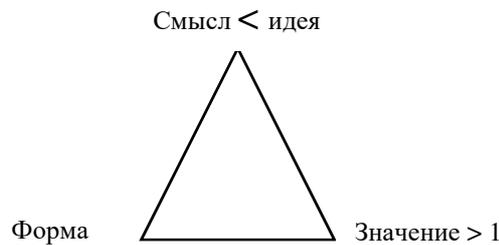

Рис. 1. Модель семантического треугольника для естественно-исторического знака

Смысл и значение (как категории) имеют аналоговую, континуальную ипостаси. Форма знака – явление двойственное: в аспекте внешнего проявления – форма дискретна и атомарна, но относительно объёма информации и возможных вариаций написания, печатания и каллиграфии – это форма аналоговая и свободная для разнообразных аналоговых изменений. Так, при информационном замере квадратного сантиметра (измерение 2023 г.), где располагается напечатанная или рукописная буква в чёрно-белом изображении, её информационный объём V колеблется от 3 170 байт до 3 869 байт (для типа: *.pdf – 300 т/д), и для типа: IrfanViewJPGfile соответственно: от 4 210 до 5 888 байт (при 200 т/д).

Мифологическая история термина «код» дополняется тем фактом, что для XX в. характерно было активное проникновение в филологию, и в лингвистику в частности, терминов из естественно-научных, технических направлений, что было связано с отсутствием собственной методологии для филологической науки, которая воспринималась как зависимая, второстепенная дисциплина. Именно поэтому, код и шифр, являясь техногенными (кибернетическими) терминами, введены были в языкознание для указания на совокупности знаков, условно ограниченных временем или как искусственно созданных для технических средств коммуникации. Например, телеграфный код, шифры радистов, условный код сигнальщиков и т.п. Как правило, в такого рода средствах коммуникации форма знаков является относительно временной, непостоянной / постоянной в пределах временного соглашения, мотивированно не связанной

со своими значениями культурной традицией, т.е. иными словами, такую связь между формой такого знака и значением следует определить, как условную и временную. Поскольку форма таких знаков никоим образом не может меняться во времени, ибо тогда возникнет сбой в коммуникации, такую форму есть основания определить, как дискретную, цифровую или же эквивалентную цифровой.

Рис. 2. Модель семантического треугольника для цифрового знака

Материальная форма этого конвенционального знака лишена ценности, неповторимости, она дискретна. Значение однозначно, идея и смысл – абстрактны. Иными словами, код как совокупность цифровых (числовых) знаков должен иметь однозначно соответствующие значения. Код дискретен по внешней форме и характеру соответствия однозначного значения со смыслом. Его внешняя форма лишена ценности (смысла) и диалектической пары: дискретность – аналоговость, но более эквивалентным выражением имеет пару: дискретность – атомарность (по терминологии В.В. Налимова) [7, с. 11].

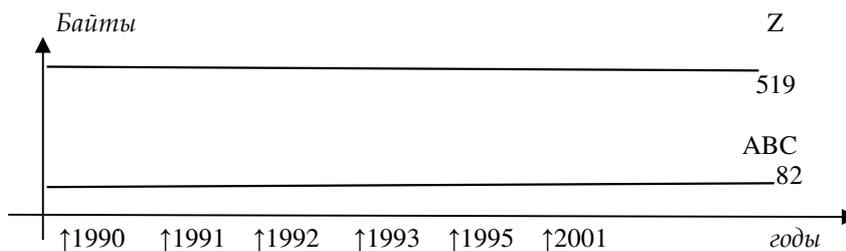

Рис. 3. Искусственный словарь и алфавит (язык ассемблер ЭВМ)

Наши информационные исследования представлены на двух следующих рисунках. Базовыми показателями рис. 3 являются: алфавит (АВС) и словарь ЭВМ на основе искусственного языка (синтаксиса или набора команд) ассемблер (Z, упрощённое измерение 2001 г.), объёмы информации которых соответственно 82 байта и 519 байт. Форма представления информации – цифровая.

Очевидно, что искусственный словарь и алфавит условно статичны, управляемы и полностью поддаются проверке, регистрации, фиксации и возможному исправлению. Коэффициент отношения объёмов информации данного словаря к алфавиту равен 6,33.

Иное следует отметить для естественно-исторических знаковых совокупностей, как не имеющих *абсолютно произвольного отношения «форма – значение»*, их материальная форма может в процессе длительного функционирования меняться в сторону усложнения или упрощения, если речь идёт о произношении или написании, таким образом, форма по сути не является дискретной и/или цифровой, но форма является аналоговой, при информационном замере она может иметь весьма значительные колебания информационных объёмов. Связь между формой и значением не условная, но арбитрарная, т.е. связанная с формообразующим преданием или культурной традицией [2, с. 22-32; 4, с. 30-43].

За точку отсчёта исторического времени принимается год появления славянской письменности (862 г. н.э.); объёмы информации показаны приблизительно в байтах, где 1 байт = 8 бит; 1 бит = 0/1.

1 Кбайт = 2^{10} байт = 1024 байт \approx 1000 (1 тыс.) байт;

1 Мбайт = 2^{10} Кбайт = 1024 Кбайт \approx 1000 000 (1 млн.) байт;

1 Гбайт = 2^{10} Мбайт = 1024 Мбайт \approx 1000 000 000 (1 млрд.) байт;

Треугольник АБО – треугольник вероятности возникновения славянского письма при одновременном или же постепенном накоплении письменных знаков. Точка О и отрезок ОБ указывает на постепенное накопление алфавитного материала. Точка А указывает на креационное, одновременное создание азбуки и письма со всей её полнотой и сложностью. С начала XVIII веков идёт функционально-стилистическое разделение алфавита / азбуки на идеограммы, логограммы научного свойства (линия В), церковнославянское письмо (линия Г), имперская гражданка / гражданское письмо (линия Д).

Значимость многоаспектного анализа буквенного знака.

1. Синхронность описания письменного знака упрощённо представляется цифровой моделью (см. рис. 2, 3 выше). Диахроническое описание письменного знака необходимо представлять аналоговой моделью, которая в некотором смысле может указать на динамику изменения форм и значений, идей и смыслов знака.

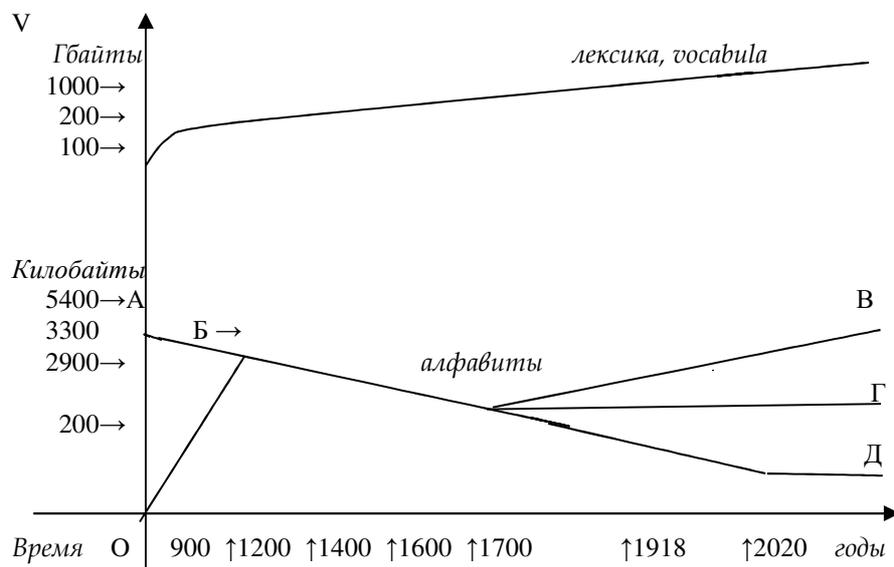

Рис. 4. Лексика и алфавиты русской культуры в диахронии

2. Информационные измерения естественно-исторического письма не поддаются точной статистике, поскольку форма письменного знака и слова имеет аналоговый характер, постоянно меняющийся во времени (от секунды и более), однако даже самые приблизительные представления данных объемов позволяют проследить динамику соотношения между набором письменных слов и знаков употребляемого письма. Видимо, величина соотношения между информационными характеристиками словаря и комплексного алфавита (совокупного набора письменных знаков) составляет более чем 1000.

3. Графика алфавита имеет значение, и это значение информационное, т.е. приобретающее посредством культурной трансформации и развития знака новое символическое значение.

4. Системность описания и исследования письменного знака предполагает по возможности представить знак со всех сторон и во всех аспектах представленной модели, а это требует дополнительного ономаσιологического и семаσιологического, психолингвистического и когнитивного исследования.

5. Информационные исследования в области измерений объемов словаря письменных слов и алфавита позволяют наметить направления прогнозирования отношений между алфавитом, письмом и словарём, что в последующем может способствовать мероприятиям исправления недостатков реформируемого знакового множества.

Библиографический список

1. Будейко В.Э. Кириллический алфавит и код // Социально-экономическое управление: теория и практика. 2022. Т. 18, № 2. С. 82–90.
2. Будейко В.Э. О некоторых аспектах исследования графики церковнославянских и русских слов // Вестник Челябинского государственного университета. 2021. № 7 (453). Филологические науки. Вып. 125. С. 22-32.
3. Зиндер Л.Р. Очерк общей теории письма / Лев Рафаилович Зиндер (1904-1995). Л.: Издательство «Наука», Ленинградское отделение, 1987. 111 с.
4. Иванова Е.П. В каком смысле лингвистический знак произволен? (К трактовке словоупотребления Ф. де Соссюра 'l'arbitraire du signe') // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 2. 2000. Вып. 2 (9). С.30-43.
5. Колесов В.В. Реализм и номинализм в русской философии языка / Монография: Владимир Викторович Колесов. СПб.: Logos, 2007. 384 с.
6. Колесов В.В. Философия русского слова / Монография: Владимир Викторович Колесов (1934-2019). СПб.: ЮНА, 2002. 448 с.
7. Налимов В.В. Непрерывность против дискретности в языке и мышлении / Василий Васильевич Налимов (1910-1997). Тбилиси: Изд-во Тбилисского ун-та, 1978. 83 с.
8. Орфоэпический словарь русского языка: Произношение, ударение, грамматические формы / С.Н. Борунова, В.Л. Воронцова, Н.А. Еськова; под ред. Р.И. Аванесова. 2-е изд., стереотип. М.: Русский язык, 1985. 704 с.
9. Солсо Р. Когнитивная психология / Роберт Солсо; пер. с англ. Н.Ю. Спомюр. СПб.: Питер, 2002. 592 с.: ил.

УДК 81'373.22

КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ ОСЕНИ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ДИСКУРСЕ (В АСПЕКТЕ ИЗМЕНЕНИЙ В РАСТИТЕЛЬНОМ МИРЕ)

Н.В. Головань

*Самарский национальный исследовательский университет
имени академика С.П. Королева
г. Самара, Российская Федерация*

Предметом анализа в статье являются наиболее яркие признаки, относящиеся к комплексу «состояние растительного мира», обладающему наибольшей чувственно-наглядной конкретностью. В художественной литературе, описывающей осеннюю действительность, воспроизводится постепенный переход от лета к зиме, а также последовательно отображаются все изменения, происходящие в растительном мире собственно осенью: от ярких красок, обилия плодов и грибов до замирания и даже умирания природы.

Ключевые слова: концепт, концептуальный признак, языковая картина мира, время, времена года.

Концепт «Осень» является частью одного из важнейших концептов культуры – концепта «Время». В процессе постижения времени в сознании человека складывается концептуальная модель времени, представляющая собой один из базовых концептов, нашедших отражение в языке.

В ходе работы нами были собраны и проанализированы примеры из художественных текстов, включающие существительные *осень*, *сентябрь*, *октябрь*, *ноябрь* и их производные: *осенний*, *по-осеннему*, *сентябрьский*, *октябрьский* и др. Нами были проанализированы примеры, включающие 27 лексем, относящихся к рассматриваемым гнездам. Материалом исследования являются данные основного подкорпуса Национального корпуса русского языка, что позволяет выявить весь спектр признаков, характерных для осени и воспроизводимых в художественных текстах.

Предметом анализа в статье являются наиболее яркие признаки, относящиеся к комплексу «состояние растительного мира», обладающему наибольшей чувственно-наглядной конкретностью. Эти признаки прочно связываются сознанием с осенью, часто актуализируются в художественных текстах. Нами было проанализировано 1175 примеров, воспроизводящих изменения в состоянии растительного мира осенью.

В словарной статье «Времена года» в Большой советской энциклопедии отмечается, что деление года на периоды происходит «в соответствии с видимым движением Солнца по звездному небу и сезонными изменениями в природе» [БСЭ]. При характеристике времен года по фенологическим признакам указывается, что для определения смены времен года используются разные критерии, например, изменение температуры воздуха или продолжительность вегетационного периода. В статье отмечается, что «за начало осени принимают день, к которому проходит 60% вегетационного периода, считая от начала лета» [БСЭ]. Кроме того, осень можно разделить на 3 периода: «от отлета стрижей; с момента полной смены летней окраски листьев у большинства деревьев на осеннюю; от окончания массового листопада у большинства деревьев» [БСЭ].

В Большой советской энциклопедии также подчеркивается, что время начала осени зависит от конкретного региона. Например, в трехсезонной зоне (к северу от южной границы тундры) «за начало осени принимается также день, к которому проходит 60% вегетационного периода со дня перехода среднесуточной температуры через 5°C, принимаемого за начало вегетационного периода», при этом «в тундре начало осени совпадает с отлётом журавлей» [БСЭ]. В Большой российской энциклопедии в словарной статье «Осень» указывается, что «в умеренных широтах, в том числе на большей части территории России, осень характеризуется быстрым понижением температуры воздуха, сопровождается установлением снежного покрова, ледостава на реках, сезонными изменениями в жизни животных и

растений (перелёт птиц, опад листьев и др.)» [БРЭ]. Подчеркнем, что в научной картине мира определение времени начала и окончания осени во многом зависит от изменений, происходящих в растительном и животном мире.

Таким образом, необходимо отметить, что осень является относительным понятием. В разных регионах отличается время начала и окончания осени. При описании осени в художественных текстах отражаются географические и климатические особенности конкретной местности.

Описание осени также зависит от того, как человек воспринимает действительность. Например, листопад предстает в художественных текстах в деталях, сквозь призму восприятия его человеком. При описании листопада демонстрируются конкретные ситуации, а само повествование пронизано личностным восприятием. Сквозь описание сквозит грусть, восхищение и др.

Восприятие осени зависит и от того, что окружает человека, от его местожительства. Деревенский житель воспринимает осень сквозь призму природы, а городской – сквозь практику человеческой деятельности. Отсюда можно выделить природоцентрическое и социоцентрическое описание осени. Во многих художественных текстах, особенно при описании сельской действительности, преобладает природоцентрическое описание осени: описание изменений, происходящих в атмосферном состоянии, в животном и растительном мире.

Характерной чертой концепта «Осень» является наличие противоположных концептуальных признаков. Это обстоятельство объясняется абстрактностью исследуемого концепта и привлечением для его постижения сознанием разнообразных реалий окружающей действительности. Наиболее яркими признаками, характеризующими изменения в состоянии растительного мира осенью, являются «листопад», «цветовая гамма растительного мира», «созревание плодов», «созревание и сбор грибов», «цветение особых сортов растений». В художественной литературе встречаются противоположные им признаки, характерные для поздней осени: «окончание листопада», «серые краски», «отсутствие плодов, грибов, поздноцветущих растений» и др., что отражает динамику изменений, происходящих в состоянии растительного мира, для которых в конце осени свойственно замирание. В художественной литературе репрезентируются изменения, не только происходящие собственно осенью, но и характерные при переходе от одного времени года к другому: в сентябре происходит переход от лета к осени, а в ноябре – от осени к зиме.

Комплекс концептуальных признаков «особое состояние растительного мира» относится к ядру концепта «осень». Признаки, входящие в него, носят ярко выраженный эмпирический характер и основаны на зрительных,

вкусовых, обонятельных впечатлениях от тех изменений, которые происходят в растительном мире в это время года. В первую очередь такие изменения связаны с листопадом и сопутствующей ему сменой цвета листвы.

Концептуальный признак «листопад» включает в себя зрительную, тактильную, слуховую и обонятельную стороны восприятия. Основным способом воспроизведения данного признака является лексема *лист* и ее производные, а также лексемы *дерево, крона, трава, листопад: листья падают, шелестят, осенние листья* и т.д.

Визуальный аспект признака «листопад» репрезентируется лексемами *падать, сыпаться, сбрасывать, сорваться, летать, лететь, шевелить, колыхаться, кружиться, лежать, сыпать, срывать, поредеть, отряхнуть, падать, ронять, опасть* и др.: *С порывом ветра в сторожевую будку врывается охапка сухих сентябрьских листьев и стая комаров* (А.Лернер); *Октябрьские листья падали в роце* (М. Булгаков).

Посредством слов, обозначающих тихие звуки (*шелест, шорох, шуришанье, шум, хруст, скрип, шелестеть, шуришать, поскрипывать, похрустывать*), актуализируется слуховая сторона концептуального признака: *Ах, какая замечательная была погода, чуть розовое вечернее небо, шорох осенней листвы под ногами, начало сумерек* (Ю. Андреева); *Ей нет никакого дела до меня, чуть движется, шуриша осенней листвой* (М. Пришвин).

Отметим, что в художественных текстах слабая выраженность указанного признака реализуется не только с помощью лексем, обозначающих тихий звук, но и посредством приставки *по-*, которая «вносит значение осуществления действия в несколько ослабленной степени» [3].

В немногочисленных примерах актуализируется осязательная составляющая данного признака, например, *мокрые листья: Скоро – завтра, послезавтра, уже вечером? – небо зальется летучим свинцом, ветер оборвет мокрые листья, улицы станут неприятны, чистилище ноября затянется сознание сумраком...* (А. Иличевский).

При описании осенней листвы и листопада часто воспроизводится обонятельный образ, характеризующий свойственные для поздней осени запахи листвы. Данный признак реализуется с помощью конструкций *пахнет осенней листвой, гниющей листвой, прелым листом, увядающими травами, палой листвой: Сильно пахло осенними увядающими травами и палой листвой* (Ю. Домбровский); *Остро, по-осеннему пахло яблоками, мякиной, березовым прелым листом* (А. Пантелеев).

Поздней осенью часто идут дожди, октябрю и ноябрю свойственна большая влажность воздуха, поэтому листва к концу осени начинает гнить, приобретает характерный запах прели, что воспроизводится в художественных текстах через лексемы *прель, гниль* и их производные. В связи с

обилием влаги в ноябре признак «гниль, прель» характеризует состояние не только листвы, но и окружающих объектов: **30 ноября подул гнилой ветер — и все растаяло** (Д. Мережковский).

Отметим, что при описании сентября, октября не характерно воспроизведение признака «гниль, прель». Состояние листвы, травы отражает также постепенные изменения в окружающей действительности, поэтому для реализации картины начала осени, сентября и октября, более характерно воспроизведение признака с помощью конструкций *сухая, пожухлая листва, трава, хрупкое золото, лиственная пыль, листья пожокли, пожухли, сникли, хрусткий октябрь* и др.: **В октябре, когда листья уже пожолкли, пожухли, сникли — бывают синеглазые дни <...>** (Е. Замятин).

Для осени характерно обилие палой листвы, листва устилает землю, дороги, улицы, что воспроизводится в художественных текстах с помощью конструкций *холмик из листвы, ворох листвы, кучки листьев, охапка сухих листьев, дорожка, усыпанная листьями, улицы, устланные палой листвой, листья, покрывшие землю: С порывом ветра в сторожевую будку срывается охапка сухих сентябрьских листьев и стая комаров* (А. Лернер)

В художественной литературе осенний листопад часто осмысливается метафорически, опадание большого количества листвы сравнивают с морской волной или метелью: *Та синичья сладкая пискотня, что купается сентябрем в волне лиственной <...>* (А. Белый); *<...> над шумящими деревьями, сквозь мотание ветвей и желтую метелицу срываемых ветром листьев светило студенистое ноябрьское солнце* (Ю. Бондарев).

В проанализированных примерах воспроизводится не только сам факт опадания листвы, но и разные способы уборки опавших листьев с земли и дорог: *сгребать листву, убирать листву, вывозить листву и горели листва, жгли листва, сжигают листва, сожженные листва*. Данный признак характеризует изменения не только в растительном мире, но и в практической деятельности человека: *В прекрасно благоустроенном московском лесопарке «Царицыно» осенью по всей территории убирают листву* (Н. Голубкина); *Жёлтый дым расстилался по двору, горели первые кучки опавших листьев <...>* (А. Азольский).

В художественных текстах опадение листвы сравнивается со смертью: *<...> мгла, в которой воюют во имя того, чтобы воевать, люди осени, люди страны вечного октября, умирания листвы, грязи, ледостава, превращения воды в лед* (Н. Галкина).

Концептуальный признак «листопад» в нескольких примерах вербализуется с помощью сравнительных конструкций *как листва октябре, как дерево под октябрьским ветром, будто листва в ноябре, словно листва в ноябре* и др. При их использовании в тексте актуализируются различные признаки листопада: обилие палой листвы, скорость опадения листвы, тра-

ектория падения и др.: *И закружились бесы разны, словно листья в ноябре!* (М. Козаков); *Трагический октябрь, Как листья желтые, сметал людские жизни* (А. Найман).

Концептуальный признак «цветовая гамма растительного мира» отражает зрительные впечатления от изменения цвета листвы, обнажения деревьев, увядания. Этот признак носит динамический характер, так как содержит в себе две противоположные цветовые гаммы, соответствующие картинам ранней и поздней осени.

Гамма цветов ранней осени, по нашим материалам, включает в себя яркие тона: *золотой, желтый, красный, пурпурный, багряный, лиловый, рыжий, коричневый, бурый, лимонный, оранжевый* и др. Данный признак при описании ноября актуализируется в немногочисленных примерах, так как в этом месяце большая часть листвы уже опала, а также часто вербализуется лексемами, называющими темные оттенки (*желто-багровый, коричневый*): *Я вижу всхолмленную равнину, покрытую зарыжелой осенней травой* (А. Рекемчук); *Лес благоухал июльским полднем и желтел на глазах октябрьским утром* (О. Абакумова).

Кроме того, для воспроизведения цвета осенней листвы в некоторых контекстах используются лексемы *яркий, камуфляжный, окрашенный, разноцветный, пестрый, радужный, разнокрасье, нарядность*, с помощью которых в художественных текстах подчеркивается разнообразие цветов, свойственных листве осенью: *Мимо бежали пёстрые подмосковные рощи в последних клочьях золотой осени* (И. Грекова).

Метафорически образ яркой листвы ранней осенью репрезентируется с помощью сравнения с металлами (*золото листьев, золотая осень, бронза осени, желтое золото, ржавчина*), с огнем (*осеннее пламя, горят леса, сентябрьское пламя, октябрь горит, пламя деревьев, пожарище октября*), с тканью (*желтый бархат, багровые полотнища плющей, осенние одежки*), с цветами (*букет листьев*), с птицами (*желтокрылые листья*) и с человеком (*сентябрь пришел, как желтый всадник*): *Глаза у нее горели рыжим огнем осени* (М. Тихомиров); *Мой родной город сейчас с головой укрыт пурпурным плащом осени* (А. Браво).

При характеристике сентября, октября в некоторых текстах также отмечается, что листва еще сохраняет зеленый цвет: *Их достоинства — нетребовательны, морозоустойчивы, листья остаются зелеными вплоть до конца октября* (Ш. Марчинский).

Для картины поздней осени, когда с деревьев облетает вся листва, обнажаются ветки и земля, характерны однообразные серые тона. Для репрезентации данного признака используются прилагательные *поблекший, тусклый, потускневший, серый, сизый, седой* и др.: *Глядя сквозь чистые стекла широких окон кафе вниз на площадь, на торговцев каштанами, на*

художников *под потускневшими к осени невысокими кленами*, Мария Александровна думала о великом беспамятстве Жизни (В. Михальский); По сторонам дороги километры желтого и красного осеннего леса перемежались полосами уходивших далеко к горизонту *осенних серых полей* (К. Симонов).

Концептуальный признак «созревание плодов» вербализуется в художественных текстах лексемами, называющими плоды и ягоды (малина, груша, клюква, кизил, калина, рябина, шиповник, лимонник, яблоня, слива, смородина, арбуз, клюква, барбарис, боярышник, брусника, ежевика, клубника, виноград, хурма, апельсины) или орехи (орехи, желуди, каштаны, кедровые орехи). Этот признак вербализуется в наибольшем количестве примеров при описании сентября и октября.

Анализируемый признак включает в себя зрительные (красные, ярко-оранжевые, кораллово-красные, ярко-красные, темно-красные кровоточащие, черные ягоды, черновато-синие, темно-синие плоды и др.), обонятельные (пахнет яблоком, запах яблок и др.) и вкусовые образы (съедобные, сладкие, вкусные, кислые ягоды и др.). В контекстах признак «созревание плодов» часто представлен комплексно (осеннее плодоношение, осеннее пиришество): *Весной она сплошь покрывается оригинальными ароматными цветками, а осенью её украшают ярко-оранжевые ягоды* (В. Иршенкова); *Зато уж осенью — за каждым забором — рябиновые гроздьи* (Ю. Коваль).

Еще один концептуальный признак, входящий в комплекс «особое состояние растительного мира», — это «созревание и сбор грибов». Данный признак вербализуется лексемой *гриб* и ее производными, а также названиями некоторых сортов грибов (лисичка, боровик, опенок, рыжик, волнушка, шампиньон, белый гриб, масленок, мухомор): *Кто в здешних местах не знал, в какой стороне Боговизна, куда бабы каждое лето ходили за ягодами, осенью — за грибами* (В. Быков); *Взять свежие боровики, собранные осенью, сложить в горшок, посолить, дать постоять им целые сутки, часто их мешая*. (Е. Молоховец).

Наряду с признаками, характеризующими увядание природы осенью, в анализируемом комплексе можно выделить признак «цветение особых сортов растений», включающий в себя цветение и созревание в это время года растений особых осенних сортов. Данный признак главным образом вербализуется с помощью лексемы *цветы* и ее производных, а также названий конкретных сортов растений (хризантема, астры, георгин, клевер, тысячелистник, аконит, бадан, цветы чайного дерева, камелии, розы, бархатцы, лобелия, розмарин, анютины глазки, магнолия, медуница, звербой и др.): *С ранней весны до поздней осени, сменяя друг друга, цветут бадан, медуница, дельфиниум, тысячелистник, монарда, лапчатка, зве-*

робой и ясколка (Д. Князева); *Из неприхотливых многолетников особенно популярны сорта многолетних астр, цветущих с сентября по ноябрь* (Е. Аль-Шимари).

В ряде текстов при описании сентября воспроизводится образ цветов, которые собирают в букеты для учителей на первое сентября: *Осенний день в начале сентября, когда детям раздают цветы с цветников* (И. Ильф); *Дети с цветами идут на первое сентября, чтоб ты знала* (М. Трауб).

Необходимо отметить, что основные изменения в растительном и животном мире заканчиваются к концу осени, к ноябрю, потому что в этом месяце уже прекращается листопад (*последние листья, листва, раздетый, оголенный сад, обнаженные ветки, листья на земле, листья падали, осыпались, листопад дочесал рощи, обнаженное дерево, голые деревья, пустые кусты*). При характеристике ноябрьской действительности также указывается окончание сбора плодов, что реализуется в единичных примерах, описывающих фрукты, не растущие в России, созревающие в этом месяце в других странах (*апельсины, лимоны, померанцы*). Кроме того, при описании ноябрьской погоды подчеркивается, что в этом месяце уже нет грибов, что для этого месяца нехарактерно обилие растений или наличие насекомых: *Был ноябрь, деревья стояли без листьев, они шли по бульвару под морозящим дождем <...>* (М. Вишневецкая); *К середине ноября были забыты не только грибы, но и все, что за ними последовало <...>* (А. Дмитриев); *В ноябре еще видны запоздавшие цветы чайного дерева и камелий* (Д. Анучин).

С завершением в ноябре изменений, происходящих в растительном мире, тесно связаны признаки «сытость» — «голод», интерпретирующие анализируемый концепт и передающие его практическое осмысление сознанием носителей языка.

Признак «сытость» при описании начала осени появляется благодаря обилию плодов, орехов, грибов в это время года: *К зиме вообще отряд приготовился с осени — все в землянках были сыты, запасы были вплоть до апреля, одеты были все тепло* (С. Сергеев-Ценский).

Признак «голод» связан с образом увядания природы, свойственным картине поздней осени: *Лиска пришла в восторг, так как с пропитанием в лесу к осени становилось хуже* (В. Быков).

Таким образом, в художественной литературе последовательно отображаются все изменения, происходящие в растительном мире собственно осенью: от ярких красок, обилия плодов и грибов до замирания и даже умирания природы. В проанализированных примерах также воспроизводится постепенный переход от лета к зиме. В текстах, характеризующих сентябрьскую действительность, репрезентируется постепенный переход от

лета к осени, а в примерах, описывающих ноябрь, воспроизводится переход от осени к зиме.

Библиографический список

1. Большая Российская энциклопедия: [в 30 т.] / научно-редакционный совет: председатель - Ю. С. Осипов и др. Москва: Большая Российская энциклопедия, 2004 [Электронный ресурс]. URL: <https://old.bigenc.ru>.
2. Большая советская энциклопедия / гл. ред. О. Ю. Шмидт. Москва: Советская энциклопедия, 1926-1947 [Электронный ресурс]. URL: <https://gufo.me/dict/bse>.
3. Большой толковый словарь русского языка: А-Я / РАН. Ин-т лингв. исслед.; Сост., гл. ред. канд. филол. наук С. А. Кузнецов. Санкт-Петербург: Норинт, 1998. 1534 с. [Электронный ресурс]. URL: <http://gramota.ru>.

УДК 81'373.612.2

ПРОПОЗИЦИОНАЛЬНЫЕ МОДЕЛИ МЕТОНИМИИ КАК СПОСОБ ОБОЗНАЧЕНИЯ ЛИЦА В РАЗГОВОРНОЙ РЕЧИ

Д.А. Дерюгина

*Самарский национальный исследовательский университет
имени академика С.П. Королева
г. Самара, Российская Федерация*

В статье на материале разговорной речи анализируется один из способов вторичной номинации лица – пропозициональная метонимия. Обозначаются частотные для именованного лица метонимические модели в рамках субъектно-объектных отношений. Выделяются ключевые характеристики лица, актуализируемые в процессе номинации по указанным моделям.

Ключевые слова: метонимия, номинация лица, пропозиция, разговорная речь.

В рамках господствующего в науке антропоцентрического подхода в работах по теории номинации особое внимание уделяется изучению средств номинации лица. Н.Д. Арутюнова отмечает, что потенциальная вариативность речевых номинаций «особенно велика по отношению к объекту-лицу в силу его природной и социальной многогранности, а также в силу его способности к действию и деятельности» [1, с. 308].

Е.С. Скобликова подчёркивает, что в обозначении лица многообразно отражаются коммуникативные и социально-ролевые отношения между людьми, что «в одних случаях получает выражение на уровне собственно языковых лексических парадигм, в других – на уровне речевого выбора номинации, который то бывает задан достаточно жестко (в составе художественных текстов), то более свободен, будучи продиктован намерениями автора или говорящего (в разговорной речи)» [7, с. 148].

Стоит отметить, что среди многообразия средств вторичной номинации лица особое место занимает метонимия. Возможности метонимии в обозначении лица очень широки. Однако роль метонимии в обозначении лица в разговорной речи не была предметом специального изучения. В работах исследователей разговорной речи (О.Б. Сиротининой [6], Т.И. Гусевой [2], О.А. Лаптевой, коллектива учёных под руководством Е.А. Земской [3]) обобщённо указывается ряд наиболее частотных моделей метонимии. Так, Е.А. Земская, рассматривая типические виды метонимической номинации, называет лишь несколько наиболее частотных способов номинации лица: «Наименование лица по его одежде, какой-либо типической внешней черте (*Вон синий халатик идёт*) и обозначение лица по объекту или месту деятельности, помещению, учреждению (*Ухо-горло-нос* – обозначение врача)» [3, с. 65].

Цель нашей статьи – выделить основные модели обозначения лица посредством метонимии в контексте субъектно-объектных отношений и обозначить ряд характеристик лица, актуализируемых в процессе метонимического переноса в рамках различных денотативных сфер («Спорт», «Искусство», «Образование», «Медицина») и коммуникативных ситуаций (бытовое, дружеское общение, профессиональное общение в различных профессиональных сферах).

Предмет нашего исследования в рамках данной статьи – пропозиционные модели номинации и характеристики обозначаемого лица, актуализируемые в процессе метонимического именованья по этим моделям.

Материал исследования – метонимические переносы имен существительных. Источник выборки – живая разговорная речь людей разного возраста, представителей разных профессий.

Существуют разные подходы к классификации метонимии, которые отражают объективную многогранность этого явления. В рамках когнитивного подхода Н.А. Илюхина выделяет следующие типы метонимии в соответствии с типами концептов: фреймовая, пропозициональная и сценарная [4; 5].

Пропозициональная метонимия, как и другие типы метонимии, обусловлена партитивными отношениями, т.е. отношениями целого (всего концепта) и его частей. «Частями» являются «компоненты, организованные конкретной динамической ситуацией – субъект, объект и т.д., тогда как с

целым соотносится вся ситуация-событие» [4, с. 41]. Такой тип метонимии «возникает при воспроизведении знания как организованного ситуацией – действием и задаваемыми этим действием отношениями между компонентами: субъектом, объектом, орудием, местом, временем и т. д.» [5, с. 103].

В рамках представленного подхода к изучению метонимии нами был выделен ряд частотных моделей номинации лица посредством метонимии:

1) варианты широко распространённой модели *вместилище – вмести-мое* (в качестве *вместимого*, т.е. «находящегося внутри чего-либо», выступает человек):

1.1) номинация лица путём переноса названия географического объекта,

1.2) перенос названия с учреждений, зданий, помещений, транспорта, их частей,

1.3) номинация лица путём переноса названия сообщества, в которое человек включён;

2) пропозициональные модели, т.е. модели в рамках субъектно-объектных отношений:

2.1) *функция (действие) – носитель этой функции (деятель)*, т.е. обозначение лица (деятели, субъекта) путём переноса названия действия, которое оно выполняет,

2.2) *объект деятельности (действия) – деятель*, т.е. название объекта деятельности становится обозначением лица (деятели, субъекта),

2.3) *инструмент деятельности (действия) – деятель*, т.е. номинация лица (деятели, субъекта) посредством инструмента, с помощью которого совершается действие;

3) модель *признак (свойство) лица – носитель этого признака*:

3.1) номинация лица посредством переноса обозначения внешнего признака (названия одежды, причёски и т.д.),

3.2) обозначения лица через указание на его внутренние признаки (эмоции, черты характера, качества).

Каждый из вышеназванных способов является обобщённой моделью, имеющей множество вариантов реализации в речи, т.е. номинация лица оказывается практически не ограниченной лексически и позволяет подчеркнуть целый спектр характеристик (социальную, профессиональную, возрастную и т.д.), наиболее актуальных для говорящего в момент речи.

В данной статье мы подробно остановимся на изучении пропозициональных моделей, которые занимают заметное место в картине метонимических обозначений лица, отражая его включённость в субъектно-объектные отношения в рамках типовых ситуаций. Рассмотрим три модели: *функция (действие) – носитель этой функции (деятель)*; *объект деятельности (действия) – деятель*; *инструмент деятельности (действия) – деятель*. Обозначаемое лицо во всех случаях метонимической номинации

этого типа имеет статус деятеля. Стоит отметить, что лицо с точки зрения профессионального статуса обозначается предельно конкретно.

Модель *функция (действие) – носитель этой функции (деятель)* даёт характеристику лица как с точки зрения его профессиональной деятельности (а), так и его ситуативной функции в конкретных обстоятельствах (б). Например:

а) *Не забудьте проверку из министерства хорошо встретит* (м, 75) – людей, приехавших с проверкой; *Следствие в отпуске* (м, 51); *Киносъёмка завтра должна приехать класс поснимать* (ж, 52) – об операторе; *Клининг к 15 подъедет* (ж, 25); *Контроль обедает, видимо* (ж, 63) – о сотрудниках, контролирующих вход в учреждение; *Уборку могут просто так в лицей не пустить* (ж, 52) – сотрудников клининговой компании; *Погрузка освободилась раньше* (ж, 52) – о работниках, выполняющих погрузку товара;

б) *Прогулка уже приехала* (ж, 42); *Вон прогулка уже возвращается* (ж, 14), *Прогулка деньги перевела?* (ж, 42) – о клиентах конного клуба, прибывших на конную прогулку по лесу; *Тренировка опять опаздывает* (ж, 42) – о человеке, который должен приехать на тренировку; *Печать уже ушла?* (м, 53) – о сотруднике, выполняющем печать документов.

Рассмотрим модель *объект деятельности (действия) – деятель*. Отметим, что в наших материалах эта модель наиболее массово представлена сферой образовательной деятельности. Регулярно наблюдается перенос обозначения с учебной дисциплины на преподавателя, типичный для разговорной речи школьников и студентов. В результате такого переноса обозначаемое лицо получает детальную профессиональную характеристику: не только подчёркивается принадлежность лица к образовательной сфере деятельности, но и указывается конкретная область знаний, преподаваемая дисциплина. Например: *С биологией ну просто невозможно разговаривать* (м, 12); *А мне изо двойку поставила!* (м, 12); *Музыку никто не видел сегодня, наверное, она заболела* (ж, 12); *Эх ему сегодня и досталось от физики* (м, 16); *Культурология в командировке* (ж, 21); *Методика обещала* (ж, 21).

Другие высказывания, построенные по этой модели, также дают профессиональную характеристику лица, однако часто оказываются окказиональными: *Я попросила мебель приехать пораньше* (ж, 60) – о сборщиках мебели; *Окна к часу должны приехать* (м, 56) – о специалистах, занимающихся монтажом окон; *Ты рыбкам звонила?* (ж, 60) – о человеке, который разводит аквариумных рыб. Такие примеры, в отличие от модели *учебная дисциплина – преподаватель*, встречаются в речи реже, поэтому непонятны вне конкретной речевой ситуации.

Далее обратимся к анализу модели *инструмент деятельности (действия) – деятель*. В качестве иллюстрации частотных случаев употребле-

ния этой модели приведём высказывания, относящиеся к сфере музыкальной исполнительской деятельности, где в качестве обозначения музыканта (т.е. лица по профессиональному статусу) регулярно используется название инструмента: *Скрипка сегодня безбожно фальшивила* (м, 50); *Флейта играла просто восхитительно!* (ж, 55); *Контрабас опять заболел* (ж, 58); *Альт опоздал на репетицию* (ж, 58). Другие примеры модели *инструмент деятельности (действия) – деятель* более окказиональные: *Наше золотое перо олимпиаду по литературе пишет* (ж, 58) – о ребёнке, имеющем литературный талант; *А мастераки отлично сработали* (м, 57) – о штукатурах; *От нас ушла лучшая пила бригады* (м, 57). Однако во всех случаях актуализируется профессиональная характеристика лица или подчёркивается сфера увлечений, занятий.

Антропоцентричность языка и речи находит яркие проявления в картине метонимического обозначения лица в разговорном дискурсе. Метонимический механизм обеспечивает возможности лаконичного обозначения лица по неограниченному числу параметров, актуальных для меняющихся конкретных ситуаций, в которых оказывается лицо.

Анализ пропозициональных моделей номинации лица, таких как *функция (действие) – носитель этой функции (деятель)*; *объект деятельности (действия) – деятель*; *инструмент деятельности (действия) – деятель*, позволяет сделать вывод о том, что лицо в рамках метонимической номинации наиболее часто получает профессиональную характеристику или ситуативное обозначение в контексте субъектно-объектных отношений.

В процессе вторичной номинации лицо получает ряд ключевых и дополнительных характеристик (профессиональную, возрастную, социальную и т.д.), подчёркивается место жительства, место нахождения, место работы, сообщество, в котором состоит, связи с другими лицами, черты характера, интересы. Пропозициональные метонимические модели актуализируют профессию обозначаемого лица, род занятий, увлечения.

Библиографический список

1. Арутюнова Н.Д. Номинация и текст // Языковая номинация. Виды наименований / Отв. ред. Б.А. Серебренников, А.А. Уфимцева. М.: Наука, 1977.
2. Гусева Т.И. Современный русский язык. М.: Научная книга, 2012. 215 с.
3. Земская Е.А. Русская разговорная речь: лингвистический анализ и проблемы обучения. М.: Русский язык, 1979. 240 с.
4. Илюхина Н.А. О типологии лексической метонимии в свете когнитивного принципа / Н.А. Илюхина // Вестник Самарского государственного университета. 2015. № 7(129). С. 36-48.
5. Илюхина Н.А. Феномен сценарной метонимии: о когнитивном принципе типологии лексической метонимии [Текст] / Н.А. Илюхина // Новая Россия : традиции и инновации в языке и науке о языке: материалы докл. и сообщ.

Междунар. науч. конф., посвящ. юбилею Заслуж. деятеля науки РФ д-ра филол. наук проф. Л.Г. Бабенко, 28-30 сент. 2016, Москва; Екатеринбург: Кабинетный ученый, 2016. С. 101-107.

6. Сиротинина О.Б. Современная разговорная речь и ее особенности. М.: Просвещение, 1974. 144 с.

7. Скобликова Е. С. О релятивном характере номинации лиц // Русское слово. 70-летию профессора В.Д. Бондалетова посвящается. Межвузовский сборник научных трудов. Пенза, 1998. 148 с.

УДК 1751.81'22

СПЕЦИФИКА ВЫРАЖЕНИЯ ПРОСТРАНСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ ПРИ ПОМОЩИ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ С ЛОКАТИВНОЙ СЕМАНТИКОЙ

Ю.Е. Рябкова

*Самарский национальный исследовательский университет
имени академика С.П. Королева
г. Самара, Российская Федерация*

В статье рассматриваются основные группы существительных, имеющих локативную семантику и принимающих участие в грамматикализации пространственных отношений в современном русском языке. Приводится классификация существительных, являющихся источником первичной грамматикализации пространственных отношений в современном русском языке, определяются наиболее частотные лексемы данного типа.

Ключевые слова: пространство, грамматикализация, локативность, существительное.

В современном научном дискурсе понятие пространство понимается как порядок расположения предметов или расстояние между ними и от наблюдателя до объекта осязания. Восприятие пространства человеком обладает рядом специфических черт, помогающих человеку в осмыслении пространственных отношений. Пространственные объекты трёхмерны, то есть имеют определённые координаты в разных плоскостях, движение их может быть направлено вверх, вниз, вправо или влево. Они измеримы, имеют границы в пространстве (начало и конец, и др.). Все предметы, находящиеся в окружающем людей пространстве, существуют отдельно друг от друга, могут быть расположены в пространстве

статично или иметь способность к перемещению или к изменению положения в пространстве.

Помимо термина «пространство» в лингвистической науке систематически применяются понятийно связанные с ним термины и понятия: *расстояние (дистанция между ориентиром и объектом или между двумя объектами); уровень (ярус расположения предмета); ряд; сфера; поле; область расположения или распространения предмета/признака; участок или зона распространения предмета или признака; окрестность, центр или периферия поля относительно ориентира; смежность, близость или удалённость каких-либо единиц относительно друг друга или относительно определённого ориентира; шкала, вектор, континуум, дискретность пространства; глубинная, поверхностная или подповерхностная структура пространства; протяжённость в пространстве; граница, измерение или мерность пространства; координаты расположения в пространстве и многие другие.*

Представления о пространстве участвуют в формировании языковой картины мира каждого народа. Во многом этим объясняется интерес большого числа исследователей к пространственным отношениям и способам их выражения в различных языках мира. Среди основных источников грамматикализации пространственных отношений можно называть существительные с пространственной семантикой. С их помощью обозначается место, направление движение, размеры предмета и другие свойства пространства. Например: *дом, улица, комната, гора, низина*. В современном русском языке также существует ряд лексем, обозначающих пространственно-измерительные концепции и размерные характеристики предметов: *высота, глубина, ширина*. Они часто используются вместе с другими словами с локативной семантикой для конкретизации пространственных характеристик объекта: *высота здания, глубина реки, ширина улицы*.

Проблема развития грамматических форм долгое время интересовала лингвистов, сам термин «грамматикализация» был введён в употребление исследователем Антуаном Мейе в 1912 году в работе «Эволюция грамматических форм». Современными учеными, среди которых В.А. Плунгян, Т.А. Майсак, Е.В. Рахилина, отмечено, что термин «грамматикализация» стал активно использоваться в 1950-х – 1960-х годах. В процессе грамматикализации статус значения языкового элемента изменяется: оно из лексического становится грамматическим. В результате формируются грамматические категории, так как грамматические значения берут свое начало именно из лексики. Лексика и грамматика – это такие части системы языка, между которыми нельзя провести четкой, незыблемой границы. Многими учеными утверждается, что в разряд грамматических переходят те явления и признаки, которые уже присутствуют среди лексиче-

ских [2]. Подробное рассмотрение процесса грамматикализации демонстрирует, как лексемы с пространственной семантикой переходят в ряд грамматических единиц. Поэтому, анализируя вопрос о грамматикализации языковых единиц с пространственным значением делаем вывод, что категория пространства становится частью грамматической системы современного русского языка.

Для современной лингвистики характерна ориентация на поиск объяснения языковых явлений. Ведущим подходом является функциональный. В рамках этого подхода структура языковых форм объясняется их функциями. С позиции функционально-грамматического подхода конструкцией с пространственным значением можно называть группу разнородных взаимосвязанных языковых средств, обозначающих положение предмета в пространстве, направление движения объекта в пространстве.

Описывая процесс формирования грамматических значений, Т.А. Майсак говорит о т.н. первичной грамматикализации, в которой источниками являются лексические единицы, однако исследователем подчёркивается, что не любая лексическая единица является источником грамматикализации. Существительные с пространственной семантикой в соответствии с данной концепцией можно назвать источниками первичной грамматикализации представлений о пространстве, отражающихся в материале русского языка. Среди интересующих нас лексических единиц, наиболее часто относящихся к источникам грамматических показателей, в первую очередь было выделено 315 лексем с пространственным значением, которые можно разделить на несколько следующих групп существительных, выявленных при изучении 3000 контекстов с локативной семантикой, отобранных в материале Национального корпуса русского языка.

1) Названия частей жилого помещения и прилегающего к нему пространства (51 лексема): *арка, балкон, ворота, вход, галерея, дверь, двор, забор, задворки, закут, зал, изгородь, кабинет, калитка, каморка, комната, коридор, крыльцо, крыло, кухня, крыша, лестница, лифт, мезонин, навес, палисадник, погреб, подвал, подворье, подклеть, подъезд, пол, порог, потолок, пристройка, прихожая, проём, пролёт (лестницы), свод, сени, спальня, столовая, стена, ступень (ступенька), тамбур, терраса, угол (дома, комнаты, сада или участка), участок, фасад, чердак, этаж.*

2) Названия построек, имеющих нежилое предназначение, и учреждений (39 лексем): *автосалон, арена, аудитория, аэропорт, библиотека, больница, бомбоубежище, булочная, бутик, вокзал, госпиталь, дворец, депо, дом-музей, кафе, киоск, институт, гараж, детский*

сад/детсад, кабинет, кондитерская, лаборатория, монастырь, пожарная каланча, офис, ресторан, салон, сарай, склад, сцена, церковь, школа, магазин, музей, навильон, салон, спортзал, театр, храм.

3) Названия жилищ человека, жилых построек, помещений, когда-либо выполнявших функцию жилища (35 лексем): *барак, башня, вилла, гнездо, гостиница, здание, дача, дом-башня, изба, избушка, избёнка, квартира, коммуналка, корпус, коттедж, лагерь, общежитие, особняк, отель, палатка, помещение, постройка, развалюха, резиденция, руины, санаторий, строение, тюрьма, усадьба, ферма, флигель, хата, хатка, хатёнка, хутор.*

4) Названия объектов природы, способных быть поверхностью или пространством для перемещения объектов (32 лексем): *березняк, бугор, бухта, взгорье/взгорок, газон, грядка, долина, канава, котловина, лес, остров, перелесок, подножье (горы или холма), поляна (полянка), предгорье, пригорок, пруд, поле, роца, сад, садик, сугроб, степь, холм, горка, карьер, склон, побережье, дно, овраг, канал, возвышенность.*

5) Названия пространства внутри населённого пункта или части населённого пункта (26 лексем): *базар, бульвар, застава, квартал, кладбище, набережная, окраина, окрестность, остановка (автобуса, троллейбуса, трамвая), отшиб, парк, перекрёсток, переулочек, площадка, площадь, пляж, предместье, пригород, проспект, проезжая часть, район, станция (метро, электрички), угол (улицы), улица/улочка, тупик, центр.*

6) Названия пространственной характеристики предметов или других объектов (19 лексем): *высота, глубина, горизонт, место, местность, метр, ширина, округа, предел (пределы), пункт, путь, уровень, расстояние, территория, рубеж, кромка, точка, пространство, метр.*

7) Названия трассы движения (18 лексем): *берег, дорога, дорожка, железная дорога, земля, море, мост, небо, океан, площадка, река, рельсы, речка, тропа, тропинка, тропка, тротуар, шоссе.*

8) Названия населённых пунктов и их частей (17 лексем): *город, городок, городишко, государство, деревня, деревенька, микрорайон, поселок, провинция, райцентр, регион, Родина, столица, село, станция, страна, царство/царство-государство.*

9) Названия предметов, имеющих внутри себя определённое пространство и способных вмещать другие предметы (14 лексем): *аквариум, банка, ведро, духовка, карман, кастрюля (кастрюлька), коробка, печь, портфель, рюкзак, сумка, таз (тазик), холодильник, шкаф.*

10) Существительные со значением направления движения (10 лексем): *верх, восток, даль, запад, направление, поворот, пункт, север, сторона, юг.*

11) Названия предметов, имеющих поверхность, на которой способны размещаться определённые объекты (9 лексем): *диван, кровать, плита, полка, скамья, сковорода, стол, табурет, топчан.*

12) Названия транспортных средств, при помощи которых или внутри которых возможно движение (9 лексем): *автобус, автомобиль, вагон, машина, метро, поезд, трамвай, троллейбус, электричка.*

13) Названия частей человеческого тела, использующиеся для обозначения ориентиров. В данном случае человеческое тело или его часть выступает в качестве ориентира нахождения или перемещения других предметов (8 лексем): *бок (по бокам, бок о бок), голова, грудь, живот, локоть, ноги, плечо, спина.*

14) Существительные, называющие среду, в которой осуществляется движение субъекта (2 лексем): *вода, воздух.*

Таким образом, рассмотрение лексем с пространственным значением позволяет сделать вывод о том, что среди них можно выделить не менее 15 смысловых групп. Среди данных смысловых групп существительных с пространственным значением наиболее широко представлены существительные, обозначающие виды жилого помещения или его части, менее всего в проанализированном материале представлены существительные, называющие разновидности среды, в которой возможно осуществление перемещения в пространстве. Все рассмотренные нами лексем, имеющие пространственную семантику, активно употребляются в предложно-падежных формах с локативным значением с участием предлогов *в, на, из, до, к, по* и других, таким образом, можно подтвердить утверждение о том, что существительные с пространственным значением являются обширным источником первичной грамматикализации пространственных представлений в современном русском языке.

Библиографический список

1. Бороздина И. С. Пространство как основная категория бытия в языковом отражении - URL: <http://tl-ic.kursksu.ru/pdf/012-001.pdf>. Дата обращения: 10.03.2019.

2. Майсак Т.А. Типология грамматикализации конструкций с глаголами движения и глаголами позиции: дис. ... канд. филол. наук. М.: МГУ, 2002.

3. Национальный корпус русского языка - URL: <https://ruscorpora.ru>. Дата обращения: 30.04.2020.

4. Плунгян В.А. О специфике выражения именных пространственных характеристик в глаголе: категория глагольной ориентации // В.А. Плунгян (ред.). Исследования по теории грамматики, Вып. 2: Грамматикализация пространственных значений. М.: Русские словари, 2002. С. 57-98.

5. Рахилина Е.В. Локативность и вопрос // Теория функциональной грамматики. Локативность. Бытийность. Посессивность. Обусловленность. СПб., 1996.

ОСОБЕННОСТИ УПОТРЕБЛЕНИЯ ПРЕДИКАТОВ СОЦИАЛЬНОГО
СОСТОЯНИЯ В МЕДИАТЕКСТАХ ЭКОНОМИЧЕСКОГО СОДЕРЖАНИЯ

Сунь Фэнпин

*Самарский национальный исследовательский университет
имени академика С.П.Королева
г. Самара, Российская Федерация*

В статье с опорой на данные Национального корпуса русского языка анализируется специфика функциональной семантики предикатов социального состояния в медиатекстах экономического содержания. Рассматриваются содержательные особенности трех групп данных предикатов, выделенных в Системном семантическом словаре русского языка Л.М. Васильева: имущественного состояния, зависимого/независимого состояния, социального угнетения. Анализ контекстов, содержащих данные предикаты, позволяет нам выявить речевой смысл, который стремится передать автор публикации. Кроме того, можно вести речь об особых закономерностях семантической организации экономических медиатекстов в соответствии с основными условиями использования предикатов социального состояния.

Ключевые слова: состояние, предикаты социального состояния, медиатексты, функциональная семантика, русский язык.

Как известно, СМИ – это важный инструмент для озвучивания всего актуального для того или иного общества, особенно в политической и экономической сферах. Значение экономики для социального развития невозможно переоценить. Экономику должны изучать не только экономисты, оперируя простыми цифрами, и не только философы, опираясь на философские идеи, но любой человек применительно к своей сфере деятельности. В рамках лингвистики язык рассматривается как самый важный инструмент взаимодействия людей, который иногда может оказывать влияние, далеко превосходящее воздействие оружия [9, с. 342]. Научно-технический прогресс породил новые способы мышления, а они в свою очередь порождают новые вещи. Возьмем, к примеру, виртуальный мир, в который мы погружены благодаря новым (электронным) медиа: в отличие от традиционных информационных каналов они представляют собой явления, характеризующиеся интерактивностью и возможностью свободно-

го диалога; они позволяют пользователю стать активным участником обмена информацией и в отличие от своих предшественников (таких видов СМИ, как печать, радио и телевидение) способны не только передавать сообщения, но и сами производить полноценный информационный продукт. В речи представлено множество различных способов использования слов в зависимости от цели высказывания, и это в первую очередь касается предикатов, среди которых большой интерес вызывают предикаты социального состояния, имеющие специфические семантические характеристики. На сегодняшний день семантика предикатов состояния получила довольно широкое и многостороннее освещение в лингвистической литературе (например, в работах таких учёных, как Н.Д. Арутюнова [2, с. 5-17], Т.В. Булыгина [3, с. 185], О.Н. Селиверстова [7, с. 152], Ю.С. Степанов [8, с. 384] и др.), однако нет единства мнений относительно принципов классификация предикатов состояния, к тому же контексты, в которых используются эти единицы, изучены не так детально.

Рассматриваемые нами социальные состояния как одна из разновидностей состояний также весьма актуальны для жизни человека. Само собой разумеется, что, когда мы изучаем социальные состояния, мы должны четко понимать отношения между внутренним и внешним состоянием субъекта [4, с. 176]. Предикаты состояния отличаются от предикатов действия и процесса главным признаком – статичностью/нестатичностью (отсутствии изменения или возможность изменения во времени). По словам Н.С. Авиловой, «признак неизменения во времени является признаком статичности» [1, с. 328]. Обычно наличие признака статичности считается основной причиной для включения тех или иных лексем в группу предикатов состояния. З. Вендлер, ведущий американский философ языка, также высказывает свое мнение по этому поводу: «1) состояния занимают отрезок, а не точку на временной оси; 2) состояния длятся, но не изменяются, не развиваются во времени» [6, с. 101]. Его мнение соотносится с критериями классификации предикатов состояния, а с философской точки зрения всё меняется, и состояния также меняются в результате изменения ограничений. Поэтому мы должны определить, во-первых, условия, при которых возникают состояния, во-вторых, их временные рамки. С другой стороны, в составе высказывания глагол играет ведущую роль. В своей классификации предикатов З. Вендлер фокусируется на одном чрезвычайно важном аспекте значения предиката, а именно на связи с временным отрезком. Ученый делит все глаголы на четыре группы: а) слова со значением «деятельности», б) слова со значением «исполне-

ния», в) слова со значением «достижения», г) слова со значением «состояния» [6, с. 103].

Предикаты социального состояния (далее – ПСС) выступают универсальным явлением в языке экономики и занимают важное место в системе его инструментов. В своем «Системном семантическом словаре русского языка» Л.М. Васильев делит ПСС на три класса: предикаты имущественного состояния (далее – ПИС), предикаты зависимого/независимого состояния (далее – ПЗС или ПНС) и предикаты социального угнетения (далее – ПСУ). В свою очередь, внутри каждой группы выделяется шесть подгрупп ПСС: базовые (бытийные), инхоативы и результативы, каузативы, именные корреляты, наречия и субстантивы. Рассмотрим подробнее эти предикаты с опорой на данные Национального корпуса русского языка, а именно медиатексты экономического содержания (всего нами проанализировано более 100 соответствующих контекстов). Семантические характеристики ПСС выявляются в соответствии с приведенной их классификацией.

Так, ПИС являются языковым средством характеристики финансового состояния, которое используется для оценки состава активов и обязательств (ср.: *быть богатым, состоятельным, денежными, безбедным* и др.; *быть бедным, нищим, обездоленным* и т.д.). Например:

а) – *Как стать **богатым**. По статистике ВЦИОМ, отношение к **богатым** людям за последние годы ухудшилось. Молодежь более-менее положительно к ним относится, а среднее и старшее поколение – наоборот* (Семенова);

б) *Вместо того, чтобы обновлять производственные мощности, создавать рабочие места, помогать **бедным**, мы из скудного бюджета России платим Чечне* («Завтра»).

Всего нами было обнаружено около 30 примеров использования предикатов данной группы в медиатекстах экономического содержания, причем в подавляющем большинстве они употребляются для обозначения имущественного состояния описываемого лица. Таким образом, имущественное состояние представляется очень важной частью социальной ситуации.

ПЗС или ПНС в основном отражают социальные состояния, основанные на семейных отношениях, групповых отношениях, материальном подчинении и т.д. (ср.: *зависимый, подчиненный, подневольный, подвластный* и др.; *свободный, независимый, самостоятельный, самосильный* и т.п.). Например:

а) *Абстрактный, усреднённый чиновник – человек абсолютно **зависимый**, как правило, он ничего не умеет, кроме того, как быть чиновником* (Руденко). Как мы видим, автор подчеркивает отношения между простыми людьми и теми, кто обеспечивает соблюдение закона, с помощью слова *зависимый*. Во времена экономического краха и социальных волнений люди из низов надеются на общество и тех его представителей, на которых можно положиться;

б) *Но, выслушав резоны относительно того, кто из нынешних дворянцев годится в премьеры для рывка, а кого исключить из списка по принципу «Вас здесь не стояло», Михаил Сергеевич, **свободный** от политических условностей, не утопающий в мелочах-частностях, подошел к вопросу революционно, как водится, начав издалека* (Салуцкий). Словосочетание ***свободный** от политических условностей* свидетельствует о том, что ПНС передают представления о тесной связи политической и экономической сфер.

Анализ 35 выявленных нами примеров (без учета метафор) использования ПЗС или ПНС в медиатекстах экономического содержания показывает, что данные единицы в основном обозначают отношения зависимости, существующие между различными социальными группами.

ПСУ выражают представления о социальных отношениях между группами людей, в которых одна группа несправедливо доминирует над другой. Социологи различают такие виды социального угнетения, как расовое, классовое, гендерное и т.д. (ср.: *быть **бесправным**, угнетенным, порабощенным* и т.п.; *свободно, **раскрепощенно*** и др.). Например:

а) *Статья характеризовала его как «человека, отдавшего всю жизнь на службу рабочему классу, на службу всем обиженным и **угнетенным**»* (Алексеев). Слово *угнетенный* передает представления о том, что под властью царя народ не был свободным и жил в условиях рабства и угнетения.

б) *Замечательный Савва Ямщиков без всякого повода, без повестки дня собрал на дружеский обед своих друзей, чтобы **раскрепощенно**, не заморачиваясь, поговорить о текущем дне страны и родной культуры* (Салуцкий). Лексема *раскрепощенно* в данном контексте обозначает свободу общения без подавления со стороны других сил.

В ходе анализа собранных нами примеров было выявлено, что в медиатекстах ПСУ в основном отражают представления о различных уровнях угнетения, которые могут быть характерны не только для разных групп общества, но даже для государства в целом. Поэтому они являются очень важной частью ПСС.

При анализе ПСС следует учитывать также то, что данные лексемы вступают в синонимические и антонимические отношения. Ср.: *обзаводиться (обзавестись) богатством/наживать (нажить) богатство; по-виноваться/подчиняться (подчиниться), попадать (попасть) в неволю к кому-л./оказываться (оказаться, очутиться) в неволе у кого-л. – беднеть/нищать, освобождаться/обретать (обрести) свободу, раскрепощаться (раскрепоститься)/раскабаляться (раскабалиться)* и т.д. Данные отношения представлены и в анализируемых нами текстах, например:

а) *Из самой безвыходной ситуации можно найти выход. Есть, конечно, еще один путь – быстренько **обзавестись богатством**, славой и властью* (Малков);

б) *С точки зрения финансовой я катастрофически **нищаю*** (Шиманский).

Проанализированные нами примеры свидетельствуют о том, что в медиатекстах экономического содержания ПСС часто используются для описания предмета речи, который одновременно семантически противопоставляется и объединяется с другими предметами. Поэтому легче выявить семантическую целостность ПСС, учитывая их синонимические и антонимические связи.

Кроме того, на основе сравнения наших собственных наблюдений с выводами ученых-предшественников мы выявили, что действие, процесс и состояние соотносятся друг с другом через некоторую систему свойств, в основном именно через глаголы, которые играют роль связующего звена. Для изучения ПСС имеет большое значение также сравнение глаголов с фазисным компонентом смысла (динамических) и глаголов без него (статических). Сравнение динамических и статических глаголов подчеркивает конкретное состояние описываемого субъекта и дает основу для анализа общей ситуации. Ср. статические глаголы: *быть богатым, быть состоятельным, благоденствовать, роскошествовать / роскошничать, барствовать, шиковать, жировать* и т.д.; динамические глаголы: *становиться (стать) богатым, наживать (нажить) богатство, набивать (набить) карман* и т. д.

Например:

а) статические глаголы: *Сегодня, чтобы получить заветный штамп в паспорте и, расправив плечи, ходить по столице без боязни **быть** обобраным или упрятым в милицейский «обезьянник», мало **быть состоятельным** или ссылаться на закон* (Емельяненко);

б) динамические глаголы: *Раньше, молодым, он почему-то совсем не придавал значения возможности **стать богатым**, возможности, надо признаться, вполне реалистической или, как сейчас выражаются, реаль-*

ной; теперь надеяться разбогатеть было смешно, с какой стороны ни посмотри (Бузулукский).

Анализ собранных нами 25 примеров показывает следующее: в рассматриваемых текстах ПСС в сочетании с динамическими глаголами встречаются гораздо чаще, чем в комбинации со статическими. Ср.: *быть состоятельным* – данная единица в основном передает знания об объективных фактах, а субъективные причины волеизъявления отходят на второй план; *стать богатым* – эта единица в большей степени выражает представления о субъективной воле лица. На семантическом уровне, особенно в медиатекстах экономического содержания, ПСС часто являются отражением субъективной воли лица, поэтому в таких текстах наблюдается активная тенденция к использованию ПСС в сочетании с динамическими глаголами.

Таким образом, в результате рассмотрения ПСС, представленных в современных медиатекстах экономического содержания, можно сделать следующие выводы: 1) классификация и последующий сравнительный анализ различных групп ПСС помогают определить специфику их использования в указанных текстах; 2) изучение контекстов, содержащих данные предикаты, позволяет выявить речевой смысл, который стремится передать автор публикации; 3) можно вести речь об особых закономерностях семантической организации экономических медиатекстов в соответствии с основными условиями использования предикатов социального состояния.

Библиографический список

1. Авилова Н.С. Вид глагола и семантика глагольного слова. М.: Наука, 1976. 328 с.
2. Арутюнова Н.Д. Лингвистические проблемы референции // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 13. М.: Радуга, 1982. С. 5-17.
3. Булыгина Т.В. Семантические типы предикатов. М.: Наука, 1982. 185 с.
4. Васильев Л.М. Современная лингвистическая семантика: учеб. пособие для вузов. М: Высш. шк., 1990. 176 с.
5. Васильев Л.М. Системный семантический словарь русского языка. Предикатная лексика. Уфа, 2005. С. 124-128.
6. Вендлер З. Linguistics in Philosophy. М.: Наука, 1982. С. 101-103.
7. Селиверстова О.Н. Контрастивная синтаксическая семантика. М.: Наука, 1990. 152 с.
8. Степанов Ю.С. Гипотеза в современной лингвистике. М.: Наука, 1988. 384 с.
9. Фрейденберг О.М. Античные теории языка и стиля. М.–Л.: Соцэкгиз. 1936. 342 с.

ПОПЫТКА РЕКОНСТРУКЦИИ ФРАГМЕНТА КОРНЕВОГО ГНЕЗДА
С ВЕРШИНОЙ *СЕРДЦЕ* ПО ДАННЫМ РУССКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО
ЯЗЫКА И РУССКИХ НАРОДНЫХ ГОВОРОВ

Д.В. Тимошина

*Самарский национальный исследовательский университет
имени академика С.П. Королева
г. Самара, Российская Федерация*

В статье предпринимается попытка восстановления фрагмента КСГ с вершиной сердце, образованного однокорневыми словами, по материалам словарей русского литературного языка и диалектной лексики.

Ключевые слова: КСГ, корень *sьrd-, русские говоры, словообразовательная парадигма.

В статье предпринята попытка реконструкции фрагмента КСГ с вершиной *сердце* // *сердцѣ* // *сердце* (м.) // *сердца* (ж.) // *сердѣце* // *серчѣ* // *серце* // *сѣрса* в русском литературном языке (РЛЯ) и русских народных говорах (РНГ) на материале данных, представленных в словообразовательном словаре А.Н. Тихонова, в Толковом словаре живого великорусского языка В.И. Даля, в Словаре русских народных говоров и в Диалектном подкорпусе НКРЯ, а также в Большом академическом словаре. Объектом рассмотрения являются однокорневые слова, зафиксированные в XIX-XX вв.

Необходимость всестороннего и глубокого изучения КСГ с этимологическим корнем *sьrd- в его диахроническом развитии обусловило привлечение диалектологического материала.

Как отмечает Н.В. Пятаева, реконструкция гнезда на основе словообразовательной и семантической производности однокоренных слов позволяет систематизировать литературную и диалектную лексику на единых основаниях, восстановить и наглядно показать варианты лексем, наличие которых обусловлено действием фонетических законов и словообразовательными особенностями русских говоров [1, с. 128].

Вершина *сердце* // *сердцѣ* // *сердце* (м.) // *сердца* (ж.) // *сердѣце* // *серчѣ* // *серце* // *сѣрса* реализует разные лексико-семантические варианты (ЛСВ) в РЛЯ и русских народных говорах.

Обратимся к словообразовательным парадигмам внутри КСГ в соответствии с теми ЛСВ, которые оказываются реализованными в языке. В схемах используются следующие условные обозначения: 1. Производные еди-

ницы русского литературного языка даются курсивом. 2. Производные диалектные единицы даются полужирным курсивом. 3. Звездочкой (*) отмечены слова, зафиксированные и в литературном языке, и в диалектах. 4. Фонетические и словообразовательные варианты слов отделяются двойным слешем (//).

Часть ЛСВ реализуются в единицах и литературного языка, и диалектов (см. схемы 1–3).

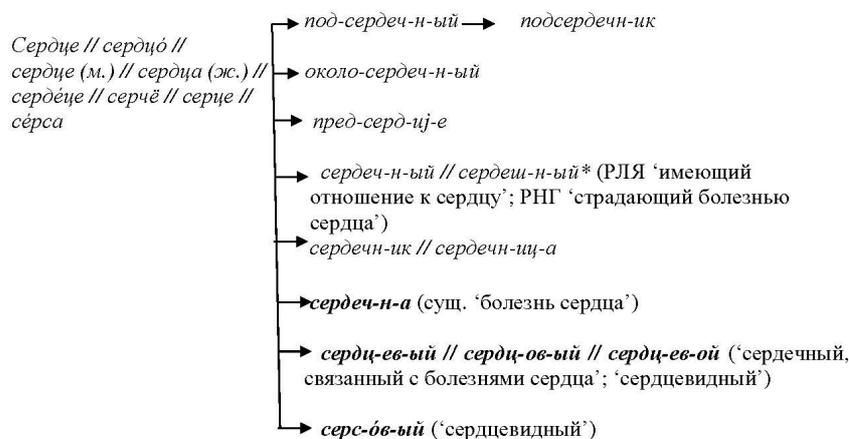

Схема 1 – ЛСВ 'центральный орган кровообращения в виде мускульного мешка'

На наш взгляд, на базе данного ЛСВ среди однокорневых слов формируется ЛСВ 'промежуток' (см. схему 4).

Следующая словообразовательная парадигма формируется на основе ЛСВ 'символ средоточия гнева, раздражения' (см. схему 5). Здесь примечательно то, что она состоит полностью из диалектных единиц. В литературном языке данное значение выражается в субгнездах с вершинами *сердить* и *сердитый*, которые осмысляются уже в качестве самостоятельных и в словаре А.Н. Тихонова, например, рассматриваются отдельно.

Последняя парадигма тоже состоит исключительно из диалектизмов, все ее слова объединяет ЛСВ 'внутренности' (см. схему 6). Вероятно, здесь происходит объединение значений, связанных с интерпретацией сердца как центрального органа кровообращения, желудка и представлением о центральной части, которые занимают данные органы в теле человека или животного.

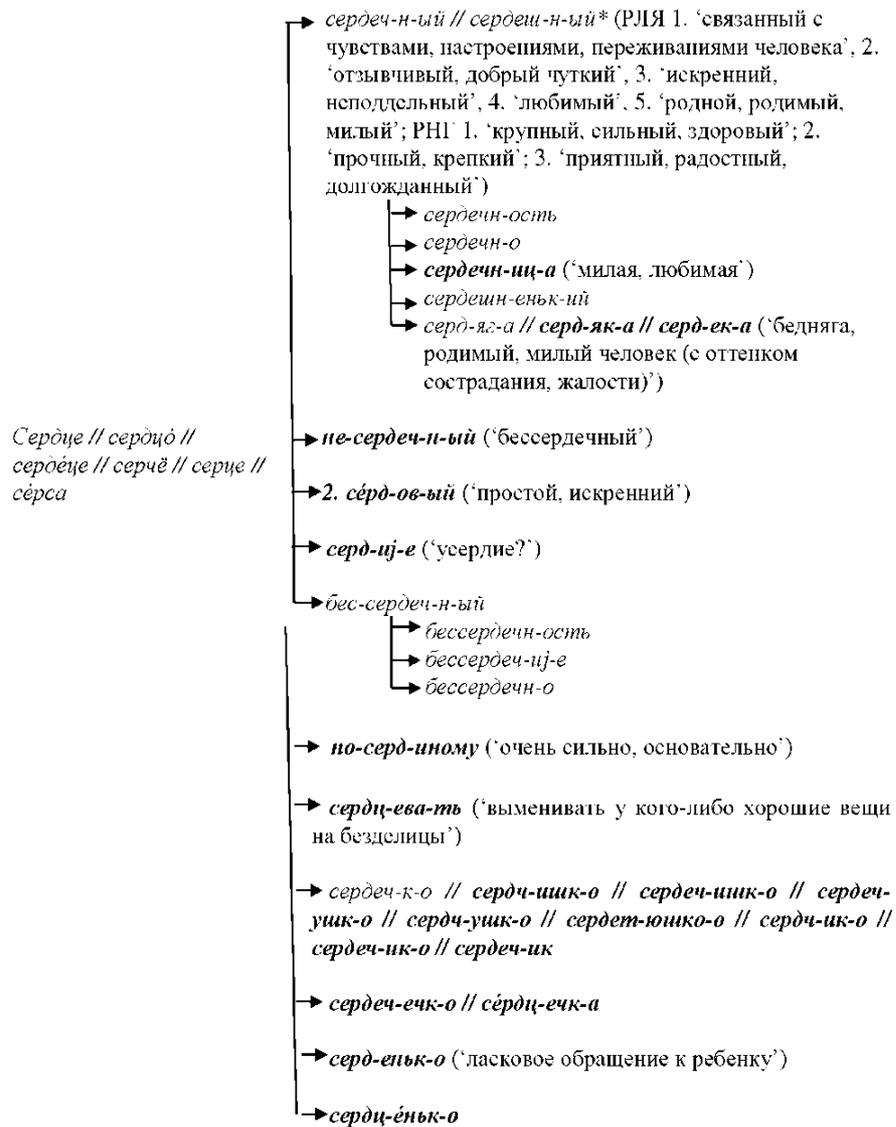

Схема 2 – ЛСВ 'символ средоточия чувств, настроений, переживаний человека'

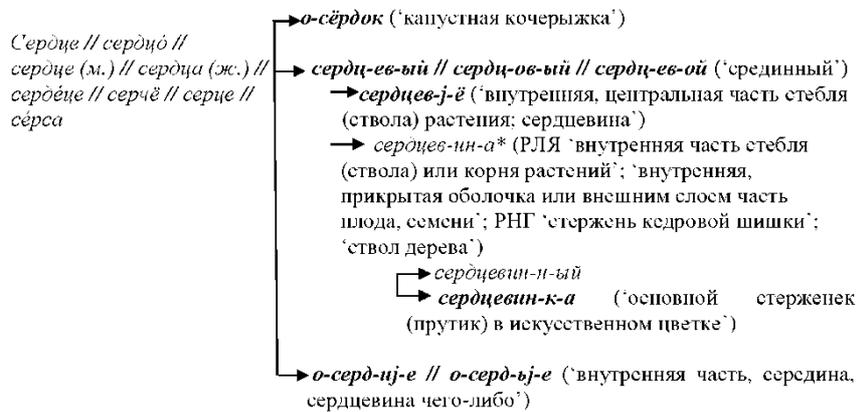

Схема 3 – ЛСВ 'центральная часть чего-либо'

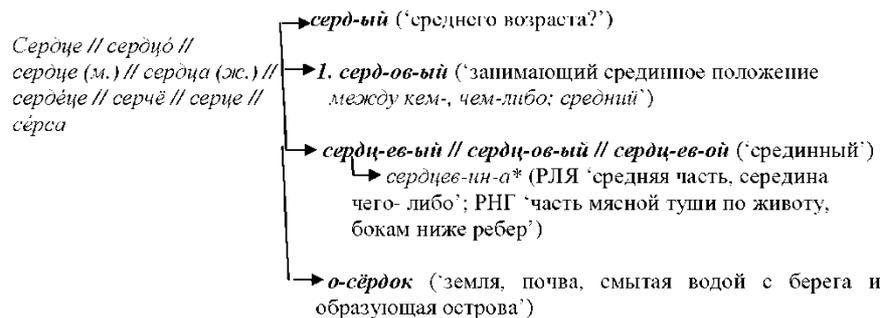

Схема 4 – ЛСВ 'промежуток'

Реконструированный фрагмент КСГ, состоящий из однокорневых слов, включает около 70 единиц, 20 из которых относятся к фактам литературного языка. Очевидно, что факты диалектной системы, которые расширяют рассматриваемое гнездо, позволяют достроить и уточнить некоторые семантические и словообразовательные отношения. Так, например, именно в народных говорах восстанавливается прилагательное *сердцевой* в качестве производящей основы для литературного существительного *сердцевина*.

Восстановленный фрагмент позволяет говорить о богатстве диалектных словообразовательных ресурсов, которые используют в качестве производящей базы и архаичную основу -серд-, и более новую основу -сердц- / -сердеч-, и собственно диалектную -серс-, -сердч-. Разнообразием отлича-

ются и словообразовательные морфемы, вступающие в синонимичные отношения (например, *сердеч-к-о* // *сердч-ишк-о* // *сердеч-ишк-о* // *сердеч-ушк-о* // *сердч-ушк-о* // *сердет-юшк-о* // *сердч-ик-о* // *сердеч-ик-о* // *сердеч-ик*), что характерно для образования конкретной лексики.

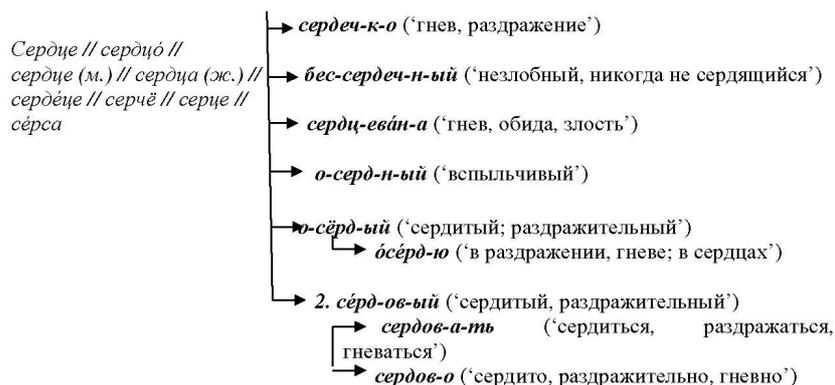

Схема 5 – ЛСВ 'символ средоточия гнева, раздражения'

Схема 6 – ЛСВ 'внутренности'

Зафиксированы единицы, разошедшиеся по значению в литературном языке и народных говорах (*сердечный*, *сердцевина*), а также омонимы (*бес-сердечный* в РЛЯ и *бессердечный* в РНГ).

Дополнение КСГ материалом русских народных говоров позволяет восстановить большой пласт конкретной лексики, отражавшей важные понятия для носителей диалектной картины мира, но не вошедшей в фонд кодифицированного языка.

Так, несколько лексем обозначают не просто внутренности животных, а органы, пригодные или не пригодные для употребления (*осердие // осердые, осердина, осерды, осерек*).

Обнаруживаются слова, называющие орудия труда: пест, которым толкут зерно (*сердечник // сердешник, сердечничек*); часть челнока, которым вяжут сети (*сердечко*); часть плуга (*сердечко*); часть сохи (*сердце*).

Слово *сердечник // сердешник* обозначает части транспортных средств: шкворень повозки; в конской упряжи – подпругу, чересседельник или средний ремень шлеи (зависит от области).

Этим же существительным назывался теплый предмет одежды: теплая кофта без рукавов, безрукавка; душегрейка; «домашний пиджак»; - легкое полупальто.

В некоторых говорах существительное *сердечник // сердешник* служит для обозначения внутренней вьюшки в дымоходе.

Диалектная часть восстановленного фрагмента КСГ отличается семантической спаянностью, синкретизмом, который характерен для лексем с этимологическим корнем *sъrd- в целом в истории развития русского языка. Именно этим синкретизмом исходного корня объясняется широкая представленность, а иногда и разновекторность словообразовательных субгнезд и семантических субполей в истории русского языка.

Библиографический список

1. Пятаева Н.В. Весна // Вешна: опыт реконструкции корневого гнезда на материале русского литературного языка и русских народных говоров // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. 2019. Вып. 2. С. 127-136.

ЛИНГВИСТИКА XXI ВЕКА: ОБЪЕКТЫ И ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЕ ПРАКТИКИ

УДК 81'373

ЯЗЫКОВОЙ ОБРАЗ РОДИНЫ В СОВРЕМЕННЫХ МЕДИАТЕКСТАХ

Л.А. Киселева

*Самарский национальный исследовательский университет
имени академика С.П. Королева
г. Самара, Российская Федерация*

Статья посвящена рассмотрению основных семантических характеристик языковых репрезентантов образа родины, представленного в современных медиатекстах аналитической направленности. В данных текстах слово *родина* используется довольно ограниченно, гораздо более частотными являются его контекстуальные синонимы *Россия, страна, государство*. Их семантический потенциал актуализируется благодаря связям с определённым кругом лексических единиц, что позволяет репрезентировать те или иные смысловые компоненты анализируемого образа: *родина, Отечество* – связь с землёй предков; *Россия, страна* – связь с философской, политической и социально-экономической сферами; *государство* – связь прежде всего с социально-экономической сферой.

Ключевые слова: языковой образ, медиатекст, контекстуальная синонимия, понятие «родина».

В последние годы отечественные лингвисты проявляют значительный интерес к исследованию концептуального содержания слова *родина* [2; 10], при этом оно нередко рассматривается в сопоставительном аспекте, на материале неродственных/неблизкородственных языков (русского и английского, грузинского, армянского и т.д.) [5; 7; 11; 14]. Во многих случаях эмпирической базой таких работ служат классические художественные тексты, в которых запечатлена богатая культурная семантика этого слова, дающая основание говорить о его этноспецифических особенностях [3; 12; 13]. Мы же в своей работе хотели бы сосредоточить внимание на том, какой образ родины формируется и тиражируется в современных медиатекстах, которые прямо или опосредованно отражают массовое сознание

носителей языка. Материалом исследования послужили аналитические статьи журналистов, учёных, писателей, публицистов, размещённые в 2020-2022 гг. на интернет-портале «Газета.ru» [16]. Всего нами было проанализировано около 40 статей, в которых представлено более 200 контекстов, включающих слово *Родина*, а также его системно-языковые и контекстуальные синонимы.

Прежде всего следует подчеркнуть, что в рамках современных гуманитарных наук (таких как философия, литературоведение, эстетика, психология, культурология и т.д.) предложены различные трактовки образа, но в связи с ограниченным объёмом работы мы хотели бы остановиться лишь на специфике языкового образа. Данная проблематика глубоко рассматривается целым рядом авторов [1; 4; 6], при этом можно вести речь об определённом ранжировании трактовок термина «образ» в современной лингвистике, на что указывает, например, Л.Б. Никитина: «1) образ в смысле “икона” как тип знака, обнаруживающего сходство со своим объектом (иконический знак, по Ч. Пирсу); ср. значение слова *образ* в русской христианской культуре; 2) образ в смысле “внутренний (в отличие от внешнего) эмпирический объект”, или перцепция, то есть образ, возникающий в воображении человека при восприятии языкового знака; 3) образ в гносеологическом смысле: отражение в языке знаний и представлений человека об окружающем мире» [9, с. 48]. В своей работе мы придерживаемся самой широкой – третьей – трактовки данного термина, имея в виду, что языковой образ не только интегрирует, но и структурирует знания о реалиях мира, представляя их в виде определённой системы. Н.Ф. Алефиренко справедливо отмечает, что «образ как продукт восприятия и понимания мира – это категория сознания. Будучи включённым в речемыслительный процесс, он превращается в языковой образ – категорию языкового сознания, в контексте которого он вступает в новые ассоциативные отношения, необходимые для языкового моделирования того или иного феномена национальной культуры, для формирования языковой картины мира в виде образных представлений» [1, с. 72]. Следовательно, языковой образ содержит в себе не только универсальные, но и идиотнические компоненты, демонстрируя своеобразие интерпретации окружающего мира сквозь призму ценностных установок, культурных предпочтений, социально-исторического опыта языкового коллектива.

Переходя непосредственно к анализу языкового образа родины, отметим следующее. Если иметь в виду системные лексико-семантические связи слов, выражающих соответствующее понятие, то в «Словаре синонимов русского языка» З.Е. Александровой приводится такой синонимический

ряд с доминантой *родина: родная страна* (или *земля*), *отечество*, *отчизна*, *отчий край*, *край отцов* (высок.); *родная сторона* (или *сторонка*) (народ.-поэт.); *родные палестины* (устар.) [15]. Обращение к номинативному аспекту образа родины, запечатлённому в современных медиатекстах, показывает, что в них представлены лишь некоторые члены этого синонимического ряда, а именно лексемы *родина* и *отечество*, а также устойчивое сочетание *родная страна*: *Слышу разнообразные ответы – от инопланетян и климатических изменений до злокозненных стран, которые постоянно «гадят» нашему Отечеству*. Г. Малинецкий. Мы должны жить лучше (<https://www.gazeta.ru/comments/column/articles/15990391.shtml>); *И я в очередной раз задумалась о бюрократии в своей родной стране*. М. Дегтярева. Так чудеса, там леший бродит (<https://www.gazeta.ru/comments/column/s77906/15755743.shtml?updated>).

Примечательно, что основное слово-репрезентант *родина* употребляется в медиатекстах довольно ограниченно, соответствующий смысл выражается преимущественно посредством контекстуальных синонимов. Если иметь в виду исходные языковые связи слова *родина*, то, по мнению В.В. Колесова, оно соотносится с такими лексемами, как *природа* и *народ*, демонстрируя высокую степень взаимной заданности: «Природа – условие событий, представленное как образ; Род, Родина – причина действия, представленная как понятие; народ – цель, представленная как символ» [8]. Синтагматические связи анализируемого слова, возникающие в рамках медиатекстов, подтверждают наблюдения учёного: оно в основном употребляется в тех контекстах, в которых идёт речь о связи с предками и современниками, с родной землёй. Например: *Если бы Октябрьской революции не было, мой отец непременно бы посетил Россию, родину предков – и там вполне мог бы встретиться с моей мамой*. Д. Драгунский. Октябристы (<https://www.gazeta.ru/comments/column/dragunsky/13235168.shtml?ysclid=lfnuvk80oj598777362>); *«Мой отец провоевал всю войну, он говорил, что в СССР, где ни будешь жить – считай, родина. Потому что я освободил»*. Ю. Меламед. Город, где построили не только модерн (<https://www.gazeta.ru/comments/column/melamed/15047036.shtml>).

Из этого вытекает ещё одно направление синтагматических связей слова *родина* – сочетаемость с лексемами, выражающими понятие «патриотизм»: *Оказавшись в предсказуемой среде, успокоившись и обжившись, среднестатистический эмигрант становится западоненавистником, патриотом прежней родины, сторонником жёсткой руки*. А. Колесников. Почему Россия не Дания (<https://www.gazeta.ru/comments/column/kolesnikov/13825754.shtml?updated>).

Многие из этих оборотов носят клишированный характер, являясь характерными приметами публицистического стиля: *Где на снимках малышей в форме любви к Родине? Где работа ради её мира и блага? А ведь эта работа и есть патриотизм.* Д. Петров. Оловянные солдатики (<https://www.gazeta.ru/comments/column/s77419/13244378.shtml?ysclid=Ifo3cxs0tj526107946>).

Как отмечалось выше, в медиатекстах становятся очевидными связи слова *родина* с несколькими единицами, которые выступают в качестве его контекстуальных синонимов: *Россия, страна, государство*. Семантические связи с первой лексемой являются наиболее тесными, о чём свидетельствует высокая частотность соответствующей лексики в анализируемых текстах (примерно 60% от общего числа примеров): *Пускай поправляется и живёт себе с миром. А Россия дожждётся кого-нибудь посовременней.* А. Миронова. По жалобе правообладателей (https://www.gazeta.ru/comments/column/mironova/13261453.shtml?fbclid=IwAR1qXQ2vMR419Mc8DubqjkyAccvYHbCGK8185yC7K3Xo6jd_LMKvnM582Y); *И правда, по крайней мере в нашей суровой России, точно не на стороне этой беззаботной шпаны.* М. Ярдаева. Ипотека как национальная идея (<https://www.gazeta.ru/column/yardaeva/13717526.shtml>). Как правило, данная лексема употребляется в тех контекстах, в которых так или иначе затрагивается философская и политическая проблематика. Об этом свидетельствует сочетаемость слова *Россия* с определённым кругом абстрактных лексических единиц, таких как *судьба, мир, будущее* и т.д.: *И споры, вечные споры о судьбе России, нашей духовности и закате Запада вместе с присущим ему либерализмом продолжаются.* А. Колесников. Почему Россия не Дания (<https://www.gazeta.ru/comments/column/kolesnikov/13825754.shtml?updated>); *Сейчас решается, есть ли будущее у России.* Г. Малинецкий. Ещё побермудим или уже хватит? (<https://www.gazeta.ru/comments/column/articles/14686873.shtml>) и др.

Кроме того, лексема *Россия* широко представлена в контекстах, описывающих те или иные социально-экономические проблемы страны: *Жильцы недовольны, но делать нечего – жилья по социальному найму для малоимущих в России очень мало.* А. Солнцева. Квартирный вопрос (<https://www.gazeta.ru/comments/column/solnceva/13927010.shtml>); *Когда в России про такую инициативу заговорили, начался шум – дают свободу.* А. Миронова. Гласность вместо свободы слова: к 30-летию заката перестройки (<https://www.gazeta.ru/comments/column/mironova/13855568.shtml>) и т.д.

В аналогичных контекстах весьма широко используются и такие контекстуальные синонимы слова *родина*, как *страна* и *государство*. На наличие семантических связей данных единиц указывает их сочетаемость с такими местоимениями и прилагательными, как *наш*, *свой*, *родной* и т.д.: **Государство** всякий раз обрушивается на тебя как землетрясение, как цунами, как пандемия. Так это, стало быть, опять оно, **родное**? А. Десницкий. Эпидемия туфты (<https://www.gazeta.ru/comments/column/desnitsky/13251619.shtml?ysclid=ifo3m37bq71122481>).

При этом ведущую роль в выражении соответствующих представлений играет местоимение *наш*, о чём свидетельствует его высокая частотность в сочетании с репрезентантами образа родины: **Что касается нашей страны**, то до нынешнего года опросы в целом показывали примерно такую же картину, как в бедных и умеренно благополучных странах. Г. Бовт. Невообразимое будущее (<https://www.gazeta.ru/comments/column/bovt/15701815.shtml>).

Кроме того, содержательные связи данных контекстуальных синонимов подкрепляются их совместным употреблением в рамках одного высказывания: **Россия 1916 года выглядела страной**, полностью погружённой в своё славное прошлое, которое должно без конца воспроизводиться. А. Десницкий. Семнадцатый отменяется (<https://www.gazeta.ru/comments/column/desnitsky/13496588.shtml>); **Когда граждане начинают воспринимать своё собственное государство** как угрозу страшнее морового поветрия – это по-настоящему грозный симптом. **В нашей стране** инициативы снизу очень редки, отбит интерес к общему делу и общему пространству. А. Солнцева. Монетизация урочищ (<https://www.gazeta.ru/comments/column/solnceva/13879142.shtml>).

В отдельных случаях мы наблюдаем своеобразное «нанизывание» указанных синонимов, которое не только служит стилистическим средством, позволяя автору текста избежать буквальных повторов, но и акцентирует те или иные стороны передаваемого понятия: **Все предсказания на 2021 год для России** говорят, что у **страны** в этот период появится уверенная экономическая позиция. **Экономика нашей родины** вырастет, и она станет сильным **государством**, которое даёт мир, защиту и покой всем жителям планеты Земля. А. Солнцева. Август катастроф (<https://www.gazeta.ru/comments/column/solnceva/13817624.shtml>) и т.д. На периферии текстовых репрезентантов образа родины в медиатекстах находятся те лексемы, которые актуализируют неявные, имплицитные компоненты этого образа, например: **Тридцать с лишним лет** назад мы пробермудили **великую сверхдержаву** с тысячелетней историей. Сейчас решается, есть ли будущее у

России. Г. Малинецкий. Ещё побермудим или уже хватит? (<https://www.gazeta.ru/comments/column/articles/14686873.shtml>)

Таким образом, в современных медиатекстах языковой образ родины конструируется посредством целого ряда слов и их сочетаний: *родина, родная страна, Россия, государство, Отечество* и т.д. Их семантический потенциал актуализируется благодаря синтагматическим связям с определённым кругом лексических единиц, что позволяет выразить те или иные смысловые компоненты анализируемого образа: *родина, Отечество* – связь с землёй предков; *Россия, страна* – связь с философской, политической и социально-экономической сферами; *государство* – связь прежде всего с социально-экономической сферой.

Библиографический список

1. Алефиренко Н.Ф. «Живое» слово: Проблемы функциональной лексикологии: монография. 2-е изд., стер. М.: ФЛИНТА, 2014. 344 с.
2. Воркачев С.Г. Слово «Родина»: значимостная составляющая лингвоконцепта // Язык, коммуникация и социальная среда. Воронеж: ВГУ, 2006. С. 26–36.
3. Габдуллина С.Р. Концепт ДОМ / РОДИНА и его словесное воплощение в индивидуальном стиле М. Цветаевой и поэзии русского зарубежья первой волны (сопоставительный аспект): дис. ... канд. филол. наук. М., 2004. 243 с.
4. Гаспаров Б.М. Язык, память, образ. Лингвистика языкового существования. – М.: Новое литературное обозрение, 1996. 352 с.
5. Гаспарян Н.К. Репрезентация концептов «Родина» и «հայրենիք արենիք» (на материале русских и армянских паремий) // Вестник РУДН. Серия: Русский и иностранные языки и методика их преподавания. 2018. Т. 16, №2. С. 207–223.
6. Илюхина Н.А. Метафорический образ в семасиологическом освещении. М: Флинта: Наука, 2010. 320 с.
7. Колабинова Т.И. Специфика репрезентации концептов РОДИНА, PATRIA, NATTVE LAND в русской, латиноамериканской и американской лингвокультурах: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Казань, 2010. 22 с.
8. Колесов В.В. Концепты «Природа», «Родина», «народ» в русском языковом сознании // Политическая лингвистика. 2019. №2 (74). С. 12–23 [Электронный ресурс]. – URL: <https://politlinguistika.ru/images/2-2019/1.pdf>. Дата доступа: 25.02. 2023.
9. Никитина Л.Б. Антропоцентрическая семантика: образ homo sapiens по данным русского языка: учебное пособие. 2-е изд., стер. М.: ФЛИНТА, 2011. 225 с.
10. Перевозникова А.К. Концепт «Родина» как составляющая национального образа России в русской языковой картине мира // Концепт: философия, религия, культура. 2019. №1 (9). С. 54–61.

11. Приорова Е.М., Савченко Е.П., Фильчакова Е.М. Концепт «Родина» в английской и русской лингвокультурах // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2018. №4 (82). Ч. 1. С. 159–163.

12. Саносян А.Г., Купченко Е.В. Концепт «Родина» в поэзии С.А. Есенина и А.А. Блока // Вестник Тюменского государственного университета. 2012. № 1. С. 176–180.

13. Тюрин В.Б. Концепт «Родина» в языковой картине мира Н.М. Рубцова: общий взгляд // Мир науки, культуры, образования. 2015. № 2 (51). С. 393–395.

14. Церцвадзе М.Г. Концепт «Родина» в разносистемных языках // Вестник Челябинского государственного университета. 2014. №7 (336). С. 217–220.

Источники фактического материала

15. Онлайн-словарь синонимов русского языка З.Е. Александровой [Электронный ресурс]. URL: <https://lexicography.online/synonymy/aleksandrova/D1%80/родина>. Дата доступа: 27.02.2023.

16. Информационный портал «Газета.Ru» [Электронный ресурс]. URL: <https://www.gazeta.ru/comments/column/?ysclid=lfu5ug9uk6816092463>. Дата доступа: 24.02.2023.

УДК 81'373.612.2

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ МИР КОНЦЕПТА «ARTIFICIAL INTELLIGENCE»: НА МАТЕРИАЛЕ ВЫБОРКИ «СОСА»

А.А. Харьковская, Н.А. Коломиец

*Самарский национальный исследовательский университет
имени академика С.П. Королева
г. Самара, Российская Федерация*

В статье исследуется концепт “artificial intelligence” на примере академических текстов, взятых из корпуса СОСА. Авторами анализируются частотность употребления и значения вышеназванного концепта. Приведенные примеры объективно отражают процесс формирования концепта “artificial intelligence” как глобальной мыслительной единицы, представляющей собой квант структурированного знания.

Ключевые слова: концепт, корпусная лингвистика, регистровый анализ, речевые жанры.

Введение

Приоритетные инновационные исследования, посвященные научному осмыслению искусственного интеллекта в условиях небывалого по темпам развития новых информационных технологий и обслуживающих их коммуникационных каналов, предназначенных для приема, обработки и трансляции самой разнообразной по объему и содержанию информации в современном мире, отличаются необычайно широким диапазоном тематики, с одной стороны, а с другой, – исключительно динамичным гибким многообразием междисциплинарных подходов к изучению столь своеобразного объекта, который в русском языке получил наименование ИИ, а в английском – AI. Следует заметить, что обозначения рассматриваемого в настоящей работе объекта исследования в двух разноразличных языках представлены в сокращенном формате вовсе неслучайно, а скорее в силу несомненной актуальности явления, которое, отвечая вызовам XXI столетия, стимулирует появление небывалых по масштабам проектов в самых разных областях знаний.

Этим обстоятельством продиктовано обращение к материалам и методам работы в терминах корпусной лингвистики, поскольку именно это направление известно успешной разработкой понятия «референтный корпус», под которым понимается корпус, создаваемый для проведения частотного анализа текстов, а также для сравнения текстов большого спектра жанров или источников, что представляется принципиально важным для решения задач настоящего исследования, объект которого отличается исключительной полифоничностью смыслов в условиях современного расширения диапазона технологий коммуникации и пока еще недостаточной определенностью терминологического статуса концепта «искусственный интеллект» в науке о языке. Кроме того, в наши дни повышенный интерес к проблематике искусственного интеллекта обнаруживается в заказах военных ведомств, ориентированных на повышение боеспособности вооруженных сил своих государств, что находит объективное подтверждение в периоды обострения международных конфликтов, свидетелями которых мы, к сожалению, являемся.

В нашем исследовании мы используем корпус современного американского английского языка (СОСА), так как он является репрезентативным корпусом английского языка во всех отношениях и служит надежным источником для любых лингвистических исследований.

В англоязычной литературе корпус обозначается термином *reference corpus* «образцовый корпус». Английский ученый Дж. Синклер, автор программной статьи о типологии корпусов, дает следующее определение это-

му термину: «Образцовый корпус создается для того, чтобы предоставить полную информацию о языке. Он должен быть достаточно крупным, для того чтобы репрезентировать все существенные разновидности этого языка и его характерных пластов лексики и служить, таким образом, базой для грамматик, словарей и другой надежной справочной литературы» [13].

Подобная идея была высказана А.П. Ершовым еще в 1978 г., когда он выступил с инициативой создания «машинного фонда русского языка» [5]. В некоторых странах электронные коллекции текстов собираются с конца 50-х гг. прошлого столетия. Так, начало базы FRANTEXT во Франции было положено в 1957 г., когда началась подготовка «Тезауруса французского языка» (*Trésor de la langue française*), основанного на корпусе текстов XIX-XX вв. [8] Создание корпуса, в полной мере отвечающего требованию репрезентативности, – это идеал, достичь которого едва ли возможно. Однако даже отдаленное к нему приближение дает в руки лингвистам (и не только лингвистам!) мощнейший инструмент исследования языка, а через язык – культуры народа.

Основная цель настоящей работы заключается в исследовании особенностей функционирования концепта «искусственный интеллект» (“artificial intelligence”) в англоязычной картине мира.

В настоящее время, как показали наши наблюдения, концепт “artificial intelligence” находится на стадии своего формирования. Необходимость научного осмысления этого концепта очевидна, что подтверждается консолидацией научных проектов междисциплинарного характера, которые ориентированы на адекватное понимание отношения современного общества к стремительному развитию подобных технологий. В современной науке о языке концептуальный анализ рассматривается как важнейшее средство для проникновения в представления о мире той или иной языковой общности. Концептуальный анализ “artificial intelligence” является социально-значимым и обуславливается многочисленными спекуляциями в массмедийном пространстве о том, что представляет собой искусственный интеллект. Между тем, научное обсуждение данного явления в общественном пространстве представлено недостаточно полно.

На международной конференции «Интегративные и кросс-культурные подходы к изучению мышления и языка» (5-6 апреля 2022 г.) в Российском государственном гуманитарном университете (РГУ) была подчеркнута важность развития когнитивных наук для современного общества. Выступающими было отмечено, что то знание, которое на данный момент применяется для работы с такими сложными и многомерными феноменами, как искусственный интеллект, было накоплено благодаря предшествующему

развитию гуманитарных дисциплин. Участники конференции единодушно выразили уверенность, что успешное изучение таких сложных явлений, как искусственный интеллект, возможно только в рамках междисциплинарного подхода. В своем выступлении В. И. Заботкина упоминает, что «в последние десятилетия сформировался новый подход к анализу взаимодействия когниции, языка и культуры на основе интеграции культурно-исторической психологии, когнитивной антропологии, нейронаук и когнитивной лингвистики» [11].

Несомненно, что изучение концепта “artificial intelligence” является крайне своевременным и актуальным. Обращение к корпусу как к источнику важной информации позволяет получить данные о смысловом наполнении концепта “artificial intelligence”.

Методология

В качестве источников **языкового материала** в исследовании используется Корпус СОСА (Corpus of Contemporary American English, версия март 2020 г.), который, благодаря его масштабу и ряду возможностей для анализа лингвистического материала, широко используется исследователями, преподавателями и изучающими английский язык.

Корпус содержит более миллиарда слов, в том числе по 20 млн. слов с 1990 по 2019 г., сбалансированных по жанрам. Корпус служит надежным источником данных для любых лингвистических исследований, поскольку он отличается следующими параметрами: а) значительный объем, который допускает применение исследовательских приемов в терминах BIG DATA; б) отражает современные данные словарного состава американского варианта английского языка; в) представлен различными жанровыми маркерами.

Следует отметить, что тексты анализируемого корпуса по-разному интерпретируются отечественными и зарубежными лингвистами. Отечественные лингвисты определяют жанровую принадлежность текстов на основе идей М.М. Бахтина. В статье «Проблема речевых жанров» М.М. Бахтин отмечает, что человеческая речь в типичных ситуациях отличается в готовые, типические формы высказываний, или речевые жанры. Эти формы разнообразны, как разнообразна и сама человеческая деятельность, и даны человеку почти так же, как родной язык [2, с. 159–206]. Если М.М. Бахтин рассматривает тексты в терминах речевых жанров, то английские и американские авторы рассматривают их в терминах функционально-стилевых регистров, определяя регистры следующим образом: «Исследование с точки зрения регистра сочетает анализ языковых характеристик, являющихся общими для некоторого количества текстов, с анализом ситуации использования этих текстов. При таком подходе подразумевается, что принципиальные языковые характеристики <...> имеют функциональный

характер и главным образом используются для определенных коммуникативных целей в определенном ситуативном контексте» [10, с. 2]. Можно сказать, что в понятии регистра на первый план выходит функциональная ценность языка. Согласно Д. Байбер и С. Конрад, отличие жанрового анализа от анализа регистра состоит в том, что жанровый анализ «обращен к устойчивым структурам, используемым для создания завершенного текста» [10]. В трактовке Д. Байбер и С. Конрад понятие регистра на первый план выдвигает функциональную ценность языка, акцентируя внимание на том, что объектом регистравого анализа может стать любая совокупность текстов, а объектом жанрового анализа может стать только завершенный текст.

В настоящей работе приводятся характеристики текстов, включенных в корпус СОСА с учетом их функционально-стилистической принадлежности:

Художественно-прозаические:

- короткие истории и пьесы из литературных журналов; популярных и детских журналов; первые главы книг; научная фантастика;

Масс-медийные:

- около 100 различных журналов, специализирующихся на новостях, здоровье, доме и садоводстве, женские журналы, финансы, религия, спорт и т.д.;

- газеты, издаваемые в США, в том числе USA Today, New York Times, Atlanta Journal Constitution, San Francisco Chronicle и т.д. Представлен материал из различных разделов, таких как местные новости, точка зрения, спорт, финансы, и т.д.

Академические публикации:

- более 200 различных рецензируемых тематических журналов по образованию, социологии, истории, гуманитарным дисциплинам, юридическим дисциплинам, медицине, философии/религии, науке/технологиям и бизнесу;

Интернет-публикации (в том числе блоги):

- классифицированные по регистрам: академический, художественная литература, информация, инструкции, юриспруденция, новости, личное, реклама, обзор интернет-страниц.

Результаты

В качестве иллюстрационного материала в нашей работе используются текстовые фрагменты академического регистра, которые систематизируются на базе методов и приемов (дескриптивный анализ и элементы дискурс анализа), дополняющих друг друга применительно к концепту “artificial intelligence”.

Анализ частотности употребления словосочетания “artificial intelligence” показал, что эмпирический материал, охватывающий академические тексты, характеризуется частотностью употребления 3,71 употреблений на миллион слов. При осуществлении поиска существительных со значением AI среди 60 000 самых употребляемых слов (лемм) корпуса было обнаружено четыре значения AI, из которых первые два – computing и robotics имеют непосредственное отношение к словосочетанию artificial intelligence, а следующие два соотносятся с неопределенными значениями, не имеющими отношения к первому значению artificial intelligence.

Эмпирический материал предлагает нам несколько весьма показательных дефиниций для artificial intelligence.

1. **Artificial intelligence** is a term that is both widely used and loosely defined.

[14]

2. As **AI** develops as a public issue, it is necessary to interrogate its relation to many other realms beyond technology, including politics, economics, and health.

[14]

В третьем примере акцент делается на прикладном характере artificial intelligence в применении к лингвистическим сущностям – natural language.

3. To understand “**natural language**”, computers must be equipped with **artificial intelligence**. [15]

В следующем примере новизна определения artificial intelligence подчеркивается сравнительным описанием терминов artificial intelligence и machine learning.

4. The very terms “**artificial intelligence**” and “**machine learning**” hint at what is new: technology is acquiring and refining cognitive and sensory capabilities that had long been thought to be uniquely human, and is outpacing humans at increasingly complex tasks. [16]

В корпусе эмпирического материала содержится попытка провести параллель между концептом “artificial intelligence thinking” и “computational thinking”

5. While **computational thinking** (Wing 2006) is oriented toward data processing and algorithms, in the context of our challenge there is a bigger emphasis toward the problem-solving aspects and the more general process of **artificial intelligence thinking** (Zeng 2013). Compared with **computational thinking**, “**AI thinking** goes beyond the algorithm-based perspectives and emphasizes items such as how to leverage knowledge bases and case bases in problem solving, how to capture and rea-

son about commonsense, how to enable processing of semantics and contexts, and how to deal with unstructured data, among others.” [17]

Перспективы развития концепта “artificial intelligence” видятся в изучении динамики этого концепта в процессе сбора и обработки лингвистических данных.

6. *Advances in artificial intelligence tools and techniques and Internet technologies are dramatically changing the ways that scientists collect data and how people interact with each other and with their environment.* [18]

Исследование статистических данных об употреблении концепта “artificial intelligence” в академических текстах за период с 2017 по 2019 гг. показали, что рассматриваемый концепт в контексте академической коммуникации представляет собой глобальную мыслительную единицу, ассоциирующуюся с квантом структурированного знания.

Относительно низкая частотность употребления концепта “artificial intelligence” в академических текстах корпуса подтверждается статистическими данными, с одной стороны, а с другой, – объективно отражает процесс формирования этого понятия за счет новых концептуальных характеристик, что сопровождается увеличением семантического объема в процессе когнитивной деятельности академического сообщества, вовлеченного в изучение концептуального содержания исследуемой единицы.

Библиографический список

1. Анохин К.В. Когнитивные вычисления на основе нейронных гиперсетей // *Философия искусственного интеллекта*. Под ред. В. А. Лекторского, Д. И. Дубровского, А.Ю. Алексеева. М.: ИИнтелл, 2017. С. 70–86.
2. Бахтин М.М. Проблема речевых жанров: из архивных записей к работе «Проблема речевых жанров». Проблема текста // Бахтин М.М. Собрание сочинений: В 5 т. М., 1996. Т. 5: Работы 1940-х – начала 1960-х годов. М., 1996. С. 159–206.
3. Болдырев Н.Н. Когнитивная семантика. Введение в когнитивную лингвистику: курс лекций. Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2014. 236 с.
4. Заботкина В.И., Боярская Е.Л. Слова и смыслы в ментальных пространствах // *Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология»*. 2022. № 4, часть 3
5. Ершов А. П. К методологии построения диалоговых систем: феномен деловой прозы // *Вопросы кибернетики. Общение с ЭВМ на естественном языке*. М., 1982.

6. Кубрякова Е.С., Демьянков В.З., Панкрац Ю.Г., Лузина Л.Г. Краткий словарь когнитивных терминов / Под общей редакцией Е.С. Кубряковой. М.: Филол. ф-т МГУ им. М.В. Ломоносова, 1996.
7. Попова З.Д., Стернин И.А. Очерки по когнитивной лингвистике. Воронеж: 2001. 189 с.
8. Сокровище французского языка. Алфавитный словарь языка 19-20 вв. (1789 - 1960) под редакцией П. Имбса. Первый том (А - Абиетин). Образец буклета. Париж, 1970, 128 стр.
9. Степанов Ю.С. Константы: Словарь русской культуры М.: Языки русской культуры, 1997. 824 с.
10. Biber, D. Register, Genre, and Style / D. Biber, S. Conrad. Cambridge: Cambridge University Press, 2009. 352 p. - p. 2
11. Han 2017 – Han Sh. The Sociocultural Brain. Oxford: Oxford University Press, 2017. 288 p.
12. Zabotkina V.I., Boyarskaya E.L. Conceptual foundation of event-referential ambiguity // SGEM International multidisciplinary scientific conference on social sciences and arts. 2018. Vol. 5, Issue 3.6. P. 142–148
13. Sinclair J. EAGLES. Preliminary Recommendations on Corpus Typology, 1996. [Электронный ресурс]. URL: <http://ilc.cnr.it/EAGLES/corpusstyp/corpusstyp.html> – Дата доступа: 28.02.2023.

Источники эмпирического материала

14. J. Scott Brennen, Philip N. Howard, and Rasmus Kleis Nielsen An Industry-Led Debate: How UK Media Cover Artificial Intelligence [Электронный ресурс]. URL: <https://www.oxfordmartin.ox.ac.uk/publications/an-industry-led-debate-how-uk-media-cover-artificial-intelligence>. Дата доступа: 28.02.2023.
15. [Электронный ресурс]. URL: <https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english/artificial-intelligence> Дата доступа: 28.02.2023
16. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.english-corpora.org/coca/> Source ACAD: Yale Law Journal. Date 2018 (2018/11/01) Title What Should We Do After Work Automation and Employment Law Author Cynthia Estlund. Дата доступа: 28.02.2023.
17. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.english-corpora.org/coca/> Source ACAD: AI Magazine Date 2017 Publication information ; La Canada Vol. 38, Iss. 3, (Fall 2017): 83-96. Title Solving Mathematical Puzzles: A Challenging Competition for AI Author Chesani, Federico. Дата доступа: 28.02.2023.
18. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.english-corpora.org/coca/> Source ACAD: AI Magazine Date 2017 Publication information; La Canada Vol. 38, Iss. 3, (Fall 2017): 72-82. Title Reports of the Workshops of the 31st AAAI Conference on Artificial Intelligence Author Anderson, Monica. Дата доступа: 28.02.2023.

ОНОМАСТИКОН ПОВЕСТИ А. ПЛАТОНОВА «ДЖАН»

Н.Б. Бугакова

*Воронежский государственный технический университет
г. Воронеж, Российская Федерация*

Исследование посвящено рассмотрению ономастикона повести А. Платонова «Джан» как единой системы, анализ которой способствует выявлению таких принципов ономастического кода художественных текстов А. Платонова, как социальная детерминированность, автобиографизм, соотнесённость с историческим хронотопом.

Ключевые слова: оним, ономастика, ономастический код, «Джан», А. Платонов.

Исследуя ономастикон творчества А. Платонова, невозможно обойти вниманием произведения, созданные писателем под впечатлением от поездки по Средней Азии. Предлагаемое исследование призвано проанализировать ономастикон одного из таких произведений – повести «Джан».

Необходимо отметить, что попытки анализа ономастикона А. Платонова предпринимались. В этой связи могут быть упомянуты, например, работы Г.Ф. Ковалева [7], Чыонг Тхи Фыонг Тхань [14] и др., однако ни одно из исследований не рассматривало ономастикон повести «Джан» как единую систему, анализ которой способствует выявлению таких принципов ономастического кода художественных текстов А. Платонова, как социальная детерминированность, автобиографизм, соотнесённость с историческим хронотопом.

Обращаясь к рассмотрению масштабного произведения азиатского цикла, созданного А. Платоновым, – повести «Джан» – начнем с анализа заглавия, поскольку заглавие – важнейший элемент любого текста, оно всегда несет важную функцию. Так, например, Г.Ф. Ковалев считает, что интерпретация названия напрямую влияет на понимание произведения [7].

В качестве заглавия повести автор использует лексему *джан* (перс. جان (jân) «душа, жизнь; дорогой, милый», восходит к праиндоевр. *ape- «дуть, дышать», откуда также лат. *animus*) [4]. В тексте повести джан – это народ, блуждающий по пустыне в поисках лучшей доли. Писателю удалось уловить все тонкости этих поисков, и повесть вызвала у читающих ее массу эмоций. Сам автор писал об этом: «Келлер плакал ... от того, что вещь человеческая, что в ней совершаются действия и страсти, присущие настоящим мужественным и чистым людям» [10, с. 352]. Однако отметим,

что А. Платонову было отказано в публикации, и только в 1936 году журнал «Красная новь» напечатал отрывки из повести «Джан» под названием «Нужная родина». Полностью повесть была опубликована после смерти писателя.

Действие повести начинается отнюдь не в пустыне, напротив, в Москве, где во двор института выходит «молодой нерусский человек Назар Чагатаев» [5, с. 53]. Происхождение героя обозначено прилагательным нерусский, в то время как мать героя – туркменка по имени Гюльчатай. Ее имя вспоминает Назар, услышав звуки музыки, которые навевают мысли о прекрасном. Сам Назар объясняет, что «Гюльчатай – ... горный цветок» [5, с. 54]. Отец Назара – «русский солдат Хивинских экспедиционных войск Иван Чагатаев» [5, с. 54]. Оним Назар (от др.-евр. נָזַר, *nazar* – «посвятил себя богу» [12, с. 292]) – мужское имя древнееврейского происхождения. Можно утверждать, что писателю в период поездки в Среднюю Азию вряд ли были интересны библейские имена, скорее всего, его увлекала азиатская ономастика, базирующаяся на именах тюркского, персидского и арабского происхождения. Об этом говорит и О.Ю. Алейников [1]. В записных книжках писатель делал множество пометок, связанных с фиксацией восточных имен, их приблизительным переводом и т.п. Многие из этих имен будут употреблены в качестве имен героев в текстах азиатского цикла (Айдым, Атах-баба и пр.). В этой связи предположим, что в качестве имени главного героя употреблено мусульманское имя, образованное от тюркского и арабского *nazar* – «взгляд» (ср. Назарбай). Для именованного героя автором употреблена трехчастная композиция имя+отчество+фамилия: Назар Иванович Чагатаев: «Писала Ксения: «Назар Иванович Чагатаев! Ваша жена, моя мама Вера, умерла» [5, с. 89]. В качестве основы отчества используется оним Иван (ивр. יְהוָה Йоханан) – «Яхве (Бог) пожалел», «Яхве (Бог) смилостивился», «Яхве (Бог) помиловал» [12, с. 461]. Фамилия Чагатаев образована при помощи типичного для русского языка форманта -ев от тюркского *чагатай* – честный, чистосердечный. Подобная комбинация, употребленная писателем в качестве имени главного героя повести, сразу дает понять читателю, что герой имеет Богом данную милость различать мнимое и истинное, видеть то, что скрыто от взглядов его соплеменников. Поэтому именно Назар Чагатаев становится «вождем» племени джан. О миссии Назара Чагатаева знают представители народа джан: «Ты слышал, к нам приехал Назар из Москвы; ему велели помочь нам прожить нашу жизнь хорошо» [5, с. 61]. Подруга Назара Чагатаева – *Вера* (др.-греч. Πίστις [12, с. 361]). Автор, используя оним *Вера*, демонстрирует, что героиня была способна поверить Назару, доверила ему свою жизнь и жизнь своего ребенка – дочери по имени *Ксения* (из греч. Χενία: χενία гостеприимство) [12, с. 392].

Топонимы, использованные в тексте повести, довольно точно очерчивают пространство, на котором происходят описываемые действия, воспроизводя исторический хронотоп. Когда Назар уезжает в Азию, А. Платонов достоверно описывает территории Узбекистана и Туркменистана, по которым путешествует племя джан. По введенным в текст топонимам можно проследить передвижение как самого Назара, так и народа джан. Когда мать провожает Назара, она описывает ему маршрут, по которому он будет передвигаться: «Увидишь базары и богатство, в Куня-Ургенче, в Ташаузе, Хиве – ты туда не иди, ступай мимо всех, иди далеко к чужим» [5, с. 61]. Куня-Ургенч (совр. название – Кёнеургенч) – один из древнейших городов Туркменистана, входящий в дашаузский вেলাят. С XI в. по XIII в. был столицей крупной средневековой империи, Государства Хорезмшахов, а также центром Хорезма вплоть до XVI в.; в состав Туркменской ССР вошел в 1924 году [6]. Ташауз (совр. название Дашогуз) – административный центр Дашоузского велаята. Хива – город в Хорезмской области Узбекистана. Таким образом, маршрут Назара проходил по границе Узбекистана и Туркмении. Примечательно, что мать Назара советует ему идти дальше, к чужим. Считаю необходимым обратить внимание на то, что действие повести разворачивается в движении от центра к окраинам, что становится очевидным при анализе топонимов, введенных А. Платоновым в текст повести: «Они прошли все оазисы от Чарджуя до Ашхабада – были в Байрам-Али, в Мерве, в Уч-Аджи, удалялись по колодцам и такырам в кочевья и наконец от Ашхабада побрели на Дарвазу» [5, с. 71].

Отец Назара «жил тем, что ходил на байские земли в Куня-Ургенч и в Ташауз – работать на хошарах, чтобы хоть в летнее время питать семейство хлебом» [5, с. 63], а мать «шла наниматься батрачкой в Хиву» [5, с. 63]. Представители племени джан – кочевой народ, который «где-то в районе Сары-Камыша, Усть-Урта и дельты Амударьи блуждает и бедствует» [5, с. 66], состоящий из туркменов, каракалпаков, узбеков, казахов, персов, курдов, белуджи и позабывших, кто они [5, с. 66], «почти постоянно жил во впадине Сары-Камыша, откуда он ходил работать на хошары и на чигири в Хивинский оазис, в Ташауз, в Ходжейли, Куня-Ургенч и другие дальние места» [5, с. 66]. Сары-Камыш, Усть-Урт в понимании А. Платонова – бедные территории Азии, где людям живется очень тяжело. Топоним Сары-Камыш автор использует как синоним ада. Эта ассоциация возникает в связи с введенной автором в текст повести легендой об Ормузде и Аримане, упоминавшихся еще в древнеперсидских клинописных текстах. Сары-Камыш, с точки зрения героев повести, «ад всего мира», здесь живут «хуже всякого человека» [5, с. 66]. Очевидно, что особенности жизни людей в Средней Азии писатель передает очень точно, поскольку парадоксальность среднеазиатских реалий поразила его, и в письме жене от 25 июня 1935 г. (в это время автор работал над повестью «Джан») А. Платонов пишет: «Сижу до света за письмен-

ным столом, пишу про ад и рай в пустыне» [11]. Чтобы максимально точно описать тяжесть жизни людей на этих территориях, автор своеобразно формирует топонимикон повести, поселяя персонажей, например, в Дарвазе: «В Дарвазе Суфьян и Назар жили три дня» [5, с. 66]. Дарваза – газовый кратер в Туркмении. Местные жители и путешественники называют его «Дверью в преисподнюю», или «Вратами ада» [3].

Обозначая подобным образом местоположение добра и зла (добро далеко, в Иране, а зло рядом), автор стремится изобразить происходящее в Средней Азии, обращая внимание на тяжесть существования жителей, лишенных счастья. Основные события в их жизни происходят ночью, т.е. в период наибольшей активности темных сил: «они уходили в направлении, где была середина ночи, в те черные места Турана, среди которых беспрерывно болит душа человека» [5, с. 66]. Топонимом *Туран* обозначается исторический регион в Средней Азии. Этот топоним упоминается еще в Авесте – зороастрийском собрании священных текстов. На современных картах Туранская низменность располагается на территории Казахстана, Туркменистана и Узбекистана.

Употребленные писателем в тексте гидронимы *Амударья*, *Кунядарья*, *Дарьялык* помогают созданию хронотопа. Обращая внимание на обезвоженность азиатских территорий, писатель вводит оксюморонное образование: «Дойдя до сухой реки Кунядарья, Назар Чагатаев увидел верблюда» [5, с. 66]. Известно, что Дарьялык (второе название Кунядарья) – это «одно из сухих старых русел р. Аму-Дарьи в Туркм. ССР, протягивающееся к 3 от ниж. течения реки» [8]. Примечательно, что в тексте повести писатель использует оба существующих названия сухого русла Амударьи, но Кунядарья – это «сухая река», а Дарьялык – проток, т.е. «боковой рукав реки, а также речка, соединяющая два водоёма» [9], и он содержит воду, т.е. не является «сухой рекой»: «Дойдя до протока Дарьялык, два пешехода стали на обычный ночлег, и Суфьян размешал воду у берега» [5, с. 68]. *Амударья* (см. выше) – река, в ней есть вода, а значит, жизнь (о взаимосвязи воды и жизни см. подробнее [2]). Кроме того, Амударья помогает, например, вернуться на родину: «Он задумал плыть на родину вниз по Амударье» [5, с. 66].

Созданию исторического хронотопа способствует ведение автором в текст антропонима *Ленин*. Известно, что Владимир Ильич Ульянов (Ленин) – крупный теоретик марксизма, русский революционер, основатель Союза Советских Социалистических Республик. На территории Средней Азии не всем был известен Ленин: «А ты знаешь Ленина? – Не знаю, – ответил Суфьян. – Я слышал один раз это слово от прохожего, он говорил, что оно хорошо. Но я думаю – нет. Если хорошо – пусть оно явится в Сары-Камыш» [5, с. 67]. Здесь еще раз автор обращается к мысли о том, что в

Сары-Камыш нет и не может быть ничего хорошего. Назар Чагатаев понимает всю тщетность попыток превратить это место из ада в рай: «Чагатаев вглядывался в эту землю – в бледные солонцы, в суглинки, в темную ветхость измученного праха, в котором, может быть, сотлели кости бедного Аримана, не сумевшего достигнуть светлой участи Ормузда и не победившего его. Отчего он не сумел быть счастливым? Может, оттого, что для него судьба Ормузда и других жителей дальних, заросших садами стран была чужда и отвратительна, она не успокаивала и не влекла его сердце, – иначе он, терпеливый и деятельный, сумел бы сделать в Сары-Камыше то же самое, что было в Хорасане» [5, с. 96]. Здесь к герою происходит понимание, что племя джан устраивает их жизнь, которую так упорно стремится переделать Советская власть. Народ джан не испытывает потребности каким-либо образом улучшить свое существование. Более того, их утомляют мероприятия, предпринимаемые Назаром по их спасению, и они начинают притворяться мертвыми, чтобы их оставили в покое. Но «Чагатаев расслышал сквозь кости их глухое, далекое сердце, поднял на ноги и велел жить дальше.

– Зачем вы хотели умереть? – спросил их Чагатаев.

– У нас душа занемела от жизни, – сказал Суфьян» [5, с. 83]. Поэтому Назар принимает единственно верное в этой ситуации решение: вернуть племя назад, домой. В финале повести джан возвращаются «в Сары-Камыш, на родину, ... где они раньше жили» [5, с. 79]. Это обусловлено всеобщей цикличностью жизни, в которой все повторяется. Об этом свидетельствует и описание жизни, например, кочующих животных, которые «неминуемо возвратятся на свою кормовую дорогу» [5, с. 82]. Таким образом писатель сообщает о неизбежном возвращении к истокам, так происходит в обоих произведениях азиатского цикла. Здесь необходимо отметить, что Назар Чагатаев возвращается абсолютно иным человеком.

Культурно-ономастический фон повести формируется на основе исторического хронотопа. Выше уже было рассмотрено введение писателем в текст повести антропонима *Ленин*. Кроме этого, можно отметить употребленный писателем оном *Россия*: «Старый Ванька некогда ... прибежал сюда из сибирской каторги, прижился к неродному народу и жил себе одинаково со всеми, не помня больше дороги в *Россию*» [5, с. 83]. Россия в данном случае оказывается чужой для Ваньки, типично русского человека, и родиной его становится Туркмения, которую Назар Чагатаев, «нерусский» человек, воспринимает как ад и стремится вернуться в Москву.

Советская власть, об установлении которой в Средней Азии речь идет в повести в том числе, также упомянута: «пастух отправился с мальчиком, а в городе отдал его Советской власти, как не нужного никому» [5, с. 58]. Двухкомпонентный оном *Советская власть* использован с целью продемонстрировать

ее стремление спасти; поэтому она занимается спасением племени джан, которое является одним из «народов *Советского Союза*» [5, с. 85] и наиболее нуждается «в жизни и в счастье» [5, с. 85]. *Советский Союз* (Союз Советских Социалистических Республик) – государство, просуществовавшее с 1922 по 1991 г. и объединявшее 15 союзных республик. Высшим партийным органом в СССР был Центральный комитет КПСС, и это обстоятельство также отражено в повести. Возвращаясь в Москву, к истокам, Назар Чагатаев «явился в Центральный комитет партии, где его уже давно ожидали» [5, с. 86]. Напомним, что командирован в Туркмению Чагатаев был по заданию партии. Очевидно, что выполнение задания относительно племени джан помогло Чагатаеву получить повышение по службе. Вернувшись в Москву, он «купил в Мосторге различных вещей на триста рублей и принес их в подарок Ксене» [5, с. 60]. Мосторг – название, данное универмагу, открытому в Москве на месте национализированного в 1917 г. магазина «Мюр и Мерилиз». В 1933 году универмаг получил современное название ЦУМ [13].

Проведенный анализ ономастикона повести «Джан», относимой нами к азиатскому циклу, созданному А. Платоновым на основе впечатлений от путешествий по Средней Азии, позволяет говорить о своеобразии ономастических единиц, употребленных А. Платоновым в повести «Джан» в качестве антропонимов, топонимов, гидронимов, этнонимов и единиц, формирующих культурно-ономастический фон. Это своеобразие обусловлено особенностями хронотопа, формируемого писателем на страницах произведений, действие которых происходит в Средней Азии в начальном периоде становления Советской власти на территории Туркмении.

Библиографический список

1. Алейников О.Ю. Семантика имен персонажей в повести А. Платонова «Джан» // Вестник ВГУ. Серия Филология. Журналистика. 2015. № 2. С. 5- 8.
2. Бугакова Н.Б. Вода как лингвокультурная константа творчества А. Платонова: ономастический аспект (на материале повести «Епифанские шлюзы») // Неофилология. 2021. Т. 7. № 28. С. 611-617.
3. Дарваза. URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%94%D0%B0%D1%80%D0%B2%D0%B0%D0%B7%D0%B0> (дата обращения: 25.11.22).
4. Джан. URL: <https://ru.wiktionary.org/wiki/%D0%B4%D0%B6%D0%B0%D0%BD> (дата обращения: 25.11.22).
5. Джан / Платонов А.П. Собрание сочинений в 3-х т. Т.2. Повесть, рассказы. М.: Сов. Россия, 1985. С. 53-91.
6. Кёнеургенч. URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%9A%D1%91%D0%BD%D0%B5%D1%83%D1%80%D0%B3%D0%B5%D0%BD%D1%87> (дата обращения: 25.11.22).
7. Ковалев Г.Ф. Избранное. Литературная ономастика. Воронеж, 2014. С. 328.

8. Краткая географическая энциклопедия. Том 1 / Гл. ред. Григорьев А.А. М.: Советская энциклопедия. 1960. С. 564.
9. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка / Российская академия наук. Институт русского языка имени В. В. Виноградова. 4-е изд., доп. М.: Азбуковник, 1997. С. 265.
10. Платонов А.П. Записные книжки. Материалы к биографии. М.: Наследие, 2000. 424 с.
11. Платонов А.П. «...я прожил жизнь». Письма. 1920 – 1950 гг. М.: АСТ, 2019. 720 с.
12. Суперанская А.В. Словарь русских личных имен. М.: ООО «Фирма «издательство АСТ», 1998. С. 192, 244, 361.
13. ЦУМ - URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%9C%D1%8E%D1%80_%D0%B8_%D0%9C%D0%B5%D1%80%D0%B8%D0%BB%D0%B8%D0%B7(дата обращения: 25.11.22).
14. Чыонг Т.Ф.Т. Ономастика ранних и автобиографических произведений Андрея Платонова. Воронеж: НАУКА-ЮНИПРЕСС, 2019. 164 с.

УДК 81'373.612.2

КОГНИТИВНО-ДИСКУРСИВНЫЙ ПОДХОД В ИЗУЧЕНИИ МЕТОНИМИИ В РЕКЛАМЕ

А.А. Гайнутдинова

*Самарский национальный исследовательский университет
имени академика С.П. Королева
г. Самара, Российская Федерация*

В статье в рамках когнитивно-дискурсивного подхода анализируются особенности функционирования метонимии в рекламном тексте. Утверждается, что когнитивно-дискурсивный подход оказывается в настоящее время наиболее актуальным, так как предполагает обращение к метонимии как инструменту рекламного воздействия и жанрообразующему элементу, а также к когнитивным структурам, лежащим в ее основе и предопределяющим вектор метонимического переноса в рекламном сообщении.

Ключевые слова: метонимия, реклама, когнитивно-дискурсивный подход, прагматическая установка рекламы, картина мира.

Полипарадигмальность современной лингвистики отмечается многими учеными. Такое сложное, многоаспектное явление как язык, требует

осмысления с разных сторон, не исключая друг друга, а дополняющих знание об объекте. Одним из принципов, объединяющим различные подходы, школы и течения, является антропоцентризм – изучение языковых явлений не изолированно, как явлений «в себе», а с учетом человеческого фактора, в тесной связи с мышлением и деятельностью человека. В полной мере этому принципу отвечает когнитивно-дискурсивный подход, предполагающий изучение языка, исходя из его двух основных функций – когнитивной и коммуникативной. Исследование языковых явлений требует понимания их роли в процессе познания мира, восприятия и осмысления, структурирования информации, с одной стороны, и того, как эти явления используются в процессе коммуникации и достижения человеком поставленных целей – с другой. Именно такой подход, приобретающий контуры парадигмы, «на перекрестке когниции и коммуникации», по мысли Е.С. Кубряковой, позволяет наиболее полно и адекватно охарактеризовать единицы языка [3, с. 16].

Целью изучения метонимии в рамках когнитивно-дискурсивного подхода можно считать анализ когнитивных структур, стоящих за различными типами метонимии, а также ее роль в конкретной речевой ситуации, в конкретном высказывании. В последние десятилетия появляются работы, рассматривающие метонимию в различных типах дискурса сквозь призму этого подхода (см., например, диссертации А.Ю. Резинкина [5], А.Н. Токмакова [7]). Метонимия в рекламном дискурсе редко становится предметом специального исследования и рассматривается прежде всего как стилистический прием. Однако она используется создателями рекламных текстов не только как средство создания образности, но и как инструмент речевого воздействия на адресата. Основой же метонимического переноса, как показывают исследования в русле когнитивной лингвистики, являются различные концепты, в частности, фрейм, пропозиция, сценарий [3].

Основная прагматическая установка рекламы – оказание влияния на читателя / слушателя и побуждение его к действию, то есть к покупке товара. Дискурс рекламы определяется как особая разновидность императивного дискурса, занимающая промежуточное положение между аргументативным (убеждающим) и пропагандистским (манипулятивным). С одной стороны, рекламодатель может только убеждать, используя рациональные или эмоциональные аргументы. С другой стороны, в рекламе говорится только о положительных качествах товаров, а оценочность – одна из основных особенностей рекламного сообщения [6, с. 9]. Метонимия как сдвиг фокуса внимания в этом случае оказывается эффективным инструментом, позволяющим подчеркнуть важные с точки зрения рекламодателя качества товара, затушевывая негативные или неактуальные. Так, в рекламном слогане пива «Сибирская корона» подчеркивается насыщенный вкус напитка: *Богатый вкус в*

легкой упаковке, в слогане водки «На березовых бруньках» – мягкий вкус: *Прохладная мягкость природы*. И несмотря на то, что потребитель, скорее всего, осознает, что алкоголь вреден для здоровья, при прочтении слогана эта информация отходит на периферию.

Обязательным условием реализации поставленных рекламодателем целей является грамотно сформулированное уникальное торговое предложение (УТП) – демонстрация потребительского преимущества рекламируемого товара, его выделение из ряда подобных. Ю.К. Пирогова называет формулирование УТП одной из сильнейших рекламных стратегий [4, с. 22]. Метонимия и здесь становится эффективным инструментом, позволяющим лаконично и ярко выразить смысл торгового предложения. Метонимический перенос может лежать в основе «истинных», или рациональных, УТП, в которых подчеркивается действительное преимущество товара, как, например, в слогане встроенного пылесоса Kromemark: *Просто воткни шланг в розетку*. Использование метонимии позволяет избежать подробного и непонятного обычному потребителю описания принципов работы такого типа пылесосов, и, с одной стороны, подчеркнуть простоту использования техники, а с другой – ее отличие от большинства представленных на рынке моделей.

Иллюстрацией метонимического переноса в слогане с «ложным», или эмоциональным, УТП может служить следующее рекламное высказывание: *Green Ray – открыл и съел* (овощные консервы Green Ray). Это рекламное предложение не является уникальным с той точки зрения, что любые другие консервы также можно употреблять в пищу без дополнительной кулинарной обработки. Метонимическое обозначение ситуации через название двух этапов – технического (открытие банки) и основного (собственно употребление в пищу) – является очевидным. Однако оно представляется более эффективным именно потому, что создатели рекламы других марок этой категории «еще не догадались выдвинуть, хотя и могли» такое УТП [4, с. 23], обратившись к стандартной, повторяющейся в большинстве слоганов характеристике – вкусу.

Важной характеристикой метонимии является ее дискурсивность – в некоторых случаях метонимическое значение оказывается актуальным только для конкретного текста или речевой ситуации, выходя за пределы общеязыкового понимания, совмещая несколько смыслов. В рекламном слогане на этом нередко основана языковая игра, привлекающая читателя, призывающая его «разгадать», интерпретировать текст, как, например, в слоганах *Вам не придется краснеть* (кондиционеры Fujitsu); *Picnic Big. 31 сантиметр позитива!* (шоколадный батончик Picnic Big); *Кратал. Забудь, где у тебя сердце!* (Кардиологический препарат «Кратал»). В подобных слоганах экс-

прессивная функция метонимии, ее роль как средства привлечения внимания становится наиболее очевидна.

Как показал анализ материала, выбор метонимического переноса не является продиктованным чисто прагматическими соображениями, он также предопределен способом организации знания о компоненте рекламной ситуации или о всей ситуации в целом (о связи метонимического переноса с типами концептов, организующих знание о компонентах маркетингового содержания см. в нашей статье [1]). Так, в корпоративных слоганах банков, больниц, автосервисов и других учреждений одним из наиболее продуктивных является перенос *учреждение – сотрудники* в рамках фреймовой метонимии: «*Nutricia*» – *специалист в детском питании*; *Сити-Банк. Банк, с которым легко общаться*; *Сервис, которому доверяют!* (автосервис «Мастер-Сервис») и т.п. Эта модель отражает структуру концепта «учреждение», основные элементы которого, в частности, субфрейм «сотрудники», представлены практически одинаково, независимо от конкретного вида учреждения.

Рекламная картина мира может отражать привычные представления человека об окружающих вещах и явлениях или трансформировать их, создавая новые ассоциации между товаром и определенными ценностями или новые сценарии повседневных ситуаций. Поэтому в одних слоганах метонимически высвечиваются привычные характеристики предметов и людей, этапы ситуаций: *Натуральное дерево под твоими ногами* (паркет «Baltic floor»); *Смотри на мир здоровыми глазами!* (Офтальмологическая клиника «Взгляд»); *Приходите к нам за солнцем, красотой и отличным настроением!* (Студия загара «Малибу»); *Чай, которым гордится Цейлон* (чай «Дилма»). В других слоганах с помощью метонимии подчеркиваются нестандартные качества товара или неожиданный результат его использования: *Почувствуй себя королевой!* (печенье «Шокобарокко»); *Brahma. Импровизируй* (пиво Brahma); *... пора освежиться ...* (пиво «Клинское»). Однако все эти нестандартные на первый взгляд характеристики входят в представления человека о предмете или ситуации, но находятся на периферии, являются потенциальными. Таким образом, меняется структура знания о товаре, иерархия характеристик: одни, прежде периферийные, аспекты выходят на первый план, другие, неважные в данной ситуации или нежелательные для создателей рекламы, затушевываются. Установка на воздействие на потребителя оказывается неразрывно связанной с установкой на преобразование его картины мира, а метонимия становится одним из ключевых механизмов, позволяющим реализовать прагматическую функцию воздействия и когнитивную функцию миромоделирования.

Таким образом, метонимия позволяет ярко, экспрессивно и при этом наиболее лаконично высветить важные (и исключительно положитель-

ные) аспекты функционирования товара, выполняя функции привлечения внимания потребителя, воздействия на его сознание и поведение. Когнитивно-дискурсивный подход позволяет проанализировать, как метонимия реализуется в качестве текстообразующего (и даже жанрообразующего) инструмента в рекламном тексте, какие когнитивные структуры лежат в ее основе, какую роль метонимия играет в процессе трансформации картины мира потребителя.

Исследователи отмечают наличие двух типов или уровней рекламного дискурса: первичный дискурс демонстрирует объект рекламы и должен побудить человека приобрести товар (коммуникативно-прагматический аспект), а вторичный моделирует или трансформирует систему ценностей потребителя (когнитивный аспект). Метонимия оказывается важным инструментом на обоих уровнях, поэтому нам представляется продуктивным и перспективным ее изучение в рекламе в рамках интегрированного подхода.

Библиографический список

1. Гайнутдинова А.А. Метонимическое отражение компонентов маркетингового содержания // Майские чтения (Язык и репрезентация культурных кодов). XII Всероссийская с международным участием научная конференция молодых ученых (Самара, 17 мая 2022 г.). Материалы и доклады. Самара, 2023. С. 7–14.
2. Илюхина Н.А. О типологии лексической метонимии в свете когнитивного принципа // Вестник Самарского государственного университета. 2015. № 7 (129). С. 36–48.
3. Кубрякова Е.С. Об установках когнитивной науки и актуальных проблемах когнитивной лингвистики // Вопросы когнитивной лингвистики. 2004. №1. С. 6–17.
4. Пирогова Ю.К., Паршин П.Б. Рекламный текст: семиотика и лингвистика М.: Международный институт рекламы, Издательский дом Гребенникова, 2000 г. 270 с.
5. Резинкин А.Ю. Функционирование метонимических номинаций в немецком политическом медиа-дискурсе: дис. ... канд. филол. наук. Барнаул, 2012. 240 с.
6. Терпугова Е.А. Рекламный текст как особый тип императивного дискурса: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Кемерово, 2000. 19 с.
7. Токмаков А.Н. Метонимия как средство прагматического воздействия: На материале французской кинокритик: дис ... канд. филол. наук. Москва, 2000. 186 с.

СОПОСТАВЛЕНИЕ РЕГУЛЯРНЫХ ДЕРИВАТОВ В ПОЭЗИИ
И.А. БРОДСКОГО И А.А. ТАРКОВСКОГО (СТИЛИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ)

Т.В. Дмитриева

*Самарский государственный экономический университет
г. Самара, Российская Федерация*

В статье проанализирован синтез книжных и разговорных словообразовательных элементов на материале поэзии И.А. Бродского и А.А. Тарковского.

Ключевые слова: словообразовательный тип, книжный элемент, разговорный стиль.

Художественный стиль не единообразен по своей природе. Он соединяет разнородные стилистические элементы в пределах одного контекста для воплощения авторского замысла. В поэзии, как реализации художественного стиля, наблюдается стилистический синтез не только на лексическом уровне, но и на словообразовательном.

Актуальность исследования продиктована возросшим интересом ученых-лингвистов к стилистическим возможностям словообразования и их реализации в разных сферах, в частности в рамках поэтического высказывания.

Цель работы – сопоставить регулярные словообразовательные дериваты в стилистическом аспекте. Источником фактического материала стали стихотворения И.А. Бродского и А.А. Тарковского. На данном этапе исследования методом сплошной выборки найдено в целом 300 языковых единиц, репрезентирующих стилистические особенности лирики поэтов.

Регулярное словообразование представляет «повторяемость формальных и семантических отношений словообразовательно соотносимых слов» [5]. При анализе дериватов важен учет продуктивности, охватывающей «модели и конструкции, которые в языке той или иной эпохи служат образцом для построения новых слов и словоформ» [3, с. 217]. Явление продуктивности связано «с живыми процессами развития словарного состава языка, отражающими изменения в жизни общества, прогресс науки, техники, культуры» [4, с. 217].

Стандартные словообразовательные средства способны выразить эмоциональную и социальную стилистические окраски. Эмоциональная окраска – это «выражение субъективной оценки» [2, с. 35], социальная окраска –

«способность экспрессивных фактов вызывать представление о той или иной «среде» или обстановке, обстоятельствах, где они употребляются наиболее естественно и часто» [2, с. 35]. На наш взгляд, для поэтического высказывания характерны обе стилистические окраски, так как в рамках поэзии возможно обращение как к опыту автора, так и к опыту читателя, который потенциально способен соотносить элементы с их исконной стилистической принадлежностью.

В корпусе имен существительных И.А. Бродского прослеживается четкая тенденция продуктивности книжного словообразовательного типа (СТ) с мотивирующей основой именем прилагательным со значением отвлеченного признака: *нежность, непорочность, вечность, бренность, небрежность, способность, безнадежность, одинокость, данность, давность* и др. Также продуктивны отглагольные существительные книжно-поэтического характера с суффиксами -ениј/-ниј-: *озарение, прощание, забывание, страдание, сострадание, возвращение, искушение* и др. Частотность подобных словообразовательных элементов обусловлена философской направленностью лирики И.А. Бродского. Названные лексемы придают тексту торжественность, создают нужный контраст, подчеркивают фундаментальность размышлений автора.

Отглагольные агентивы встречаются со стилистически нейтральными суффиксами -ец/-лец/-енец-: *пловец, певец, мертвец, иностранец*. Употребительны и сниженные агентивы, которые в контексте сочетаются с нейтральными лексемами и выполняют оценочную функцию. Например: «Ты и сам сирота, // **отицепенец, стервец**, вне закона» [1, с. 40].

Особую экспрессию демонстрируют лексемы СТ со значением «отсутствие того, что названо производящей основой»: *безразличие, безмолвие, бессмертие*. Названные языковые единицы способствуют метафизическим размышлениям автора. Например: «**Бессмертия** у смерти не прошу. // Испуганный, возлюбленный и нищий, – // но с каждым днем я прожитым дышу // уверенней и сладостней и чище...» [1, с. 60].

Яркий стилистический ресурс – лексемы с суффиксами субъективной оценки. В большинстве контекстов они выполняют привычную функцию преуменьшения: «Тоненькая **струйка** // всплывает к потолку...» [3, с. 194]. Подобные – *кофточка, сестрица, крылышки* и т. д. Но в некоторых случаях уменьшительно-ласкательный суффикс передает авторскую иронию: «Чувство ужаса // вещи не свойственно. Так что **лужица** // подле вещи не обнаружится, // даже если **вещица** при смерти» [1, с. 221]. Или: «...в мокром космосе злых **корольков**» [1, с. 223]. Негативная оценка создается в следующих контекстах посредством суффиксов: «Говоришь, что все наместники – **ворюги?**» [1, с. 213]. Или: «Поодаль // два скованных между собой раба, // собравшиеся, видно, искупаться, // смеясь друг другу помо-

гают снять // своё *тряпье*» [1, с. 190]. Так автор активно использует словообразовательные средства разговорной речи для усиления оценочности текста.

В стихотворениях И.А. Бродского распространен суффикс -к-, отличающийся высокой степенью сочетаемости. С точки зрения стилистики суффикс вносит в семантику слов разговорные оттенки. Например, при реализации словообразовательного значения уменьшения (*стрелка, ступенька, ранка, спинка, дорожка*), конкретности (*щебенка, шоколадка*). Также в отглагольных существительных как суффиксального происхождения (*стирка, раздевалка*), так и префиксально-суффиксального (*огрызки*). При обозначении лиц женского пола суффикс остается стилистически нейтральным – *мулатка, мексиканка, блондинка, официантка*.

В стихотворениях И.А. Бродского наблюдается высокая активность глагольных форм – причастий. Распространены действительные причастия настоящего времени – *возникавшая, нарастающий, наступающих, уходящий* и т.д. Действительные причастия прошедшего времени – *смешавшийся, изучавший, возникавший, схвативший, промелькнувший, упавшие, поредевшие*. Активно употребляются страдательные причастия прошедшего времени – *оставленный, испуганный, неузнанный, затерянный, заржавленный, разъединённый* и др. Высокая продуктивность причастия в поэтических текстах объясняется принадлежностью глагольной формы к книжной речи.

В корпусе имен существительных А.А. Тарковского наблюдаем сходные тенденции: продуктивность отглагольных дериватов книжного характера (*прощание, оцепенение, объяснение, трепетание, уединение, воздаяние, озарение, изгнание*); распространение абстрактных существительных с суффиксом -ость (*молодость, грубость, старость, повседневность, верность*), которые в целом стилистически нейтральны, но встречаются и разговорного характера (*малость*).

Книжный характер имеют существительные, образованные посредством нулевой суффиксации (*оторопь, раскаты, дар*) и созданные сложением основ (*самосожжение, небосвод, мироздание*).

Также суффиксы субъективной оценки у А.А. Тарковского становятся важным стилистическим инструментом. *Ветерок, кораблик, окошко, олененок, соколенок, хрусталик, дождик* – передают положительную авторскую оценку. Но нередко в рамках поэтического высказывания лексемы с уменьшительно-ласкательными суффиксами создают эффект бесприютности, одиночества, фатальности: *«Я вошел бы в избу – нет сверчка в уголке, // Я на лавку бы лег – нет иконки в руке, // Я бы в Каму бросился, да лед на реке»* [6, с.80]

За счёт семантики производящей основы производное может создавать в тексте особый контраст и вызывать у читателя нужные ассоциации: «Где *черный ветер, как налетчик, // Поет на языке **блатном**, // Проходит путевой обходчик, // Во всей степи один с огнем*» [6, с. 98]. Или среди стилистически нейтральных лексем автор концентрирует внимание на негативных коннотациях чужеродной языковой единицы: «*Быть может, **идиотство** // Сполна платить судьбой // За паспортное сходство // Строки с самим собой*» [6, с.75].

Как и в поэзии И.А. Бродского, у А.А. Тарковского суффикс -к- демонстрирует широкую словообразовательную сочетаемость. *Иголка, шпатель, сетка, задворки, корка, дранка, нитка, жилка, сорочка, копилка* и др. имеют явную разговорную направленность. Суффикс -к- также способен с точки зрения стилистики выделить лексему, подчеркнуть её инородность в контексте: «*Когда б на роду мне написано было // Лежать в колыбели богов, // Меня бы небесная **мамка** вспоила // Святым молоком облаков*» [6, с. 70]. В целом образность стихотворения высокая, торжественная, но чужеродный стилистический элемент придает нечто земное созданным образам, что откликается в названии стихотворения «Земное».

Подобно корпусу дериватов лирики И.А. Бродского у А.А. Тарковского наблюдаем продуктивность книжных глагольных форм – причастий (*отнятая, возвращенный, заплаканный, гонимый, неотвратимый, окрыленная, ниспадающий*).

Таким образом, регулярные дериваты лирики И.А. Бродского и А.А. Тарковского демонстрируют общность в репрезентации стилевого синтеза. Широко представлена книжная лексика. Например, абстрактные существительные, представляющие разные СТ, (*озарение, брэнность, безмолвие*), причастия (*неузнанный, затерянный*). Также распространена общеупотребительная и экспрессивная лексика разговорного стиля (*тряпье, варюги, стирка, дранка*). Стилиевой синтез отражает синкретичность авторского восприятия действительности: субъективный опыт сочетается с коллективным, ценностным началом.

Библиографический список

1. Бродский И.А. Малое собрание сочинений. СПб.: Азбука-Аттикус, 2020. 880 с.
2. Ерофеева И.В. Словообразование и стилистика в истории русского языка. Казань, 2018. 65 с.
3. Земская Е.А. Современный русский язык. Словообразование. М.: Флинта: Наука, 2011. 324 с.

4. Малеева М.С. Суффиксальная словообразовательная модель: (На материале имен существительных с усеченной производящей основой современного русского языка): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Орел, 1968. 19 с.

5. Плуныян В.А. Грамматические категории, их аналоги и заместители: автореф. дис. ... д-ра филол. наук: М., 1998. 49 с.

6. Тарковский А.А. Собрание сочинений. В 3 т. Т. 1. Стихотворения / сост. Т. Озерская-Тарковская. М.: Худож. Лит., 1991. 462 с.

УДК 81

ЯЗЫКОВАЯ ЛИЧНОСТЬ УЧЕНОГО-ЛИНГВИСТА (СИНТАКСИЧЕСКИЙ АСПЕКТ)

А.П. Митина

*Саратовский национальный исследовательский
государственный университет имени Н.Г. Чернышевского
г. Саратов, Российская Федерация*

Исследование языковой личности считается одним из основных направлений современной антропоцентрической лингвистики. В данной работе исследуется синтаксический аспект проявления языковой личности, выявляются некоторые особенности синтаксического «облика» научного текста, автором которого является известный ученый-лингвист М.П. Котюрова.

Ключевые слова: речевой портрет, языковая личность, синтаксические характеристики, научный текст.

Исследование языковой личности считается одним из основных направлений современной антропоцентрической лингвистики. Первым в отечественной лингвистике термин «языковая личность» употребил В.В. Виноградов в своей работе «О художественной прозе». Рассматривая проблему индивидуального в языке, ученый писал о том, что Бодуэна де Куртене «...интересовала языковая личность как вместилище социально-языковых форм и норм коллектива, как фокус смещения и смешения разных социально-языковых категорий» [2, с. 61]. В дальнейшем к теме языковой личности обращаются такие ученые-лингвисты, как Г.И. Богин, В.И. Карасик, Ю.Н. Караулов, В.В. Леденёва, О.В. Ломакина, В.П. Нерознак, К.Ф. Седов, А.П. Седых, О.Б. Сиротинина, И.П. Сусов и многие др.

Одним из первых определение понятия «языковая личность» дает Г.И. Богин: «Языковая личность – тот, кто присваивает язык, то есть тот, для кого язык есть речь. Языковая личность характеризуется не столько тем, что она знает о языке, сколько тем, что она может с языком делать» [1, с. 3]. Позднее Ю.Н. Караулов в книге «Русский язык и языковая личность» трактует языковую личность как «конкретного носителя языка, способного понимать, воспроизводить и создавать тексты, это личность, выраженная в языке (*homo loquens*) и охарактеризованная на основе анализа произведенных ею текстов с точки зрения использования в них системных средств языка для отражения видения ею окружающей действительности» [3, с. 29]. В дальнейшем изложении будем опираться на это понимание термина «языковая личность».

Если в XX веке в лингвистике доминировали работы, направленные на создание абстрактных моделей носителей языка, то сегодня преобладают комплексные практические исследования в области изучения языковой личности его реального носителя [6]. Вызывают особый интерес языковые личности – представители литературно-художественной, научной и иных сфер социокультурной коммуникации, чье вербальное наследие вошло в фонд отечественной культуры и науки. К ним относится и Мария Павловна Котюрова.

Мария Павловна Котюрова – советский и российский лингвист-русист, доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка и стилистики филологического факультета Пермского университета.

Мария Павловна родилась в деревне Нижний Чёкур Осинского района Пермской области. Её отец погиб в 1942-м под Ленинградом, мама умерла в феврале 1947-го от туберкулёза, оставшуюся сиротой девочку вместе с младшим братом воспитывали полуграмотные бабушка и дедушка. В 1957 году будущий учёный заканчивает сначала Осинское педучилище, а в 1965 – филфак ПГУ.

Профессиональная деятельность Марии Павловны всю жизнь связана со стилистикой научного текста, хотя изначально её интересовало совсем другое: «...поначалу, когда мой научный руководитель Маргарита Николаевна Кожина предложила мне писать дипломную работу по научному стилю, я очень долго не могла заставить себя даже приступить к ней. Ведь все курсовые до этого писала по художественной речи, которая сама по себе, можно сказать, роскошь, пирожное» [7].

В данной работе остановимся на синтаксическом аспекте проявления языковой личности конкретного носителя языка, ученого-лингвиста М.П. Котюровой. Синтаксическая организация речи является одной из самых важных составляющих изучения языковой личности, что определяется грамматической спецификой синтаксических единиц (словосочетания,

предложения, сложного синтаксического целого, текста), их функционально-прагматическими возможностями.

Для анализа научного текста ученого-лингвиста был взят фрагмент главы 1 «О понятии “эталонный научный текст”» из монографии М.П. Котюровой и Н.В. Соловьевой «Современный научный текст. Сквозь призму дискурсивных изменений» [4].

Минимальное количество слов в предложении фрагмента – десять: *Такой системе присущи известные свойства: устойчивость, эластичность, открытость и релятивность*, максимальное – 48: *Градуальный принцип организации множества компонентов имеет следующие особенности: 1) наличие трех и более смысловых компонентов, объединенных на одном основании, выраженных различными языковыми единицами (их количество не играет существенной роли); 2) наличие центра, ядра, доминанты на шкале признака компонентов; 3) возможность связи компонентов на других основаниях; 4) открытость градуальной «шкалы» и т.д.*

На первом этапе анализа из общего количества предложений (26) были выделены монопредикативные и полипредикативные структуры. Монопредикативных и полипредикативных единиц оказалось равное количество – по 13.

При анализе сложных предложений было выявлено, что среди них встречаются и бинарные (10): *Мы будем иметь в виду современный научный текст в его многомерности, что предопределяет гибкое применение разных подходов к его изучению и методов его исследования*, и многокомпонентные (3): *Учитывая «легкость и быстроту» восприятия мифа, можно считать, что модель, какой бы сложной она ни была, всегда мифологична.*

Что касается типа синтаксических связей между предикативными частями сложных предложений, то во фрагменте преобладает подчинительная связь (14 из 17): с придаточным определительным (*Модель текста как «система-паутина» объединяет названные взаимосвязанные свойства его содержания, каждое из которых организовано на градуальной основе*); придаточным изъяснительным (*Учитывая «легкость и быстроту» восприятия мифа, можно считать, что...*); придаточным обстоятельственным: уступительным (*...модель, какой бы сложной она ни была, всегда мифологична*), условия (*Нас вполне устраивает такой миф по существу об эталонном научном тексте, если он способствует восприятию научного знания – содержания учебника, статьи или монографии*), причинного обоснования (*Модель «Качество текста» может быть представлена метафорой системы-паутины еще и потому, что имеет полипараметральный характер (многоконтурный)*); придаточным присоединительно-распространительным (*Мы будем иметь в виду современный научный*

текст в его многомерности, что предопределяет гибкое применение разных подходов к его изучению и методов его исследования).

Встречается в тексте несколько предикативных единиц с бессоюзной связью (3), в которых вторая часть поясняет первую (*Но как относиться к понятию эталонного научного текста: принять в качестве реальности или отвергнуть?*) или между частями отношения перечисления (*...со стороны автора – изменять, совершенствовать свойства текста, со стороны читателя – в процессе восприятия (и, более того, понимания) самодопраивать структуру текста благодаря целостно-композиционному мышлению и интеллектуальной интуиции*).

Сложносочиненные предложения во фрагменте текста отсутствуют.

Перейдем к структурно-семантической характеристике монопредикативных единиц, включив в анализ не только самостоятельные высказывания, но и предикативные части сложных предложений. Среди монопредикативных нами обнаружена 31 двусоставная (*Такой системе присущи известные свойства: устойчивость, эластичность, открытость и релятивность*) и 11 односоставных. Среди односоставных во фрагменте встречаются 7 безличных, напр.: *Что и автору, и читателю (потребителю научного знания) совершенно необходимо обладать адекватным представлением...;* 3 инфинитивных, напр.: *Принять в качестве реальности или отвергнуть...;* одно определенно-личное, думается, со значением привлечения к научному «сотворчеству»: *Абстрагируясь от множества текстов статей, диссертаций, монографий, представим себе ментальную модель текста – образцовый, эталонный текст как систему свойств, присущих реальным текстам и репрезентированных в них различными совокупностями языковых единиц.*

Как видим, безличных предложений больше всего. С помощью безличных конструкций, позволяющих сосредоточить внимание не на деятеле, а на самом исследовании, его результатах, достигается объективность изложения, что является одним из способов реализации этой специфической стилевой черты научной речи.

В главе частотны структурно полные, семантически неполные предложения (15): напр.: *...что предопределяет гибкое применение разных подходов к его изучению и методов его исследования;...каждое из которых организовано на градуальной основе* и др. Встречаются и неполные предложения с незамещенной синтаксической позицией одного из членов предложения, напр.: *Вполне очевидно...; Ясно...* – не замещена синтаксическая позиция подлежащего. Обычно неполные предложения употребляются в процессе живого общения, поэтому они присущи разговорной речи, где имеют четкую функционально-стилевую закрепленность и яркую экспрессивную окраску. Неполные предложения, представляющие собой части

сложноподчиненных предложений, употребляются и в книжных стилях, прежде всего, в научном, что мы и видим в нашем случае.

С точки зрения наличия или отсутствия второстепенных членов, практически все монопредикативные единицы распространенные (40 из 42). Два нераспространенных предложения в составе сложного: *Ясно, что...; Естественно, что...*

Осложненных однородными рядами из 42 монопредикативных – 19: подлежащими (*Такой системе присущи известные свойства: устойчивость, эластичность, открытость и релятивность*); сказуемыми (*Принять в качестве реальности или отвергнуть*); определениями (...т.е. в соответствии с мифом о достаточно **простой, предсказуемой, понятной** смысловой структуре), дополнениями (*Что предопределяет гибкое применение разных **подходов** к его изучению и **методов** его исследования*); обстоятельствами (*Что изменение того или иного свойства осуществляется **по воле автора или редактора***); обособленными членами – 8: обстоятельствами (*Учитывая «**легкость и быстроту**» восприятия мифа, можно считать...*); определениями (...понятие эталонного научного текста, **включающее оценочную коннотацию**, можно применить и к реальному тексту); уточняющими членами предложения (*Важно, что схематически, **то есть специально упрощенно**...*); распространенным приложением (*Что категориальная особенность этих пар понятий – их **двухъядерность при оппозиционных отношениях ядер и «размытой», нечетко дифференцированной периферии** – и позволяет рассматривать их функционирование в ракурсе симметрии-асимметрии*); вводными конструкциями – 4: со значением источника сообщения (*На наш взгляд, научное понятие эталонного научного текста...*); интеллектуальной оценки ситуации говорящими (*Несомненно, понятие эталонного научного текста, включающее оценочную коннотацию, можно применить и к реальному тексту, ограниченному рамками фрагмента*) и способов логического развертывания мыслей (*Например, истории вопроса, дефиниций, аргументов, выводов*) и др.

Стоит также выделить такую синтаксическую особенность некоторых предложений фрагмента: поскольку научный текст стремится к лаконичности и упорядоченности информации, автор монографии нередко выделяет однородные члены предложения в тексте при помощи буквенной или цифровой рубрикации. Это придает тексту структурированность и позволяют избежать «утяжеления» длинными синтаксическими конструкциями: *Ясно, что модель должна быть а) минимизированной, состоящей из вполне обозримого количества относительно устойчивых элементов; б) гибкой, эластичной, в которой без нарушения связей элементов можно расширять или сужать любой элемент, а также усиливать или ослаблять его связи с*

другими элементами, в) динамичной, в которой динамика достигается за счет вариативности элементов (эффекта мультипликации); Градуальный принцип организации множества компонентов имеет следующие особенности: 1) наличие трех и более смысловых компонентов, объединенных на одном основании, выраженных различными языковыми единицами (их количество не играет существенной роли); 2) наличие центра, ядра, доминанты на шкале признака компонентов; 3) возможность связи компонентов на других основаниях; 4) открытость градуальной «шкалы» и т.д.

Как представляется, характерным и индивидуальным признаком речевого своеобразия синтаксиса фрагмента является частотность вставных конструкций. Вставные конструкции (15) чаще всего носят пояснительный по отношению к содержанию предложения характер, они могут уточнять значение одного слова: *Благодаря именно гибкому (целесообразному) применению разных методов и можно выявить условия, при которых возникают те или иные свойства текста; Несомненно, понятие эталонного научного текста, включающее оценочную коннотацию, можно применить и к реальному тексту, ограниченному рамками фрагмента (например, истории вопроса, дефиниций, аргументов, выводов), типа речи (описания, рассуждения, доказательства), жанра (статьи, аннотации, тезисов) и т.д.* Нередко вставные конструкции поясняют часть предложения: *В то же время возникает необходимость исходить из упрощенного представления о научном тексте, т.е. в соответствии с мифом о достаточно простой, предсказуемой, понятной смысловой структуре.* Вставные конструкции выполняют и другие функции, например, дают другое именование субъекту: *Из всего сказанного можно сделать вывод о том, что и автору, и читателю (потребителю научного знания) совершенно необходимо обладать адекватным представлением, т.е. «блуждающим» мифом, о простой, легко воспринимаемой, доступной смысловой структуре научного текста* или помогают расставить логические акценты: *Именно с этой целью мы и показываем – важно, что схематически, то есть специально упрощенно, – смысловую структуру научного текста с учетом его основных важнейших свойств.* В последнем случае вставная конструкция представляет собой сложноподчиненное предложение с придаточным изъяснительным. В следующем примере вставная конструкция выступает в значении попутного уточнения: *Наличие трех и более смысловых компонентов, объединенных на одном основании, выраженных различными языковыми единицами (их количество не играет существенной роли).*

Согласно стилю и жанру исследуемых текстов, в фрагмент включены цитаты из текстов других учёных. Так, предложение *Понятие ментальной модели текста соотносительно с более широкими понятиями «коммуни-*

кативный идеал» [Дементьев 2006] и «тип текста» содержит в себе ссылку на автора приводимого понятия («коммуникативный идеал»).

Таким образом, синтаксический анализ фрагмента научного текста М.П. Котуровой позволил прийти к таким содержательным выводам: монопредикативные и полипредикативные единицы употребляются в нем с одинаковой частотностью; при анализе сложных предложений было выявлено, что среди них чаще всего встречаются бинарные; что касается типа синтаксических связей, то в фрагменте преобладают сложноподчиненные предложения. Среди монопредикативных единиц (куда мы включили и части сложного предложения) частотны двусоставные, однако употребительны и односоставные, в основном – безличные. С точки зрения наличия или отсутствия второстепенных членов, практически все – распространенные; богаты разновидностями осложненные предложения. Все эти синтаксические характеристики типичны для научного текста, однако высокая частотность вставных конструкций, как кажется очевидным, – сугубо авторская черта Марии Павловны Котуровой, что подтверждено нами и в отношении ее художественных зарисовок [5]. Стремление все конкретизировать, уточнять, пояснять, чтобы описываемое явление было осмыслено детально, многосторонне, – индивидуальная особенность ее речевого портрета.

Библиографический список

1. Богин Г.И. Современная лингводидактика. Калинин: Калинин. гос. ун-т, 1980. 61 с.
2. Виноградов В.В. Избранные труды: О языке художественной прозы. М.: Наука, 1980. 360 с.
3. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. М.: Наука, 1987. 261 с.
4. Котурова М.П., Соловьева Н.В. Современный научный текст (сквозь призму дискурсивных изменений). М.: Флинта, 2019. 294 с.
5. Митина А.П. Штрихи к речевому портрету ученого-лингвиста // Русская речевая культура и текст: материалы XII Международной научной конференции. Томск: Томский центр научно-технической информации, 2022. С. 100-105.
6. Мякшева О.В. Языковая личность сквозь призму разных жанров // Русский язык и литература в пространстве мировой культуры: Материалы XIII Конгресса МАПРЯЛ (г. Гранада, Испания, 13-20 сентября 2015 года) / ред. кол: Л.А. Вербицкая, К.А. Рогова, Т.И. Попова и др. В 15 т. Т.6. СПб.: МАПРЯЛ, 2015. С. 388-393.
7. Шуваева В. Любовь к науке. Воспитанная бабушкой сирота стала ученым // Еженедельник «Аргументы и факты». 2019. № 21. 22 мая. – Загл. с титул. экрана. – Электронная версия печатной публикации. URL: https://perm.aif.ru/education/science/lyubov_k_nauke_vospitannaya_negramotnoy_b_abushkoy_sirota_stala_uchyonum (дата обращения: 01.11.2021).

РОССИЯ VS ЕВРОПА В ПОВЕСТИ В.А. СОЛЛОГУБА «ТАРАНТАС»

Н.Ю. Темникова

*Самарский национальный исследовательский университет
имени академика С.П. Королева
Самарский государственный университет путей сообщения
г. Самара, Российская Федерация*

В статье рассмотрены способы языкового воплощения оппозиции «Россия – Европа» в повести В.А. Соллогуба «Тарантас», выявлена моделирующая роль этой оппозиции в текстовом построении смысловых структур с разнообразным содержанием – идейным, историко-культурным, этическим, психологическим.

Ключевые слова: В.А. Соллогуб, западники, славянофилы, оппозиция «свое – чужое», идеологический дискурс, лексическая антонимия, лингвопрагматика.

Проблема «Россия vs Европа» – одна из ключевых проблем в русской литературе нового времени. Особенно активно к ней обращались авторы, пишущие в жанре путешествия. Почти во всех русских травелогах (описаниях путешествий), к какому бы времени они ни принадлежали, можно найти материал для темы «Европа и Россия», поскольку очевидно то колоссальное влияние, которое оказали на Россию европейская культура и европейская мысль. Кроме того, в описании путешествия всегда предполагается встреча с «сильно отличающимся от нас „другим“» [2, с. 44], а через этого «другого» – познание себя.

В своей статье мы обратимся к анализу повести В.А. Соллогуба «Тарантас», в самом названии которой содержится идея перемещения в пространстве, путешествия. Сегодня имя Соллогуба не стоит в ряду классиков ни «первого», ни «второго» ранга, тогда как до 50-х гг. XIX в. оно было одним из самых блестящих литературных имен (по свидетельству П.Д. Боборыкина, Соллогуба знали и читали больше Тургенева [3, с. 66]). Белинский в 1845 году утверждал: ««Тарантас» – столько же новое, сколько и прекрасное произведение, которое своим появлением составило бы эпоху и не в такое бедное изящными созданиями время, каково наше» [1].

Несмотря на то, что в «Тарантасе» герои путешествуют не по Европе, а по России (они едут из Москвы в казанскую деревню Мордасы), в про-

изведении постоянно проводится разделение русского и европейского миров. Это разделение символизирует чрезвычайно обострившееся в 1840-е годы протитоворство двух идеологических направлений русской мысли – славянофильства и западничества. Таким образом, текст Соллогуба, обладающая высокой степенью художественности (как писал В.Г. Белинский, «идея этого произведения прекрасна и глубока, а все сочинение проникнуто удивительною целостностью и совершенным единством» [1]), в то же время тесно связан с идеологическими практиками конкретного исторического момента.

Л.Г. Чапаева в статье «Антонимические прагмемы славянофильско-западнического дискурса» отмечает, что и для славянофилов, и для западников характерно членить окружающий мир на свое и чужое, при этом антагонизм проявляется внутри каждого дискурса, реализуясь в качестве принципа речевого мышления антитезу [10, с. 79]. Антитеза, по словам А.П. Чудинова, становится в идеологическом дискурсе одним из центральных средств акцентирования оценочных смыслов [11, с. 92–93].

Действительно, антитеза своего и чужого, русского и европейского в повести играет важнейшую моделирующую роль: на ее основе возникает «антонимическая лингвокультурологическая парадигма» [10, с. 79], строятся смысловые структуры разнообразного содержания – идейного, этического, психологического и т. д. Эта лингвокультурная парадигма эксплицируется посредством прагматических антонимов (прагматические лексемы, или, по терминологии М. Эпштейна, прагмемы, – слова, в которых предметное и оценочное значения жестко связаны между собой [12]).

Для реализации антитезы России и Европы в тексте повести используется ряд прагмоантонимов. Добавление семантического компонента «европейское» или «русское» к парам лексических единиц, вступающих в отношения антонимии, приводит к их символизации.

Таким символическим значением обладает в тексте прежде всего оппозиция *просвещения* и *дикарства*: первый член оппозиции становится знаком Европы, второй – России.

Следует сказать, что отношение к просвещению (которое ассоциируется именно с Европой) – важнейший пункт рефлексии главного героя повести – Ивана Васильевича, который пытается изучать Россию (он долго жил за границей и там пришел к выводу о необходимости узнать как можно больше о своей родине). В образе самого Ивана Васильевича Соллогуб вывел пародию на «прогрессивного» русского человека, который, *благодаря бестолковому направлению* (то есть неправильному воспитанию. – Н.Т.), *вырос французиком в степной деревне, в самом русском захолустье*

[6, с. 236]. Одет он во все иностранное (на нем английский макинтош, французские панталоны; *палка, на которой он упирается, куплена у Вердье* [6, с. 144]). При этом он отнюдь не относится к числу по-настоящему просвещенных, европейски образованных людей. Это *был человек слабого свойства*, – говорит о нем автор. – ... Иногда углублялся он в какую-нибудь заманчивую для него науку, но все это было случайно, нетвердо, лихорадочно [6, с. 239].

Антонимические прагмемы в тексте повести обрастают контекстными синонимами. Так, в славянофильском дискурсе *просвещение* становится синонимом *глупости, безнравственности и нечистоты*. Ср.: Долго желала я погулять на Западе, ...взглянуть поближе на **европейское просвещение**... В Германии удивила меня **глупость ученых**; ... во Франции **опротивела мне безнравственность и нечистота** [6, с. 181]. Как видим, здесь возникает контекстная синонимия понятий, которые в языке являются антонимами.

С другой стороны, *просвещение*, наряду с такими понятиями, как *свобода и польза*, в контексте семантически сближается с идеями *мелочности, эгоизма и расчета*. См. примеры: ... Иван Васильевич объездил всю Европу, и, ...приглядываясь к **мелким страстям, прикрытым громкими именами общей пользы, свободы и просвещения**, он понял, как велика и прекрасна во многом его отчизна [6, с. 144]; **В Европе чистые чувства задушены пороками и расчетом** [6, с. 130].

Антонимом просвещения в тексте выступает *дикарство*, которое символизирует русского мужика, русский народ. В синонимический ряд антонима *дикарство* контекстуально включаются слова с положительной коннотацией: *сила, богатырство, продолжение жизни*. Ср.: Сенька в бараньей шкуре, словно **дикарь** ледовитых пустынь; в высшем гу ...смотрят на него [мужика – Н.Т.] как на **дикаря** Алеутских островов, а в нем-то и таится **зародыш русского богатырского духа, начало нашего отечественного величия** [6, с. 154]. Как видим, Соллогуб отражает здесь расхожие представления славянофилов о русском мужике, крестьянине как о существе первобытном: «В этом первобытном русском человеке мы искали, что именно соответственно русскому человеку, в чем он нуждается, и что следует ему развивать» [4, с. 90].

Показательно, что за рамками славянофильско-западнического дискурса данная смысловая парадигма оказывается недействительной: другой герой повести, Василий Иванович, который, в отличие от своего легкомысленного спутника Ивана Васильевича, по-настоящему глубоко знает Россию, дает русскому мужику следующие характеристики: *Хитрые бы-*

вают бестии! [6, с. 154]; *Лихой народ, нечего сказать!* [Там же]).

Антитеза русского и европейского воспринимается в славянофильском дискурсе также в терминах *естественное – фальшивое, живое – мертвое*. Сравните:

Европа

... все **нарумянено, раскрашено, фальшиво; всюду мишура и фольга...** [6, с. 191]

В Риме Ивану Васильевичу **совестно было и подумать о такой ничтожной пылинке, как он сам, перед колоссальным памятником, воздвигнутым гениями искусства над трупом человеческого честолюбия. В первое время Иван Васильевич даже на улицах говорил вполголоса, как бы перед покойником** [6, с. 241].

Россия

...**Освободить ребенка, бросить в печку театральный хлам и обратиться снова к естественным, к родным началам.**

Ищу современного, народного, живого... [6, с. 266].

В качестве еще одной оппозиции славянофильско-западнического дискурса, отраженной в соллогубовском тексте, следует назвать оппозицию *прошлого и настоящего* как частную реализацию более общей контрверзы *старого и нового*. Указанная оппозиция имеет в повести непосредственное отношение к пространственной антонимии – противопоставлению «старой» Москвы и «нового» Петербурга: Москва обладает «семейственностью», она вся наполнена родными воспоминаниями (*Москва – сердце России, и это сердце бьется благородным чувством ко всему отечественному* [6, с. 177]), Петербург же воспринимается как часть Европы внутри России, в его залах танцуют и говорят по-французски и ни у кого нет семейных воспоминаний: *Ни в одном доме не найдешь ты дедовских следов: ни фамильной утвари, ни признаков уважения к предкам – все поглощается на удовлетворение модных затей...* [6, 174].

Всем выявленным выше семантическим оппозициям синонимично в тексте повести противопоставление *народа и чиновничества*. Последнее ассоциируется с европеизированным Петербургом (не случайно *Петербург кажется огромным департаментом, и даже строения его глядят министрами, директорами, столоначальниками...* [6, с. 172]), а первый – с русской провинцией, к которой можно отнести и Москву. В чиновниках *нет ничего русского: ни нрава, ни обычая...* [6, с. 153]. Русский народ является в

славянофильском дискурсе объектом любви, чиновничество – ненависти: *Все, что я могу почерпнуть о русском народе и о его преданиях, о русском мужике и о русском боярине, которых я люблю душевно, точно так, как я душевно ненавижу чиновника и то уродливое безыменное сословие, которое возникло у нас от грязного притязания на какое-то жалкое, непонятное просвещение* [6, с. 153]. Обратим внимание и на такой характерный для рассматриваемого типа дискурса маркер, как *русский боярин*, который отсылает нас к традиционной для славянофилов ориентации на некое идеальное прошлое Руси.

Однако в самом тексте подчеркивается шаблонность славянофильских представлений, их явное несоответствие **реальной жизни**. Соллогуб описывает, как герой, встретив чиновника, *отскакивает от него, словно от гоголевской нечистой силы: ...вдруг Иван Васильевич с внезапным ужасом отскочил на три шага назад. Навстречу к нему подходил чиновник* [6, с. 253]. Однако чиновник оказывается вовсе не чертом и не захватчиком-злодеем (вспомним Сухово-Кобылина: «Было на землю нашу три нашествия: набегали Татары, находил Француз, а теперь чиновники облегли» [7]), а обыкновенным человеком, вызывающим сострадание: это больной старик, который вынужден тянуть ляжку службы, потому что у него восемь человек детей, которых надо кормить, слепой брат и две сестры. При этом он, вопреки расхожему мнению, живет исключительно на жалованье: *Начальство теперь строгое, смотрит за нашим братом... Что год, то пять-шесть человек в уголовную...* [6, с. 254].

В интимно-человеческих, отнюдь не официальных интонациях описывает Соллогуб и станционного смотрителя, за которого подорожные подписывает сын Ваня, потому что у отца «второй год обе руки, обе ноги отнялись»: *Одиннадцать лет всего, а уж пишет... - Бедный страдалец взглянул с невыразимым чувством нежности на белокурого мальчика, лежавшего в тулупе подле него. - Ну, Ваня, вставай, прописывай... Дай мне подорожную* [6, с. 257]. Мы видим здесь очевидную переключку не с гоголевскими чиновниками из «Ревизора» или «Мертвых душ», а с пушкинским станционным смотрителем. Герой сам осознает, насколько усвоенные им штампы далеки от реальности: *Странное дело! – подумал, задумавшись, Иван Васильевич. – Когда я входил в эту комнату, мне хотелось сердиться и презирать или по крайней мере насмеяться вдоволь; а теперь, сказать правду, едва ли не плакать хочется* [6, 257].

Чрезвычайно интересно, что, изображая в повести борьбу двух диаметрально противоположенных идеологических течений – славянофи-

лов и западников, – Соллогуб показывает, что оба типа мироотношения существуют в сознании одного человека. Об этом свидетельствует кульминация повести – сон Ивана Васильевича. Автор показывает здесь две полярно противоположные картины России, две крайности ее восприятия – одна является своего рода иллюстрацией первого «Философического письма» П.Я. Чаадаева [9] (то есть воплощает представления западников), другая – отражением славянофильских мечтаний, и обе невыразимо далеки от действительности.

В первой части сна читательскому взору открывается кошмарная, фантасмагорическая картина, где атрибуты русского фольклора и русской культуры (*балалайка, медведь*) мешаются с европейскими *вицмундирами, ботфортами, шпагами и визитными карточками: Огромный медведь сидел, скорчившись, на камне и играл плясовую на балалайке. ... Кочерги в вицмундирах, летучие мыши в очках, разряженные в пух франты с визитной карточкой вместо лица под шляпой, ... женщины с усами и в ботфортах, пьяные пиявки в длиннополых сюртуках, напудренные обезьяны во французских кафтанах* [6, с. 267]. Очевидно, что здесь Соллогуб наглядно воплотил чаадаевскую идею о слепом, поверхностном и бестолковом подражании русских Европе.

Этому кошмарному миру противопоставляется идиллический мир второй части сна, где *дома весело сияют чистотой, гостиницы манят путешественников в свои чистые покои, а над золотыми куполами звучные колокола гудят благословением над братской семьей православных* [6, 271]. Эта идеальная картина будущего явлена уже в совершенно маниловских интонациях: *Россия владычествует над вселенной не одними громадными силами, но и духовным высоконравственным успокоительным влиянием...* [6, 275]. Но прекрасные грезы Ивана Васильевича прерываются в тексте кульминационной сценой опрокидывания тарантаса...

К сожалению, посетив во сне эту славянофильскую эпоху, по выражению Белинского, Иван Васильевич ни на йоту не приблизился к пониманию России, и Соллогуб это подчеркивает с помощью путевой тетради, в которую Иван Васильевич намеревался заносить впечатления от поездки и которая, как ему мечталось, должна была прославить его в будущем. Однако тетрадь эта не просто осталась пустой, но и почти буквально канула в Лету (*Тарантас лежал во рву вверх колесами... Книга путевых впечатлений утонула навеки на дне влажной пропасти* [6, с. 279]). Очевидно, что эта чистая тетрадь свидетельствует о категорическом непонимании славянофилами русской жизни, о бессмысленности их «пафосной болтовни о том, как нам обустроить Россию» [5].

В то же время очевидно, что резкое противопоставление концептов «Россия» и «Европа» по всевозможным признакам – пространственному, временному, аксиологическому, этическому – свидетельствует об упрощенности, шаблонности славянофильско-западнического дискурса в целом. Демонстрируя этот факт, автор подвергает данный дискурс иронической дискредитации.

Библиографический список

1. Белинский В.Г. Путевые впечатления. Сочинение графа В. А. Соллогуба // Белинский В.Г. Собрание сочинений в трех томах. Т. II. М., 1948. [Электронный ресурс]. URL: http://az.lib.ru/b/belinskij_w_g/text_0860.shtml. Дата доступа: 27.03.2023.
2. Бенхабиб С. Притязания культуры. Равенство и разнообразие в глобальную эру / пер. с англ. под ред. В. И. Иноземцева. Москва: Логос, 2003. 350 с.
3. Боборыкин П.Д. Воспоминания: в 2 т. Т. 1. М., 1965.
4. Кошелев А. И. Записки // Русское общество 40– 50-х годов XIX в. М. : Изд-во МГУ, 1991. Ч. 1.
5. Петухов В.Д. Русская провинция в повести В. А. Соллогуба «Тарантас». [Электронный ресурс]. URL: https://docs.yandex.ru/docs/view?tm=1680122267&tld=ru&lang=ru&name=13_Петухов.pdf&text=петухов%20провинциальный%20текст&url=http%3A%2F%2Funivers-plus.ru. Дата доступа: 20.03.2023.
6. Соллогуб В.А. Тарантас // Соллогуб В.А. Повести и рассказы / Сост., вступ. ст. и примеч. Н.И. Якушина. М.: Сов. Россия, 1988. С. 143-280.
7. Сухово-Кобылин А. Картины прошедшего. Л.: Наука, 1989. [Электронный ресурс]. URL: https://imwerden.de/pdf/sukhovo-kobylin_kartiny_proshedshego_1989_text.pdf. Дата доступа: 22.01.2023.
8. Темникова Н. Ю. Образ пространства в повести В.А. Соллогуба "Тарантас" // Наука и культура России : Материалы IX Международной научно-практической конференции, посвященной Дню славянской письменности и культуры памяти святых равноапостольных Кирилла и Мефодия, Самара, 01 января – 30 2012 года. Том 2. Самара: Самарский государственный университет путей сообщения, 2012. С. 109-112. EDN RBETRX.
9. Чаадаев П.Я. Философические письма: М.: Эксмо, 2006. [Электронный ресурс]. URL: <https://docs.yandex.ru/docs/view?tm=1680122440&tld=ru&lang=ru&name=1462098690.pdf&text=чаадаев%20философические%20письма&url=http%3A%2F%2Flibrary.khpg.org>. Дата доступа: 20.03.2023.
10. Чапаева Л.Г. Антонимические прагмемы славянофильско-западнического дискурса // Политическая лингвистика. 2014. № 3 (49). С. 79-84. [Электронный ресурс]. URL: [file:///C:/Users/temna/Downloads/antonimicheskie-pragmemy-slavyanofilsko-zapadnicheskogo-diskursa%20\(2\).pdf](file:///C:/Users/temna/Downloads/antonimicheskie-pragmemy-slavyanofilsko-zapadnicheskogo-diskursa%20(2).pdf). Дата доступа: 05.02.2023.

11. Чудинов А. П. Политическая лингвистика : учеб. пособие. 2-е изд., испр. М. : Флинта : Наука, 2007.

12. Эпштейн М.Н. Идеология и язык (Построение модели и осмысление дискурса) // Вопросы языкознания. 1991. № 6. С. 19–33. [Электронный ресурс]. URL: https://lk.msu.ru/uploads/attachments/attachment_624_1491389970.pdf. Дата доступа: 13.02.2023.

УДК 811.161.1.06

ЛЕКСИЧЕСКАЯ ЗАМЕНА КАК СПОСОБ ТРАНСФОРМАЦИИ ЦИТАТ И КРЫЛАТЫХ ВЫРАЖЕНИЙ ИЗ БАРДОВСКОЙ ПЕСНИ В ПРЕССЕ

И.В. Шумкина

*Самарский национальный исследовательский университет
имени академика С.П. Королева
г. Самара, Российская Федерация*

В статье рассматривается самый распространённый вид трансформации интертекстуальных компонентов – лексическая замена: выявлены два основных направления данной трансформации, а также наиболее продуктивные модели.

Ключевые слова: цитата, крылатое выражение, бардовская песня, трансформация, лексическая замена.

В современной лингвистике одним из центральных аспектов при исследовании функционирования цитат, крылатых выражений, фразеологизмов, прецедентных текстов является их вариативность и трансформационный потенциал. Это обусловлено тем, что варьируемость является одним из основных свойств разного рода интертекстуальных компонентов. Как отмечают Д.О. Добровольский и Ю.Н. Караулов в отношении фразеологических единиц, это «заложено в самой природе владения ими носителями языка» [2: 97].

В газетно-журнальной практике последних десятилетий активизация интертекстуальных компонентов в большинстве сопровождается их модификацией. В.Н. Вакуров пишет, что основной причиной трансформации является «конкретизация их [фразеологизмов] значения, стремление увязать семантику, эмоциональное и стилевое значение с конкретными, неповторимыми условиями контекста» [1: 112]. Вариации прецедентных единиц помогают оживить, усилить их выразительность. Как замечает М.А. Ковшова,

модификация является «интеллектуальным развлечением» для читателя [3: 427]. Распознавание исходного текста вовлекает читателя в диалогическое взаимодействие с автором статьи.

Исследователи приходят к выводу, что преобразования, связанные с лексическим составом компонентов цитируемого выражения (особенно – те, что основаны на замене компонентов) «преобладают над другими видами трансформации» [6: 142].

Цель данной статьи – рассмотреть виды лексических замен и их лингвопрагматический потенциал при трансформации цитат и крылатых выражений из бардовской песни в прессе.

Материалом исследования послужили собрания журнально-газетных вырезок библиографов авторской песни А.Е. Крылова, В.Ш. Юровского, Р.Р. Чайковского, данные электронной базы «Пресса 1995–2002» [4], а также интернет-публикации (вместе более 6000 контекстов). Отметим, что мы учитывали только те газетно-журнальные публикации, которые тематически не связаны с авторской песней, а также с жизнью и творчеством поэтов.

Лексическая замена как вид трансформации может быть рассмотрена в двух аспектах – качественном и количественном. Качественный аспект связан с тем, в каких отношениях находятся исходная и замещающая лексические единицы, а количественный отвечает на вопрос, какое количество компонентов в цитате замещается. Эти два аспекта позволяют выделить следующие виды лексических замен:

- с точки зрения отношений между лексическими единицами: замены на основе семантического сходства-несходства компонентов, замены на основе фонетического и / или морфемного сходства компонентов, замены только на основе грамматического сходства компонентов;

- с количественной точки зрения: замена одного компонента, замена компонента на словосочетание; замена парного компонента; замена двух и более компонентов.

Далее рассмотрим каждый вид трансформации.

1. Замены на основе семантического сходства / несходства компонентов включают в себя трансформации, где лексическая единица может замещаться на семантически близкое слово, слова синонимы или антонимы, а также на однокоренные слова и ключевые слова из того же источника.

Одной из самых продуктивных в этом отношении является фраза В. Высоцкого *Идёт охота на волков*, где меняется наименование объекта

«охоты». Как правило, используются номинации различных животных. Например, в газете «Труд» за 1999–2006 гг. встречены следующие вариации последнего компонента фразы *Идёт охота на волков*: на волков → на ворон, на клопов, на собак, на саранчу, на тюленей, на лосей, на клещей, на грачей, на «волков в перьях» («волки в перьях» как переносное наименование ворон). Ключевая лексема может использоваться и в переносном значении, на что указывают кавычки, ср.: на волков → на «зайцев» (об именном проездном талоне-вкладыше; 1999); на «диких гусей» (о боевиках-террористах; 2006). Также фиксируется замена рассматриваемого компонента на наименование определённых групп людей: на волков → на людей (2000), на детей (2001), на путан (2002), на бухгалтеров (2005). Отметим, что в результате замены последнего компонента меняется и значение первой части выражения *идёт охота*, которое может пониматься, как: кража, незаконное истребление, санкционированный отстрел и уничтожение, насилие, облава и проведение спецопераций. Подобные замены указывают на широкие семантические возможности исходного компонента и фразы в целом.

К замене на семантически близкое слово также мы отнесли трансформации, при которых компонент меняется на слово, выступающее в той же семантической функции, что и исходная лексема. Приведём пример.

Выражение из песни Б. Окуджавы *Бери шинель – пошли / иди домой* указывает на определённую профессиональную группу. Благодаря этому данная фраза озаглавливает многочисленные материалы, посвящённые демобилизации, выводу войск, выдаче квартир военнослужащим и под. (более 50 контекстов). Аналогично – по принципу метонимического переноса – на вид деятельности указывают и замены этого компонента в следующих заголовках: *Бери модем, пошли домой* (с программиста, которого обвиняют в распространении компьютерного вируса, сняты обвинения; Сегодня, 2000); *Бери портфель, пошли домой...* (о грядущих отставках министров – Сегодня, 2000); *Бери кетмень – иди домой!* (о выселении незаконных мигрантов; МК. 2005; кетмень как орудие труда народов Средней Азии). Общее значение всего выражения («покинуть какое-л. место и удалиться во свояси» [7: 26]) при этом сохраняется.

Семантическое несходство исходной и замещающей лексических единиц несёт дополнительную нагрузку – интригует читателя. Например, в публикации «Комсомольской правды» (2006) использован заголовок с текстом В. Высоцкого *Если враг оказался вдруг*. Замена исходного *друг* на *враг* меняет смысл всего высказывания на противоположный (статья посвящена лечению рака с помощью вирусов, которые вроде бы вредны для человека,

являются его «врагами»). Отметим также, что единица *враг* является одним из ключевых компонентов в песне поэта, откуда взята фраза, ср.: «Если друг оказался вдруг И не друг, и не враг, а так».

Приведём другие примеры с цитатами из песен Б. Окуджавы, В. Высоцкого и А. Галича соответственно: А всё-таки жаль, что нельзя с Александром Сергеевичем → *А всё-таки жаль, что всё можно с Александром Сергеевичем* (имя Пушкина в год юбилея активно используют для рекламы, а его рукописи до сих пор не расшифрованы; Новая газ., 1999); Было время и цены снижали → «*Было время – и цены вздували...*» (отмена налога приведёт к повышению розничных цен; МК. 2004); Мы поимённо вспомним всех, кто поднял руку → «*Нам нужна ваша помощь и поддержка! Мы – поимённо! – вспомним – всех, кто подал руку!*» (Перефразируя А. Галича)» (<http://www.krugozor.org/appeal.htm>: 28.02.08). При подобных заменах может меняться эмоционально-экспрессивная окраска чужого выражения. Особенно ярко это проявляется в контексте с приведённой выше цитатой из песни Галича, в которой отрицательная коннотация меняется на положительную (поднял руку → подал руку).

2. Замены на основе фонетического и / или морфемного сходства компонентов. При замене на основе фонетического сходства ключевое слово цитаты заменяется на слово, сходное по количеству слогов и / или по окончанию. При этом ритм исходной фразы может нарушаться. Приведём примеры модификаций в заголовках цитат из песен Б. Окуджавы и Ю. Визбора: *Вы слышите: грохочут сапоги* – сапоги → *котелки* (КП. 1996); *потолки* (Моск. правда, 1998); *молотки* (Изв., 2004); *топоры* (КП, 2001) и *поварёшки* (КП, 2000); *Зато мы делаем ракеты* – ракеты → *газеты* (КП. 1994), *бюджеты* (Новая газ., 2004), *туалеты* (Новая газ., 2005) и *автоматы* (МК. 2002). Замещающее слово может обладать также схожей морфемной структурой. Так, фраза В. Высоцкого *Страховка не подвела* в заголовках газеты «Московская правда» получила следующие вариации: *На старте обновка не подвела* (новая форма у спортсменов; 2005) и «*Нейтралка*» *не подвела* (футбольные результаты; 2005).

Более экспрессивно и неожиданно выглядят случаи языковой игры, построенной на фонетических совпадениях. В первую очередь обращают на себя внимание контексты, где обыгрываются собственные имена, замещающие ключевой компонент цитаты. Например, подобное наблюдается при трансформации цитаты Б. Окуджавы «И комиссары в пыльных шлемах // Склонятся молча надо мной» в заголовках к материалам, связанным с ведущим популярной телепередачи В. Комиссаровым: *И Комиссаров в чёрном*

фраке склонится над чужим бельём (Общ. газ., 1998) и *И Комиссаров в пыльном шлеме...* (Изв., 2004). На обыгрывании фамилии построен и другой заголовок со строчкой из песни этого поэта: *Виноградова косточки в тёплую землю зароем* (тема: что делать сотням тысяч клиентов банка, глава которого В. Виноградов ушёл в отставку; КП, 1998). Приведём подобные примеры с использованием популярных фраз В. Высоцкого: Если друг оказался вдруг → *Если Дуг оказался вдруг* (негативная рецензия на книгу, фамилия автора которой Дуг; Книжное обозрение, 2007); Что-то кони мне попались привередливые → *Что-то Конц им попалась привередливая* (собака президента по имени Кони при встрече с молодёжью вела себя несерьёзно; МК, 2007); Меня сегодня Муза посетила [, Немного посидела и ушла!] → *Меня сегодня «Муза» посетила...* (о концерте группы «Muse»; Изв., 2007).

3. Замены только на основе грамматического сходства компонентов – это замены, где замещающий компонент выполняют ту же грамматическую функцию, что и исходная единица, семантическая близость компонентов при этом отсутствует. Например, в известной строчке Б. Окуджавы из песни «Полночный троллейбус» чаще всего трансформируется атрибутивная часть, ср.: *Я в синий троллейбус сажусь на ходу*, где синий троллейбус → *бесплатный троллейбус* (об оплате в транспорте; Веч. Оренбург, 1997), *крымский троллейбус* (о возобновлении движения троллейбусов в Крыму; Сегодня. 2000), *частный троллейбус* (о появлении частных троллейбусов; Профиль, 2001), *троллейбус для VIPов* (о новом виде транспорта со всеми удобствами; КП, 2004) и др.

В некоторых случаях такая лексическая замена выступает как проявление языковой игры, построенной на смысловой связи с исходным вариантом цитаты. Как правило, замена в этом случае является средством создания иронии. Подобное наблюдается в трансформированном заголовке *Коль не хилый – сразу в строй* (о результатах весеннего призыва в армию; Независимая газ., 2007). Ср. у В. Высоцкого: «Если хилый – сразу в гроб».

Отметим, что при лексических трансформациях популярных выражений может значительно меняться грамматическая семантика исходных единиц. В этом случае главными условиями узнаваемости цитаты становятся исходный ритм и ключевые слова, ср: *Кому – шинель, кому – домой* (Век, 2001).

4. **Количественные модификации при лексических заменах.** Наш анализ показывает, что известность выражения отражается на возможностях лексической трансформации: чем популярнее фраза, тем большее количество компонентов может быть в ней замещено. Самым ярким примером является крылатое выражение В. Высоцкого *Лучше гор могут быть только горы*, при использовании которого в прессе наблюдаются следующие модификации:

- замена ключевого компонента на словосочетание: *Лучше гор могут быть только горные лыжи* (КП, 2002); *Лучше гор могут быть только... горнолыжные романы* (Cosmopolitan, 2003); *Лучше гор – только песни о них* (о фестивале; Труд, 2003) и под.;

- замена парного компонента: *Лучше бега может быть только бег!* (КП, 2002), *Лучше «шпор» могут быть только «шпоры»* (МК, 2003), *Лучше книг могут быть только книги* (о выставке; Российская газ., 2005), *Лучше Суздаля может быть только Суздаля!* (suzdal-media.ru, 2022) и под.;

- замена нескольких компонентов: *Выше звёзд могут быть только звёзды* (Веч. новости, 2005), *Хуже гор может быть только горе* (МК, 2004), *Важнее Буша с Гором только «Хьюлетт паккард»* (Веч. Москва, 2000) и под.

Распространённость лексических замен при употреблении чужих выражений, с одной стороны, порождает целые серии цитат, в которых изменён только один-два компонента. С другой стороны, такая трансформация выявляет устойчивые компоненты цитаты и превращает его в воспроизводимую синтаксическую конструкцию, фразеосхему, прецедентную модель [5].

В нашем материале представлено более двадцати прецедентных моделей, сложившихся на основе выражений из песен поэтов-бардов: *Вы слышите – грохочут сапоги, Зато мы делаем ракеты, Идёт охота на волков, Бери шинель, пошли домой, Израильская военица известна всему свету, Лучше гор могут быть только горы, Здесь вам не равнина, здесь климат иной, Страшно, аж жуть!* и др.

Итак, наш анализ позволил выявить два основных направления лексической замены компонентов – качественный и количественный. Как правило, замены базируются на семантическом, фонетическом или грамматическом сходстве исходного и замещающего компонентов. Многократные замены способствуют выявлению ключевых компонентов фразы и появлению прецедентных моделей.

Библиографический список

1. Вакуров В. Н. Основы стилистики фразеологических единиц. М.: Изд-во МГУ, 1983. 426 с.
2. Добровольский Д. О., Караулов Ю. Н. Ассоциативный фразеологический словарь русского языка. М.: Помовский и партнёры, 1994. 116 с.
3. Ковшова М. А. Прецедентный текст в современном газетном заголовке как интеллектуальное развлечение // Логический анализ языка. Концептуальные поля игры. М., 2006. С. 45–53.
4. Пресса 1997–2002. База данных периодических изданий. М.: НПК «Кронос-информ», 1994–2002. – 8 электрон. опт. дисков (CD-ROM).
5. Семенец О. П. Прецедентный текст в языке газеты: динамика дискурса 50-90-х годов: автореф. дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2004. 24 с.
6. Симонова И. В. Структурно-семантические трансформации фразем и паремий (на материале русских газетных текстов) // Язык и социум: материалы VIII междунар. науч. конф., г. Минск, 5–6 дек. 2008 г. В 2 ч. Ч. I. Минск: РИВШ, 2009. С. 140–143.
7. Шулежкова С. Г. Словарь крылатых выражений из области искусства. М.: Азбуковник: Рус. словари, 2003. 432 с.

ЯЗЫК В НАУЧНОЙ И ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ КОММУНИКАЦИИ

УДК 378.147

К ВОПРОСУ О РИТОРИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЕ ПРЕПОДАВАТЕЛЯ ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ

Л.П. Лулева

*Самарский государственный университет путей сообщения
г. Самара, Российская Федерация*

В статье рассматриваются качественные характеристики понятий «педагогический имидж», «риторическая культура» преподавателя вуза, комментируются ответы студентов на вопросы анкеты о важных слагаемых имиджа успешного преподавателя. Автор обосновывает необходимость признания риторической культуры преподавателя ключевым критерием его профессионализма, призывает на основе анализа его типичных ошибок рекомендовать преподавателям негуманитарных дисциплин обязательное обучение на специализированных курсах по академическому красноречию. В целом, для преподавателя выстраивается траектория самосозидания успешного профессионального имиджа.

Ключевые слова: педагогический имидж, риторическая культура, коммуникативная деятельность, академическое красноречие.

*В сущности ведь для интеллигентного человека дурно
говорить должно бы считаться таким же неприличием,
как не уметь читать и писать, и в деле
образования и воспитания обучение красноречию
следовало бы считать неизбежным.*

А.П. Чехов

Преподаватель университета – профессия «публичная», он всегда на виду, всегда под ежедневным «контролем» студенческой аудитории, которая обращает внимание не только на глубину профессиональных знаний педагога, но и на его личностные качества, жизненные установки, манеру и стиль общения, внешний вид, голос и др. Всё это, несомненно, важные слагаемые педагогического имиджа. Более того, в ответах на вопрос анкеты «*Какими*

качествами, должен обладать преподаватель-профессионал?» студенты «нарисовали» интересный эскиз педагогического портрета: «мудрый наставник», «грамотный специалист», «прекрасный оратор», «коммуникативный лидер», «добрый и справедливый человек», «интересный собеседник», «новатор и реформатор в преподавании», «харизматичная личность», «юморист и оптимист», «интеллигент и патриот», «творческая натура» (приведены наиболее частотные ответы). Согласимся, что этот «собираемый портрет» включает в себя не только профессиональные, но и личностные качества преподавателя, которые не менее ценны в его педагогической деятельности.

Известные педагоги и психологи (А.А. Леонтьев, В.А. Кузьмина, В.А. Сластенин, А.Ч. Щербаков), лингвисты (Л. Браун, О.С. Булатова, Н.В. Мандорова, Е.Ю. Сысоева, К.В. Решетникова) также неоднозначны в своих оценках и характеристиках педагогического портрета и определяют в нем наиболее значимые компоненты:

- 1) личностные качества (интеллект, коммуникабельность, активность, увлеченность, искренность, обаяние, духовность);
- 2) поведение (эмпатичность, ассертивность, уверенность, организованность);
- 3) речь (культура и техника речи, риторические умения);
- 4) внешний облик (внешность, одежда, осанка, невербальные средства).

Цель работы: мотивировать преподавателя на формирование и совершенствование собственной риторической компетентности посредством ознакомления с базовыми характеристиками понятий «педагогический имидж», «риторическая культура».

Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие задачи:

- изучить и обобщить опубликованные материалы по проблеме исследования;
- определить основные содержательные компоненты понятия «риторическая культура преподавателя»;
- провести аналитическую работу с обучающимися по определению наиболее значимых характеристик педагогического имиджа.

Характер поставленных задач определил следующие *методы* исследования:

- анализ психологической, педагогической и методической литературы по проблеме исследования; метод открытого наблюдения за поведением и речью преподавателя в ходе учебных занятий; сравнительный анализ; метод анкетирования; индивидуальные беседы с обучающимися.

Важнейшим компонентом успешного имиджа педагога, своеобразной «визитной карточкой» является его риторическая культура [1, с.18]. Умение грамотно, ясно и доходчиво излагать учебный материал, демонстрируя при

этом эрудицию, логику и культуру речи, – вызывает у обучающихся несомненный интерес к предмету, уважение к преподавателю и желание обучаться именно у такого преподавателя. [2, с.24].

Однако зачастую низкий уровень риторической культуры педагога приводит к незаинтересованности дисциплиной, что впоследствии отрицательно влияет на результаты обучения. Так, на вопросы анкеты *«Как Вы оцениваете качество чтения лекций преподавателями?»* наряду с положительными ответами были даны следующие (стиль ответов сохранен):

- *«Лекции читает с листа, не приводит живых примеров»;*
- *«Объясняет материал путано, непоследовательно, перескакивает с мысли на мысль»;*
- *«Нечетко проговаривает слова, говорит торопливо, неразборчиво и тихо»;*
- *«Допускает в речи частые повторы, слова-паразиты, неправильно ставит ударение в некоторых словах»;*
- *«Не чувствует аудиторию, не имеет с ней обратной связи».*

В речи такого преподавателя часто наблюдаются фонетико-орфоэпические ошибки, искажающие нормы произношения и ударения (*«семинар начАлся»*, *«углУбленный курс»*, *«новый катАлог»*, *«Экспертный совет»*); лексические, свидетельствующие о незнании норм словоупотребления (*«поставить роспись»*, *«спросить вопрос»*, *«отксерить задание»*); грамматические, указывающие на незнание морфологических и синтаксических норм (*«по окончанию университета»*, *«согласно приказа»*, *«более отчетливее»*, *«в двухтысячно двадцать втором году»*).

Таким образом, возникает определенное противоречие: современный преподаватель высшей школы должен быть гармоничной личностью, образцом высокой культуры речи, но далеко не каждый преподаватель задумывается над тем, как весомо и значимо его слово, как важна скрупулезная работа по совершенствованию собственной риторической культуры. Следует отметить также, что педагогическая риторика, академическое красноречие не преподаются в университетах (за исключением некоторых вузов гуманитарного профиля и педагогических университетов), и, следовательно, преподаватели-негуманитарии самостоятельно овладевают ораторскими умениями методом проб и ошибок, «экспериментируя» на студентах. Можно также, к сожалению, констатировать, что риторически безграмотные педагоги – явление нередкое в вузовской практике преподавания, и именно они своим непрофессионализмом вызывают у студентов безразличие и нелюбовь к обучению. Несомненно и то, преподаватель ежедневно должен совершенствовать свою речь, стремиться к безупречной правильности языка, предупреждать ошибки и постоянно работать над собой [4, с. 196].

Уровень профессионализма преподавателя вуза во многом определяется уровнем его риторической культуры. К числу ее основных характеристик, в частности, можно отнести: правильность речи, научность, информативность, доказательность и аргументированность изложения, логическую последовательность подачи материала, целесообразность, доступность, ясность, богатство, выразительность и эмоциональность речи, методическую грамотность. [6, с.1234]

Представляется важным рассмотрение некоторых речевых ошибок, типичных для педагога. Так, рассматривая произносительные ошибки преподавателя («*заклЮчить дОговор*», «*оформить опЁку*», «*обратитесь к катАлогу*», «*откройте жАлюзи*», «*выразить соболезновАние*», «*премИровать победителя*», «*протЯженность газопрОвода*»), отметим, что они отвлекают от содержания речи, затрудняют взаимопонимание, вызывают недоверие к говорящему.

Чтобы точно и ясно выразить мысль, необходимо умение выбирать слова, соответствующие контексту, поэтому так важна систематическая работа над уточнением лексического значения слова и обогащением словаря. Если педагогу «не хватает» слов, в речи его появляются лексические ошибки и недочеты («*повысить кругозор*», «*означенные недостатки*», «*установить дипломатические отношения*», «*привести веские основания*»). Как, например, понять фразу, сказанную студенту: «*Достаточно плохо ты подготовился сегодня*»? Ошибка в выборе слова ведет к смысловой неточности и соответственно к непониманию высказывания педагога.

Следует отметить и некоторые плеонастические ошибки, которые тоже нередки в речи преподавателей: «*главные приоритеты*», «*перспектива на будущее*», «*простаивать без дела*», «*в мае-месяце*», «*вступительная преамбула*», «*традиционные каноны*», «*по-новому пересмотреть*», «*мое личное мнение*», «*крупные гиганты*», «*отступить назад*», «*свободная вакансия*» и другие.

Довольно распространены в речи преподавателя и грамматические ошибки, соответственно подразделяющиеся на словообразовательные, морфологические и синтаксические. Приведем несколько примеров педагогических ошибок такого типа: («*откомментировать ответ*», «*докончить таблицу*», «*обозначить перспективу*», «*газофицировать села*», «*насущий вопрос*», «*отменение закона*», «*реферат написан более лучше*»).

К сожалению, некоторые педагоги забывают главный принцип риторики (принцип гармонизирующего диалога), когда говорящий и слушающий в аудитории ощущают внутреннее единство, гармонию мысли и слова. Более того, преподаватели порой следуют неверной установке перед лекционным занятием: «*Буду читать так, как умею и как хочется, а студенты обязаны принимать то, что я им предлагаю*». Довольно часто студентам приходится

слушать лекцию «обо всем и ни о чем», когда мысль преподавателя перескакивает «с пятого на десятое» и «блуждает в трех соснах», и слушатели после такого чтения определяют ее качество нелестной оценкой: «*пургу нёс препода*» [3, с.107].

Для ясного изложения текста лекции преподавателю необходимо отчетливо представлять себе уровень подготовки студенческой аудитории и исходить из правильного соотношения известного и неизвестного ей материала. Иногда ошибочно полагают, что все содержание лекции каждый раз должно быть абсолютно новым для аудитории, и только при этом условии оно будет интересным. Но в этом случае тоже необходим определенный баланс: новая информация должна сообщаться с опорой на хорошо известное, если оратор перегрузит содержание лекции большим объемом незнакомой для слушателей информации, они быстро утомятся и перестанут слушать [5, с.181].

Часто ли преподаватели используют при чтении лекции риторические средства выразительности (метафоры, метонимии, синекдохи, гиперболы, антитезы, инверсии, градации, парадоксы для того, чтобы сделать свою речь яркой и выразительной? Весьма распространенной является ситуация, когда лектор хорошо знает, что сказать, но не знает – как это выразить словом, и говорит просто так, как у него получается... А тем не менее в риторических канонах рекомендуется для украшения речи использование разнообразных синонимов, фразеологизмов, пословиц, поговорок, крылатых слов, афоризмов, позволяющих сделать речь еще богаче, выразительнее, эмоциональнее.

Не менее важным для преподавателя во время проведения учебных занятий является контроль своей техники речи, так как студентам затруднительно воспринимать речь в быстром темпе (более 140 слов в минуту) или, напротив, в медленном (менее 100 слов в минуту). Слушателей будут раздражать также тихий или слишком громкий голос преподавателя, его неразборчивая дикция, монотонность произношения, излишняя жестикуляция. Полезно помнить, что все эти требования риторической культуры преподавателя эффективны в своей совокупности и обесцениваются при невыполнении даже одного их многих.

Систематическая и целенаправленная работа преподавателя над собственным педагогическим имиджем, его стремление совершенствовать характеристики собственной речи, несомненно, даст положительные результаты. Многие технические университеты, например Самарский государственный университет путей сообщения, организуют для преподавателей технических дисциплин специальные курсы, нацеленные на повышение риторической компетентности преподавателя и решающие следующие задачи: рассмотрение основ «академической» речи, систематизация знаний о композиции выступления, о методах изложения материала, о приемах привлечения внимания; ознакомление с основными учебно-научными жанрами; вооруже-

ние слушателей комплексной методикой, позволяющей в дальнейшем самостоятельно совершенствовать свою риторическую культуру [7, с.79].

Практика проведения такого курса в системе повышения квалификации СамГУПС и в Центре коммуникативных технологий «Имидж» показывает, что решение проблем развития риторической культуры преподавателя высшей школы возможно также на тренингах речевого мастерства, мастер-классах по ораторскому искусству, открытых (публичных) лекциях об академическом красноречии.

Подводя итоги вышеизложенного, сформулируем выводы:

1. Процесс овладения риторической культурой не завершается обучением на курсах, он должен продолжаться всю профессиональную жизнь преподавателя [8, с.101].

2. Современный преподаватель высшей школы должен быть человеком высокой культуры и носителем духовно-моральных ценностей; должен владеть в полной мере риторической компетентностью, педагогическими и методическими технологиями.

3. Преподаватель должен постоянно саморазвиваться, самосовершенствоваться, должен быть положительным примером для обучающихся.

Библиографический список

1. Клочкова Е.Н., Садовникова Н.А. Трансформация образования в условиях цифровизации // Открытое образование. 2019. Т. 23, № 4. С. 13–23.

2. Лунева Л.П. Речевая компетенция преподавателя вуза: монография. Самара: СамГУПС, 2004. 270 с.

3. Лунева Л.П. Совершенствование профессионально-речевой культуры учителя в системе ПК работников образования (нормативный аспект): дис. ... канд. пед. наук 13.00.02. Самара: 2000. 254 с.

4. Лунева Л.П. Культурная речевая среда как средство формирования языковой личности // Наука и культура России: материалы X Международной научно-практической конференции. Самара: СамГУПС, 2014. С. 195-198.

5. Лунева Л.П., Лунева С.В. Возможности формирования культуры делового общения в образовательном пространстве технического вуза // Записки горного института: Гуманитарные проблемы современности: язык, общество, культура. СПб.: СПГИ, 2008. С. 180-181.

6. Попова А.В., Лунева Л.П. Совершенствование этической компетенции учащихся в процессе освоения элективного курса // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2011. Т. 13, № 2-5. С. 1231-1235.

7. Сысоева Е. Ю. Имидж педагога: учеб. пособие. Самара: Изд-во Самарского университета, 2019. 148 с.

8. Троян И. А. Современная парадигма и модернизационные компоненты высшего образования // Образование и саморазвитие. 2021. Т. 16, № 3. С. 100–114.

РЕЧЕВАЯ КУЛЬТУРА СОТРУДНИКОВ ЭЛЕКТРОННЫХ СМИ
САРАТОВСКОЙ ОБЛАСТИ

А.В. Дегальцева

*Саратовский национальный исследовательский государственный
университет им. Н.Г. Чернышевского
г. Саратов, Российская Федерация*

Анализ электронных СМИ показывает, что уровень речевой культуры журналистов г. Саратова выше, чем их коллег из муниципальных районов Саратовской области. Тем не менее некоторые сотрудники саратовских медиаизданий являются представителями литературно-жаргонизирующего типа речевой культуры, характеризующегося намеренным снижением и огрублением речи, нарушением этических норм.

Ключевые слова: СМИ, медиарегионалистика, культура речи, речевая культура журналиста.

Одной из важных задач региональных периодических изданий является привлечение внимания и удержание интереса «жителей той территории, на которой издание распространяется. «Малая» пресса, имея большое значение в локальном масштабе, представляет минимальный интерес для читателей других регионов, но особо ценна для включённой в описываемые события аудитории» [1, с. 37]. В современной журналистике сформировалась особая предметная сфера – медиарегионалистика, «изучающая территориально обусловленное медиаповедение (медиапотребление и медиапроизводство) как некий регионально ограниченный, существующий продолжительное время поведенческий паттерн, формирующий специфические для данного региона способы и формы медиатизации» [5, с. 77].

Влияние СМИ на общую культуру носителей языка, безусловно, велико. Именно поэтому сотрудники медиаизданий должны в полной мере осознавать свою ответственность за формирование речевой культуры своей аудитории.

Согласно получившей плодотворное развитие в современной русистике концепции саратовского академика О.Б. Сиротининой, носители русского языка могут быть представителями нескольких типов речевых культур. В рамках литературного языка ею выделяются полнофункциональный (наиболее высокий), неполнофункциональный, литературно-жаргонизирующий, среднелитературный и обиходный типы [2].

Полнофункциональный (элитарный) тип речевой культуры встречается очень редко. Его можно оценивать как недостижимый идеал [4]. Носители

полнофункционального типа речевой культуры имеют высшее (как правило, гуманитарное) образование. Они знают и неукоснительно соблюдают нормы и правила русского языка, в совершенстве владеют всеми формами и стилями речи, ораторским мастерством, легко создают тексты различных жанров, обладают высоким уровнем общей и речевой культуры, постоянно совершенствуют свои знания. Неполнофункциональным типом речевой культуры обладает большинство людей с высшим образованием (учителя, вузовские преподаватели, врачи, журналисты и др.). Его отличительными особенностями являются негрубые нарушения речевых и языковых норм, владение максимум двумя стилями речи, неспособность чётко разграничивать устную и письменную формы коммуникации: например, «канцелярский работник профессионально прикован к письменной форме речи и деловому стилю» [2, с. 5]. «Наибольшее распространение имеет среднелитературный тип речевой культуры, его носителями являются прежде всего люди со средним и неполным средним образованием, но нередко встречаются и люди с высшим, особенно узкопрофессиональным (не университетским классическим). Для них характерно очень поверхностное знание норм литературного языка. <...> Незнание различий между устной и письменной формами речи приводит таких людей к ориентации на «более престижную» письменную речь. Очень типично для носителей среднелитературного типа нарушение коммуникативных и этических норм» [2, с. 6]. Обиходный тип речевой культуры свойствен малообразованному городскому населению, владеющему только навыками устного бытового общения.

Чрезвычайно опасен, по мнению О.Б. Сиротининой, сложившийся в конце XX века в средствах массовой информации литературно-жаргонизирующий тип речевой культуры, специфика которого «заключается в сознательном насаждении сниженной, часто даже безграмотной речи» как крайнем и негативном проявлении тенденции к демократизации языка [2, с. 7]. Носители данного типа речевой культуры отдают предпочтение всему нелитературному (жаргонному, просторечному, диалектному), сниженному и грубому, что, по их мнению, характеризует речь большинства российских обывателей. «Опасность литературно-жаргонизирующего типа состоит в его восприятии читателями газет и теле-/радиослушателями как эталона хорошей речи» [2, с. 9].

По наблюдениям О.Б. Сиротининой, большинство жителей Саратовской области – носители среднелитературного и обиходного типов речевой культуры, у которых из-за их «самоуверенной безграмотности отсутствует привычка проверять свою компетентность» [3, с. 15].

Профессиональный журналист должен владеть хотя бы неполнофункциональным типом речевой культуры. Тем не менее, процесс демократизации жизни россиян, начавшийся в 90-ые гг. прошлого столетия, привёл к тому, что речь СМИ, на которых всегда лежала особая ответственность за сохранение национального языка, перестала быть эталонной. В СМИ конца XX – первых десятилетий XXI вв. «и нелитературные словечки (*намедни, по новой, шибко,*

*посередь, навроде, прикольно, прикид), <...> и просторечные формы слов (ехай, проедь, должность, ложат), и неcodифицированные ударения (включат, врУчат, ходатАйствовать, возбУждено и т. д.) стали обычным явлением. <...> Журналисты, фактически создавшие к концу XX в. свой тип речевой культуры – литературно-жаргонизирующий, оправдывались: *так говорит народ, а мы его зеркало*» [3, с. 24–25].*

Целью данной работы является определение уровня речевой культуры сотрудников электронных СМИ г. Саратова и районов Саратовской области. К исследованию привлекаются материалы электронных выпусков газет «Московский комсомолец в Саратове» (далее – МК в Саратове), «Краснокутские вести», «КИС Ртищеве», а также сайтов информационных агентств «Версия-Саратов», «Регион-64» и новостного портала SUTYNEWS.ru (г. Балаково) за 2010–2023 гг.

Наблюдения показывают, что уровни речевой культуры сотрудников медиаизданий г. Саратова и населённых пунктов Саратовской области существенно различаются. Среди саратовских журналистов есть представители как неполнофункционального, так и литературно-жаргонизирующего типов речевой культуры, а сотрудники областных медиаизданий чаще всего являются носителями среднелитературного типа.

Уровень коммуникативной компетентности саратовских журналистов довольно высок. Они хорошо владеют жанровым разнообразием и стилистическими возможностями публицистики. В аналитических статьях и эссе умело используют тропы и фигуры речи. Ошибки и неточности в их материалах встречаются не так часто: *Как легко **оплатить** за воду по квитанциям АО «ИВЦ ЖКХ и ТЭК»? (МК в Саратове 26.09.2018); <...> следует обратиться в управляющую компанию с заявлением в двух экземплярах, на одном из которых должна быть **роспись** сотрудника управляющей компании (МК в Саратове 23.10.2013); <...> те, **кто проходили** через подобное, поймут <...> (Версия-Саратов 03.10.2018)* и др.

В текстах саратовских журналистов, являющихся представителями литературно-жаргонизирующего типа речевой культуры, наблюдаются случаи намеренного нарушения этических и стилистических норм. К первым видам нарушений можно отнести освещение непристойных подробностей и неуместную иронию по поводу трагических событий: *Зарезала мужа **из-за секса** (МК в Саратове. 11.08.2010); Да, тогда если не было **голой бабы** или **полового акта** – это уже не кино (МК в Саратове. 26.07.2022); Житель Энгельса **доказал, что человека можно убить бутылкой** <...> Суд учёл **оригинальность** способа убийства и назначил убийце наказание за умышленное причинение тяжкого вреда здоровью, после которого наступила гибель человека (МК в Саратове. 22.11.2022); **Каждой убийце – по медали** (МК в Саратове. 25.05.2011).*

К намеренным нарушениям стилистических норм можно причислить случаи использования журналистами сниженной, вульгарной и нелитературной

лексики для реализации стратегии сближения с массовым адресатом: *Позднее, **аккурат** накануне возможной (но несостоявшейся) пролонгации губернаторских полномочий Дмитрия Фёдоровича, прокуратура по факту мошенничества возбудила уголовное дело в отношении Сергеевой* (МК в Саратове 29.06.2011); *В остальных случаях ограничились новыми тревожными лентами и объявлениями, которые **всяко** дешевле любых действенных мер по предотвращению подобных трагедий* (Версия-Саратов 20.03.2019); *Якобы киллерам **позарез** понадобилась машина Тарасовых* (Версия-Саратов 29.10.2019); *В Саратовской области всё по-другому. Это **фуфло** никого не интересует* (Регион-64. 23.03.2012); *А вот в саратовской действительности постоянно хочется спросить: «**На хрена?**»* (Регион-64. 01.07.2012) и т.д.

В материалах, публикуемых журналистами районных изданий, отмечаются регулярные лексические, грамматические, стилистические ошибки. Подобные систематические нарушения языковых и коммуникативных норм свидетельствуют о принадлежности большинства сотрудников электронных СМИ районов Саратовской области к носителям среднелитературного типа речевой культуры. Если же в журналистских текстах отсутствуют грубые ошибки при намеренном снижении и огрублении речи, можно говорить о литературно-жаргонизирующем типе речевой культуры авторов.

Среди лексических ошибок журналистов из муниципальных районов Саратовской области чаще всего наблюдаются:

а) речевая избыточность: ***Основная суть** претензий рабочих сводится к тому, что на предприятии на протяжении нескольких лет не повышалась заработная плата* (КИС Ртищево 09.09.2020); *О неблагоприятных погодных условиях служба МЧС, региональный гидрометцентр **предупреждали заранее**, поэтому к разгулу стихии коммунальщики были готовы* (Краснокутские вести. 10.01.2023);

б) речевая недостаточность: *75 лет Победы скромно и без торжеств, но отметили в селе Рекорд. Они прошли в центре села, около памятника землякам-фронтовикам* (Краснокутские вести. 10.05.2022);

в) смешение паронимов: ***Оплатить** за детский сад можно средствами материнского капитала* (Краснокутские вести. 10.01.2023);

г) нарушение лексической сочетаемости: *Собственники обязаны будут обнести территории забором и **предпринять меры** для сбора денег с населения* (КИС Ртищево 18.10.2020); *Глава района Сергей Грачев продолжает **поставлять** нам позитивные **новости*** (<https://www.sutynews.ru>. 03.02.2023);

д) неправильный выбор слов из синонимического ряда: *На этот раз он **отписался** у себя в соцсетях о том, что при поддержке Романа Бусаргина Балаковский район дополнительно получит на ремонт дорог 100 млн рублей* (<https://www.sutynews.ru>. 03.02.2023); *Ртищевский парень **собрал** с пенсионеров 2 миллиона* (КИС Ртищево 04.09.2022) и др.

Среди грамматических ошибок, которые допускают в своих текстах журналисты муниципальных районов Саратовской области, можно назвать следующие:

а) неверный выбор управляемой предложно-падежной словоформы: *Когда политики с народом идут на встречных курсах* (<https://www.sutynews.ru>. 03.02.2023); *Он признан виновным за совершение преступлений, предусмотренных ч.1 ст.223 УК РФ <...>* (КИС Ртищево 09.09.2022); *УФСИН России по Саратовской области сообщает о введении в эксплуатацию ещё одного учреждения для осуждённых к наказаниям в виде принудительных работ. Теперь в Ртищевском районе* (КИС Ртищево 09.09.2022);

б) нарушение координации главных членов предложения: *Большинство людей мечтают иметь счастливую семью* (Краснокутские вести 18.05.2017);

в) неверное употребление деепричастных оборотов: *Так неужели это не даёт нам право не подвергаться унижениям со стороны власти, будучи причисленными к «безответственному» бизнесу?* (КИС Ртищево 20.12.2020);

г) неверное построение сложного предложения: *Выход из создавшейся ситуации – возрождение животноводства, которому есть государственная поддержка, новые технологии, современная техника* (Краснокутские вести. 20.07.2015).

В районных сетевых изданиях очень часто встречается разговорная и нелитературная (жаргонная и просторечная) лексика. В большинстве случаев журналисты употребляют такие слова и выражения неуместно и неоправданно (не для повышения выразительности высказывания или стилизации живой обиходной речи): *За мордобой виновный заплатит 30 тысяч рублей морального вреда* (<https://www.sutynews.ru>. 30.11.2022); *Горячий парень укусил и лягнул знакомую девушку* (<https://www.sutynews.ru>. 30.11.2022); *Молодёжь приветили с теплом и радушием* (<https://www.sutynews.ru>. 23.11.2022); *<...> вас ждёт жуткое зрелище: отсутствие дорог, грязь, обшарпанный детский сад аккумуля напротив сельского Дома культуры* (КИС Ртищево 25.07.2020); *Семейное насилие в ртищевской семье потянуло на 7 лет строгого режима* (КИС Ртищево 07.03.2020); *Хотя мест, где они нужны позарез, у нас хватает* (<https://www.sutynews.ru>. 30.11.2022); *Энгельсит на ночной тропке изнасиловал бабушку и убил её* (<https://www.sutynews.ru>. 01.07.2022) и др. Подобная лексика, к сожалению, свидетельствует о невысокой культуре пишущих.

Таким образом, уровень речевой культуры саратовских журналистов выше, чем их коллег из сетевых изданий муниципальных районов Саратовской области. Если первые обычно являются носителями неполнофункционального типа речевой культуры (реже – литературно-жаргонизирующего), то вторые чаще всего проявляют себя как представители среднелитературного типа. На наш взгляд, сотрудникам электронных СМИ, работающим в районных центрах Саратовской области, необходимо повышать собственный уровень речевой культуры, ведь журналистские материалы воспринимаются многими читате-

лями (особенно не имеющими возможности получить высшее образование) как образцы правильной и красивой речи.

Библиографический список

1. Полякова Е.В. К вопросу о типологии региональной прессы // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2022. №1–2. С. 36–38.
2. Сиротинина О.Б. Характеристика типов речевой культуры в сфере действия литературного языка // Проблемы речевой коммуникации: межвуз. сб. науч. тр. / под ред. М.А. Кормилицыной. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та. Вып. 2. 2003. С. 3–20.
3. Сиротинина О. Б. Русский язык: система, узус и создаваемые ими риски. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 2013. 116 с.
4. Стернин И.А. Типы речевых культур. Учебное пособие. Воронеж: «Истоки», 2013. 23 с.
5. Чернов А.В. Возможна ли медиарегионалистика как специальная область исследований масс-медиа? // Вестник Череповецкого государственного университета. 2014. №2 (55). С. 74–78.

УДК 811.161.1

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ НОМИНАТИВНОГО СЛОВСОЧЕТАНИЯ ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ НОВЕЙШЕГО ВРЕМЕНИ

А.А. Безрукова

*Самарский национальный исследовательский университет
имени академика С.П. Королева
г. Самара, Российская Федерация*

В статье рассматриваются направления освоения устойчивого терминологического словосочетания *искусственный интеллект* в русском языке новейшего времени. Делается вывод о том, что рассматриваемое номинативное словосочетание и его сокращенный вариант ИИ в современном русском языке стали высокочастотными, испытали детерминологизацию и могут быть отнесены к разряду ключевых слов. Аббревиатура ИИ стала центром обширного словообразовательного гнезда, объединяющего более 200 новых слов.

Ключевые слова: новые слова, устойчивое словосочетание, заимствование, аббревиатура, сокращение, словообразовательное гнездо, производное, синоним.

Современная общественная коммуникация достаточно активно включает в свой словарь термины разных сфер знания, в том числе термины информатики, когда они становятся коммуникативно актуальными. Словосо-

четание *искусственный интеллект* как устойчивое впервые зафиксировано в русском языке в «Толковом словаре русского языка конца XX века. Языковые изменения»: «Искусственный интеллект. В информатике (научная проблема создания методов, которые позволили бы использовать человеческие представления для оперирования структурами символов)» [6]. Отметим, что в текстовой иллюстрации в словарной статье приведено и аббревиатурное сокращение рассматриваемого словосочетания: «Под термином «искусственный интеллект» (ИИ) понимается дисциплина, изучающая возможности создания программ для решения задач, требующих определенных интеллектуальных усилий при решении их человеком» [7]. Интересно, что следующее словарное издание, описывающее новые слова, появившиеся в литературном языке, опубликованное десятью годами позже, – «Толковый словарь русского языка начала XXI века. Актуальная лексика» [8], не упоминает о существовании аббревиатурного варианта устойчивого словосочетания. В одном из наиболее авторитетных и популярных толковых нормативных словарей – «Толковом словаре русского языка» С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой – уже в 1992 году при описании лексико-семантических вариантов прилагательного *искусственный* дано указание на значение, возникающее в сочетании с существительным *интеллект* в определенной области знания: «1. полн. ф. Не природный, сделанный наподобие подлинного. И. жемчуг. Искусственное орошение. И. спутник Земли. Искусственное дыхание (система приёмов, восстанавливающих дыхание у больного, пострадавшего). И. интеллект (раздел информатики, разрабатывающий методы моделирования отдельных функций творческой деятельности человека). И. отбор (отбор человеком форм растений и животных с нужными признаками и свойствами; один из методов селекции). 2. Притворный, неискренний. И. смех. | сущ. искусственность, и, ж. (ко 2 знач.)» [5]. В толковых нормативных словарях русского языка, изданных в начале XXI века (например, в «Современном толковом словаре русского языка» (под редакцией С.А. Кузнецова) [6]), сведений о появлении нового устойчивого терминологического словосочетания *искусственный интеллект* нет, как нет и упоминаний о его аббревиатурном варианте, что позволяет говорить о нем как о неологизме, имевшем в тот момент ограниченное употребление.

Этот статус термина *искусственный интеллект* подтверждает и «Новый словарь иностранных слов», разместивший в словарной статье существительного *интеллект* следующую информацию: «мыслительная способность человека, уровень умственного развития, способность к рациональному познанию; *искусственный и.* – а) *раздел информатики, разрабатывающий методы моделирования и воспроизведения с помощью ЭВМ отдельных функций творческой деятельности человека*; б) свойство автома-

тических и автоматизированных систем выполнять отдельные функции интеллекта человека, напр. принимать оптимальные решения на основе ранее полученного опыта и анализа внешних воздействий» [1].

Термин *искусственный интеллект* представляет собой перевод английского по происхождению терминологического словосочетания *Artificial Intelligence*, имеющего и инициальное аббревиатурное соответствие – *AI*, на что указывают составители ресурса SOKR.RU [8]. Следовательно, аббревиатура *ИИ* появилась в русском языке не в результате транскрипции или транслитерации англоязычного акронима, а как сокращение переведенного на русский язык номинативного словосочетания. SOKR.RU фиксирует еще три сокращенных варианта рассматриваемого словосочетания *искусственный интеллект*: акроним *АИ* представляет собой транслитерацию английской аббревиатуры, два других сокращения – *искин* и *ИскИнт* – сконструированы по слоговой модели и мотивированы словосочетанием *искусственный интеллект*, функционирующим в русском языке [9].

По данным «Нового частотного словаря русской лексики» О.Н. Ляшевской и С.А. Шарова, составленного на основе Национального корпуса русского языка, оба компонента номинативного словосочетания *искусственный интеллект* весьма частотны в текстах самых разных предметных областей, о чем говорит значение коэффициента *D*. «Указание коэффициента *D* для каждого слова дает возможность оценить, насколько оно специфично для отдельных предметных областей. Например, слова *перезрелый* и *имплант* имеют примерно равную частоту (0,56 ipm), но при этом коэффициент *D* у *перезрелый* равен 90, а у *имплант* – 0. Это означает, что первое слово равномерно встречается в текстах разного направления и значимо для большого числа предметных областей» [2]. Обратимся к сведениям об употребительности компонентов словосочетания *искусственный интеллект*.

Таблица 1 Частотность компонентов словосочетания *искусственный интеллект*

Лемма	Часть речи	ipm (instances per million words), или частота употреблений на миллион слов корпуса	R	D (равномерность распределения слова в текстах разных предметных областей)	Текстов
интеллект	s	14.4	100	90	659
искусственный	a	35.7	100	94	1677

Обе лексемы имеют очень высокий коэффициент D, что обусловлено коммуникативной актуальностью выражаемых ими понятий [2].

Чаще всего в медиатекстах словосочетание *искусственный интеллект* употребляется в начале текста с указанием в скобках аббревиатурного варианта, который и используется далее: «*Но, по сути, игра с человеком в шахматы и го – это тоже лишь отчасти работа **искусственного интеллекта (ИИ)**. Для начала **ИИ** должен избавить нас от монотонных дел, которые каждый день отнимают уйму времени*» [4]. Но встречаются тексты, где сокращение *ИИ* не сопровождается мотивирующим словосочетанием: «*Однако когда **ИИ** попросили поделиться точкой зрения по вопросам здравоохранения, он почему-то назвал Коран «жесточкой книгой»*» [4].

Высокая употребительность терминологического словосочетания *искусственный интеллект* наряду с развитием высоких технологий и внедрением их в нашу действительность привели, с одной стороны, к необходимости заимствования из английского языка лексем рассматриваемой предметной области, а с другой – к интенсивному образованию необходимых номинаций. Заметим, что в русском языке высокую словообразовательную активность проявила аббревиатура *ИИ*. Результатом этих процессов стало формирование словообразовательного гнезда, в состав которого вошли также и заимствованные слова, поскольку их членимость для носителей русского языка несомненна. Гнездо (по данным Информационно-поискового лексикографического ресурса «Новое в русской лексике» Института лингвистических исследований РАН (г. Санкт-Петербург)) объединяет 20 дериватов, образованных исключительно по модели сложения «слово + слово» и 5 заимствований (*ИИ-альянс, ИИ-евангелист, ИИ-лето, ИИ-этик*), имеющих ту же структуру [4]. В 2011 г. в русском языке отмечено первое производное слово – *ИИ-модель*. Следующие 20 дериватов появляются в 2015 году. Они разнообразны по семантике и фиксируют приход эры искусственного интеллекта в нашу страну (*ИИ-платформа, ИИ-разработчик, ИИ-тренд, ИИ-бум*), а также изменение технологической базы компьютерных игр, имеющих высокую популярность среди молодежи (*ИИ-животное, ИИ-злодей, ИИ-мятежник, ИИ-империя* и др.). В 2016 году количество дериватов достигает 35. Среди них присутствуют обозначения технологических процессов (*ИИ-вычисление, ИИ-обработка*), подразделений (*ИИ-лаборатория*), результатов (*ИИ-наработки*), устройств (*ИИ-менеджер, ИИ-друг*) и т.д. В этом же году в употреблении появляется производное со значением лица, выражающее высокую степень положительной оценки – *ИИ-икона*. В 2017 году в русском языке появилось наибольшее количество производных, мотивированных аббревиатурой *ИИ* – 143 единицы. В числе прочих в этом году появились два имени прилагательных, представленных в рассматриваемом словообразовательном гнезде (*ИИ-программный, ИИ-вычислительный*), и значительное количество имен существительных, разнообразных по семантике: имена лиц (*ИИ-*

преподаватель, *ИИ-проповедник, ИИ-талант*), названия устройств (*ИИ-видеокамера, ИИ-колонка, ИИ-микроскоп, ИИ-телефон*), процессов (*ИИ-визуализация, ИИ-расчет, ИИ-супервычисление, ИИ-трансформация*), технологических решений (*ИИ-архитектура, ИИ-решение, ИИ-концепция*), персонажей компьютерных игр (*ИИ-психопатка, ИИ-прима*), программ/ботов (*ИИ-гость, ИИ-доктор, ИИ-дегустатор, ИИ-тренер*) и т.д.

В последующие годы словарные материалы фиксируют спад словообразовательной активности аббревиатуры *ИИ*: в 2018 г. образовалось 4 деривата (*ИИ-образование, ИИ-поддержка, ИИ-среда, ИИ-техника*), в 2019 г. пять (*ИИ-альянс, ИИ-евангелист, ИИ-надсмотрщик, ИИ-очередь, ИИ-этик*), в 2020 и 2021 годах по одному производному слову (*ИИ-дети* и *ИИ-диетолог*).

Среди производных имен существительных преобладают предметные номинации широкой тематической области «информационные/ компьютерные технологии», крайне неоднородные по значению. Это и названия технологических процессов (*ИИ-анализ, ИИ-визуализация, ИИ-диагностика, ИИ-преобразование, ИИ-супервычисление, ИИ-экспертиза*), и названия устройств (*ИИ-вычислитель, ИИ-модуль, ИИ-фильтр*), подразделений (*ИИ-отрасль, ИИ-сектор*), результатов технологических решений (*ИИ-архитектура, ИИ-голограмма, ИИ-интерфейс, ИИ-код*), программ/ботов (*ИИ-дворецкий, ИИ-исполнитель, ИИ-коллега, ИИ-композитор, ИИ-модератор, ИИ-редактор, ИИ-стилист*), персонажей компьютерных игр (*ИИ-обманщик, ИИ-прима, ИИ-психопатка, ИИ-расист, ИИ-сумоист*). Последние две группы интересны тем, что в качестве вторых основ, участвующих в сложении, для создания этих производных использованы разнообразные и с точки зрения семантики, и с точки зрения стилистики имена лиц, поскольку эти программы имитируют деятельность людей. Наиболее широко основы с оценочной семантикой используются при конструировании номинаций персонажей компьютерных игр, воссоздающих реальный или фантастические предметный мир и всю гамму взаимоотношений участников коммуникации.

Особую группу в массиве дериватов с первой основой *ИИ* составляют номинации техники, работающей с использованием искусственного интеллекта: *ИИ-автомат, ИИ-компьютер, ИИ-сенсор, ИИ-сервер, ИИ-терминал*.

Прочие производные с конкретной семантикой отражают внедрение информационных/ компьютерных технологий в самые разные сферы деятельности: в политику (*ИИ-политик*), бизнес (*ИИ-гигант*), финансы (*ИИ-инвестиции*), науку (*ИИ-микробиолог, ИИ-микроскоп; ИИ-лингвист, ИИ-новояз*), транспорт (*ИИ-корабль*), сферу общественного питания (*ИИ-кафе, ИИ-ресторан, ИИ-повар, ИИ-шеф*).

Имена лиц в составе гнезда с корневым словом *ИИ* немногочисленны, они представлены как заимствованными, так и образованными в русском

языке номинативами. Лексемы называют с разной степенью обобщения профессиональные занятия в области компьютерных и информационных технологий (*ИИ-кадры, ИИ-кодер, ИИ-преподаватель, ИИ-этик, ИИ-менеджмент*), служат именованиями лиц, активно разрабатывающих и пропагандирующих ИИ-технологии (*ИИ-евангелист, ИИ-проповедник*), дают оценку достижениям (*ИИ-авторитет, ИИ-икона, ИИ-талант, ИИ-элита*) или возрасту (*ИИ-дети, ИИ-младенец*).

Показательно, что к настоящему моменту в массиве дериватов от аббревиатуры *ИИ* сформировались парадигматические (синонимические) отношения, что весьма нетипично для производных от заимствованных аббревиатур. Наиболее широко представлены синонимические пары: *ИИ-вооружение, ИИ-оружие; ИИ-бог, ИИ-божество; ИИ-девушка, ИИ-женщина; ИИ-врач, ИИ-доктор; ИИ-оракул, ИИ-предсказатель; ИИ-фильтр, ИИ-фоторедактор* и др. Некоторые пары являются стилистическими синонимами, отличающимися наличием/отсутствием стилистически маркированного форманта – *ИИ-друг, ИИ-дружок; ИИ-подруга, ИИ-подружка* и под. В корпусе производных, мотивированных аббревиатурой *ИИ*, присутствует также единственный синонимический ряд: *ИИ-врач, ИИ-доктор, ИИ-кардиолог, ИИ-терапевт*.

Во втором десятилетии XXI века номинативное терминологическое словосочетание *искусственный интеллект* и его аббревиатурный вариант *ИИ* получили широкое распространение далеко за пределами сферы информационных/компьютерных технологий. Этому способствовало интенсивное развитие технологий и высокий общественный интерес к самому процессу и его результатам. Также в общее употребление выплеснулись заимствованные из английского языка и произведенные в русском языке слова с первой аббревиатурной частью *ИИ*. Этот факт подтверждает рост словообразовательной активности аббревиатурных мотивирующих основ, наметившийся на рубеже XX – XXI вв. Вокруг сокращения *ИИ* сформировалось значительное по объему словообразовательное гнездо, которое объединяет исключительно производные первой ступени. Иначе говоря, в составе гнезда представлены лишь словообразовательные пары. Лексические единицы с первой частью *ИИ* имеют весьма разнородные значения и вступают в парадигматические (синонимические) отношения друг с другом. Большая часть дериватов не маркирована стилистически. Все эти факты свидетельствуют, во-первых, о детерминологизации созданной на базе терминологического номинативного словосочетания аббревиатуры *ИИ*, во-вторых, о ее освоении словообразовательной и лексической системами современного русского языка и, в-третьих, о возможности отнесения и словосочетания *искусственный интеллект* и его аббревиатурного варианта *ИИ* к ключевым словам текущего момента.

Библиографический список

1. Захаренко Е.Н., Комарова Л.Н., Нечаева И.В. Новый словарь иностранных слов. М.: Азбуковник, 2003.
2. Ляшевская О. Н., Шаров С. А. Новый частотный словарь русской лексики [Электронный ресурс]. URL: <http://dict.ruslang.ru/freq.php>. Дата доступа: 16.02.2023.
3. Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. URL: <https://ruscorpora.ru/>. – Дата доступа: 16.02.2023.
4. Новое в русской лексике. Словарные материалы [Электронный ресурс]. URL: <https://neolex.iling.spb.ru/glossary>. – Дата доступа: 16.02.2023.
5. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М.: Азъ Ltd., 1992.
6. Современный толковый словарь русского языка / гл. ред. С.А. Кузнецов. М.: Ридерз Дайджест, 2004/
7. Толковый словарь русского языка конца XX века. Языковые изменения / под ред. Г.Н. Складневской. СПб.: Фолио-Пресс, 1998.
8. Толковый словарь русского языка начала XXI века. Актуальная лексика / под ред. Г.Н. Складневской. М.: Эксмо, 2008.
9. SOKR.RU / сост. А. Лебедев [Электронный ресурс]. URL: <https://www.sokr.ru>. Дата доступа: 16.02.2023.

УДК 81

КОММУНИКАТИВНЫЕ СТРАТЕГИИ В ЭПИСТОЛЯРНОМ ДИСКУРСЕ

В.М. Зарипова

*Самарский национальный исследовательский университет
имени академика С.П. Королева
г. Самара, Российская Федерация*

Настоящая статья содержит описание способов выражения поздравления в письмах в рамках реализации коммуникативной стратегии вежливости. Анализируются языковые средства, позволяющие адресанту наиболее полно и точно передать основное содержание поздравления и поддерживать делительные отношения с адресатом. Рассматривается возможность вариативного употребления речевых формул, являющихся традиционными для данного вида коммуникации. Основное внимание уделяется описанию ситуаций, требующих поздравления.

Ключевые слова: эпистолярный дискурс, коммуникативные стратегии, вежливость, поздравление.

В данной статье мы рассмотрим одну коммуникативную стратегию - стратегию вежливости, реализующуюся в поздравительных письмах. Как известно, выбор коммуникативной стратегии в эпистолярном дискурсе объясняется коммуникативной установкой автора, в соответствии с которой употребляются и способы речевого воздействия на адресата. Необходимо учитывать особенности речевого жанра поздравление, характеризующегося определенной ритуализированностью и этикетностью. Изучению речевого жанра поздравление посвящены работы Н.И. Формановской, А.А. Акишиной [1], Н.В. Дудкиной [4]. Коммуникативная стратегия вежливости исследуется в работах Р.А. Газизова [3] и др.

В данном аспекте представляет особый интерес эпистолярный дискурс, в рамках которого существуют особенности функционирования этикетных формул, выполняющих фактическую функцию.

Следует отметить связь эпистолярного дискурса и эпистолярного жанра. О.В. Протопопова, характеризуя эпистолярный жанр, отмечает, что «однонаправленность общения в эпистолярном жанре требует обдумывания, даже подготовки текста, чтобы сделать его ясным, исчерпывающим, полным» [7, с. 628]. Правда, как подчеркивает автор, «в то же время наличие адресата и ожидание ответа либо действия, поступка обуславливает появление признаков, присущих диалогу, в виде обращения, вопроса, напоминания, описания жеста (обнимаю, жму руку и т.д.)» [7, с. 628]. Это позволяет говорить, что «в текстах эпистолярного жанра сочетаются элементы монолога и диалога (А.А. Акишина, Н.И. Формановская). Однако наряду с этим выражается мнение, что через письма осуществляется дистантное монологическое общение (Л.Е. Тумина)» [7, с. 628].

Источником материала для нашего исследования послужили письма А.П.Чехова за 1900 год. Из 223-х писем было проанализировано 29 писем, в которых автор поздравляет своих адресатов. Адресатами в представленном материале являются родственники писателя, его друзья, коллеги, люди, имеющие отношение к сфере художественного творчества, поэтому нами была изучена личная и деловая переписка. Мы рассмотрели два вида корреспонденции: в первой, которая является редкой, интенция поздравление представлена самостоятельно; во второй, которая наиболее частотная, поздравление употребляется наряду с другими интенциями.

Переписка А.П. Чехова активно изучается в различных аспектах: в работах Н.А. Ковалевой [6], А.Х. Барашева [2] и др.

Обратимся к понятию коммуникативная стратегия. Согласно определению В.Б. Кашкина, «коммуникативная стратегия - это часть коммуникативного поведения или коммуникативного взаимодействия, в которой серия различных вербальных и невербальных средств используется для достижения определенной коммуникативной цели. Стратегия – общая рамка,

канва поведения, которая может включать и отступления от цели в отдельных шагах. Многие стратегии ритуализируются, превращаются в речевые конвенции и теряют 'рематичность', информативность. Нарушение конвенций, напротив, может рассматриваться как «сообщение» [5, с. 168-169].

В современной научной литературе поздравление изучается в рамках различных видов дискурса. О.В. Протопопова отмечает, что «каждый вид письма отличается языковой формулой – устойчивым оборотом, фразой, стереотипно выражающей назначение послания. Наиболее подробно эти формулы, употребительные в письмах не только делового (см. жанры оф.-дел. стиля), но и личного характера, описаны А.А. Акишиной и Н.И. Формановской. Так, стереотипными выражениями поздравления в частных письмах будут фразы: Поздравляю(-ем) (Вас, тебя) с праздником (с Новым годом, с юбилеем и т.д.); Шлю (шлем) Вам (тебе) свои поздравления; соответственно стереотипным оказываются и ответы на поздравления с выражением благодарности» [7, с. 628].

Цель нашей статьи – определить возможность вариативности выработанной коммуникативной стратегии вежливости в письмах с поздравлениями и возможность отступления от коммуникативной цели при выражении соответствующей интенции.

Ситуации общения, предполагающие выражения интенции поздравление, отмеченные нами в письмах А.П. Чехова, мы объединили в две группы:

- праздничные даты, требующие обоюдного поздравления (Новый год и/или Рождество, Пасха);

- события, происходящие в жизни одного участника коммуникации: новоселье, именины, юбилей, присвоение почетного звания, которые не требуют ответного поздравления.

Также письма с поздравлениями мы рассмотрели с точки зрения состава участников коммуникации: в нашем материале с постоянными адресатами, в число которых входят родные и близкие, друзья (жена О.Л. Книппер, сестра М.П. Чехова, братья Иван и Александр), коллеги (издатель А.Ф. Маркс, М. Горький и др.) автор обменивается поздравлениями в каждой из названных ситуаций. Писем к непостоянным адресатам за рассматриваемый период не отмечено.

Важно учитывать условия протекания коммуникации: многолетняя переписка с членами семьи или друзьями предполагает возможность употребления широкого спектра языковых средств.

Материал показал, что автор прибегает к той или иной стратегии поздравления в разных ситуациях, с разными целями коммуникации. Рассматриваемая интенция может быть выражена прямо; быть ответной репликой или первичной. Материал позволил выделить два типа коммуникативных стратегий: первичную прямую и ответную прямую.

Обратимся к первичной прямой стратегии, которая позволяет автору письма поддерживать добрые длительные отношения с адресатом.

Способы выражения поздравления могут зависеть от следующих аспектов:

а) состав участников коммуникации: непосредственное поздравление и опосредованное. Непосредственное, как правило, поздравление родственников и друзей, коллег; деловых партнеров (издателей) содержит непосредственное обращение к адресату, а опосредованное поздравление третьего лица реализуется в ситуации, когда адресант использует интенцию просьбу передать поздравление человеку, с которым знаком адресат, для выражения поздравления. Например: *«Из газет я узнал, что Настя вышла замуж. Поздравляю Вас, Анну Ивановну и Настю, желаю от души и от чистого сердца счастья»* (А.С.СУВОРИНУ. 16 ноября 1900 г.) [8]. Как видно из примеров, переписка с коллегами включает вежливые формы личного местоимения Вы неизменно с заглавной буквы, что определяет строгий регистр коммуникации. Ср.: письмо-ответ с благодарностью за поздравление в личной переписке, где местоимение 2 лица единственного числа устанавливает регистр близкого общения: *«Поздравляю тебя и Екатерину Ивановну с новосельем и желаю Вам обоим счастья и здоровья. В начале лета, вероятно, увидимся в Москве. Я приеду. А пока жму тебе руку»* (Н.И. Коробову. 29 января 1900). *«Поклонись Вуколу, поздравь его с прошедшим юбилеем»* (В. А. ГОЛЬЦЕВУ. 27 января 1900 г.) [8]. Здесь поздравление с юбилеем сочетается с просьбой, которая выражается с помощью формы второго лица повелительного наклонения, что наряду с употреблением только имени лица говорит о близком знакомстве коммуникантов. В данном контексте для адресата оказывается достаточным передача юбиляру сообщения о поздравлении.

В тексте письма могут соседствовать прямое поздравление адресата и косвенное лица, которые состоит в родстве с адресатом. Например: *«Милая мама, поздравляю Вас с ангелом и желаю всего лучшего, а главное – здоровья. Машу поздравляю с именинницей и желаю Вам обеим провести праздники в отличнейшем расположении духа»* (Е. Я. ЧЕХОВОЙ. 19 декабря 1900 г.) [8].

б) характер события, требующего поздравления:

- юбилей (лица или организации): *«Поздравление организации: «Журналу, двадцать лет выражавшему лучшие стремления русской интеллигенции, и ее благородному представителю Виктору Александровичу, нашему другу, милому, доброму, родному человеку шлю поздравления, сердечные пожелания счастья. Чехов»* (В РЕДАКЦИЮ «РУССКОЙ МЫСЛИ». 26 января 1900 г.) [8].

- Новый год и т.п.: *«Милый Вукол <...> Поздравляю тебя с новым годом, с новым счастьем и желаю полного благополучия. Будь здоров, милый мой, и весел»* (В.М.ЛАВРОВУ. 26 декабря 1900 г.) [8].

Следует отметить, что поводов к поздравлению в письме может быть два: календарный праздник и частное событие. Например: *«Христос воскрес, многоуважаемый и дорогой Николай Александрович! Спешу поздравить Вас с сорокалетием Вашей литературной деятельности и пожелать Вам всего хорошего!»* (Н. А. ЛЕЙКИНУ. 9 апреля 1900 г.) [8].

в) структура письма: поздравление содержится в начале, в середине или в конце текста. Приведем пример письма, которое начинается с поздравления. Например: *«Милый Иван, поздравляю тебя, Соню и Володю с Рождеством и с наступающим новым годом и желаю здоровья и спокойствия»* (И.П. ЧЕХОВУ. 23 декабря 1900) [8]. В письме к А.С. Суворину поздравление помещается автором в конец письма, где выполняет этикетную функцию завершения письма. Например: *«Как живут Ваши? Как Настя? Шлю нижайший поклон и привет, поздравляю с наступающими праздниками. Храни Вас создатель. Крепко жму руку. Ваш А. Чехов»* (А. С. СУВОРИНУ. 19 декабря 1900 г.) [8]. В письме к О.Л.Книппер поздравление появляется после подписи в роли постскриптума: *«Твой Antoine. Опиши хоть одну репетицию. Поздравляю с праздником! У нас тут уже новый год, уже 3-е января. Скоро здесь весна»* (О.Л. КНИППЕР. 21 декабря 1900) [8].

Теперь рассмотрим языковые средства их реализации коммуникативной стратегии. Прямое первичное поздравление помогает адресанту заявить о том, что он помнит об адресате и о важных событиях в его жизни, выражает почтение, уважение. Здесь поздравление выступает способом поддержания коммуникации, выполняет фатическую функцию. Прямое первичное поздравление характеризуется разнообразием средств:

- безглагольные конструкции, которые не включают слов со значением поздравление (такого, как «поздравляю»), а содержат наименования праздника: *«Драгоценный Алексей Максимович, с новым годом, с новым счастьем!»* (М.ГОРЬКОМУ. 2 января 1900 г.) [8].

- глагольные конструкции: со словом *поздравляю* в односоставных предложениях: а) глагол в форме 1 лица единственного числа настоящего времени: *«Поздравляю Вас и Надежду Алексеевну с новым годом и желаю Вам всего хорошего, а главное – здоровья»* (С.Н. ХУДЕКОВУ. 7 января 1900 г.) [8]; б) иные глаголы в той же форме, но в сочетании с существительными «поздравление» и «пожелание»: *«...Виктору Александровичу, нашему другу, милому, доброму, родному человеку шлю поздравления, сердечные пожелания счастья. Чехов»* (В РЕДАКЦИЮ «РУССКОЙ МЫСЛИ». 26 января 1900 г.) [8]; в) с инфинитивом *поздравить*: *«Христос вос-*

крес, многоуважаемый и дорогой Николай Александрович! Спешу поздравить Вас с сорокалетием Вашей литературной деятельности и пожелать Вам всего хорошего!» (Н.А.ЛЕЙКИНУ. 9 апреля 1900 г.) [8].

Наряду с лексемой поздравляю в письмах активно используется лексема *желаю*, что становится возможным в результате объединения интенций поздравления и пожелания:

- со словами *поздравляю* и *желаю* в составе одного предложения или в соседних конструкциях: как мы отметили в предыдущих пунктах, используются глаголы в форме I лица единственного числа настоящего времени в роли сказуемого в односоставном предложении: *«Многоуважаемый Борис Федорович, благодарю Вас за память обо мне и внимание и, в свою очередь, поздравляю Вас с новым годом, с новым счастьем и желаю всего хорошего»* (Б. ПРУСИКУ. 8 января 1900 г.) [8].

- со словами с семантикой *поздравление* в безличном предложении с признанием факта о необходимости поздравить. Подобные конструкции, как правило, сочетаются с предложениями с личными глагольными формами *поздравляю* и *желаю*. Например: *«Итак, тебя нужно поздравить с началом сезона. Ты уже играла по крайней мере в «Одиноких». Поздравляю, милая дуся, желаю полнейшего успеха, желаю хорошей работы, чтобы ты и уставала и испытывала наслаждение»* (О.Л. Книппер. 22 сентября 1900) [8].

- сочетания наименования праздника, слов *поздравляю* и *желаю*: *«С новым годом, с новым счастьем! Праздники прошли, сегодня я проводил гостей, остался опять один – и хочется писать письма. Поздравляю Вас и желаю всего хорошего – здоровья, многолетия»* (А. С. СУВОРИНУ. 8 января 1900 г.) [8].

- поздравление и выражение признательности осуществляется за счет употребления конструкций с глаголом *поздравляю* в сочетании с глаголами, обозначающими иные действия. Например: *«Милый Виктор Александрович, я послал телеграмму, все-таки позволь еще поздравить тебя письменно. Поздравляю тебя, крепко обнимаю, крепко жму руку и прошу верить, что я люблю тебя и почитаю, как редко кого»* (В.А. ГОЛЬЦЕВУ. 27 января 1900 г) [8]. Как видно из примера, подобная структура является характерной для дружеской переписки и употребляется в ней для выражения наиболее искренних пожеланий.

- сочетание поздравления и извинения, которые находят выражение в использовании конструкций с составным глагольным сказуемым в безличном предложении. В подобных сообщениях присутствует развернутое объяснение причины того, почему адресат не получил поздравление вовремя. Например: *«Дорогой Василий Михайлович, в ноябре я писал рассказ, в полной уверенности, что пишу его для «Рус<ских> вед<омостей>», но рас-*

сказ растянулся больше чем на лист, и пришлось отправить его в другое место. Затем я и Елпатьевский решили послать Вам накануне Нового года телеграмму, но захлестнула суетня, и мы прозевали настоящий момент. **И теперь, так сказать, задним числом, совершая служебный подлог, приходится поздравлять Вас с Новым годом и с ангелом**» (В. М. СОБОЛЕВСКОМУ. 19 января 1900 г.) [8].

- сочетание поздравления с другими сообщениями. Например: **«Говорят, что Вы женитесь на Р. Правда ли это? Если правда, то от души Вас поздравляю. Она артистка хорошая. Когда буду в Москве, то позвоните меня к себе в гости**» (А.Л.ВИШНЕВСКОМУ. 5 сентября 1900 г.) [8]. Подобное обращение к поздравлению ближе к концу письма позволяет автору не акцентировать внимание на упоминаемом событии, в реальности которого автор не совсем уверен, так как не получил о нем информацию от адресата.

Также письма дифференцируются с точки зрения того, кто является инициатором поздравления. Если первым поздравляет адресант, то мы имеем дело с авторской интенцией. Если поздравление было в письме адресата, то подразумевается ответная интенция. Поэтому можно говорить о второй стратегии: ответное прямое поздравление, которое сочетается с благодарностью за поздравление:

- ответ на поздравление, которое традиционно включает благодарность и ответную реплику: сочетания наименования праздника, слов поздравляю и желаю, если характер праздника позволяет поздравить собеседника в ответ: **«Милый Александр Акимович, большое Вам спасибо, что вспомнили и прислали письмо. И я тоже поздравляю Вас с новым годом и желаю, чтобы во всем главном жизнь оставалась по-старому, как была, а в мелочах, буде угодно Вам, – пошла по-новому**» (А.А. ШЕНБЕРГУ (САНИНУ) 14 января 1900 г.) [8].

Ответная реплика ожидаемо содержит слово *тоже*, демонстрирующее желание адресанта поздравить адресата в ответ.

- благодарность за поздравление: **«Прилагаемую расписку в получении 20 тыс<яч> благоволите передать Адольфу Федоровичу вместе с моей благодарностью за поздравление» (избрание в академики)**» (Ю.О.ГРЮНБЕРГУ. 5 февраля 1900 г.) [8]. В данном случае ответное поздравление оказывается невозможным, что объясняется характером события, требующего поздравления только обладателя нового звания. Причина поздравления указана в скобках, что, на наш взгляд, снижает официальность высказывания. Важно обратить внимание на расположение интенции благодарности на поздравление в композиции письма: она появляется в конце письма, следует за разъяснением «рабочих» моментов.

Таким образом, мы рассмотрели варианты прямой реализации коммуникативной стратегии вежливости на примере поздравления в эпистолярном дискурсе. Как показал материал, возможно разнообразное употребление языковых средств, позволяющих адресанту выразить своё отношение к адресату и сохранять отношения на протяжении длительного времени.

Библиографический список

1. Акишина А.А. Этикет русского письма / А.А. Акишина, Н.И. Формановская. М., 1981.
2. Барашев А.Х. Текстобразующие функции производных субстантивов в письмах А.П. Чехова: дис. ... канд. филол. наук. Казань, 2022.
3. Газизов Р.А. Коммуникативные стратегии вежливости в немецкой лингвокультуре (материале электронных писем) // Известия Юго-Западного университета. Серия: Лингвистика и педагогика. 2018. Т. 8, № 3. С. 59-68.
4. Дудкина Н.В. Речевой жанр «поздравление» в русской и американской лингвокультурах: дис. ... канд. филол. наук. Ростов-на-Дону, 2011.
5. Кашкин В.Б. Основы теории коммуникации. М., 2007. С. 168-169.
6. Ковалёва Н.А. Авторское формообразование и коммуникативная стратегия текста: На материале писем А.П. Чехова: дис. ... канд. филол. наук. М., 1992.
7. Протопопова О.В. Эпистолярный жанр // Стилистический энциклопедический словарь русского языка / под ред. М.Н. Кожинной. М., 2011. С. 627-631.
8. Чехов А.П. Полное энциклопедическое собрание сочинений. М., 2002.

УДК 811.161.11

РУССКАЯ ТЕРМИНОЛОГИЯ АНАТОМИИ: ЭТИМОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Н.Г. Николаева

*Казанский государственный медицинский университет
г. Казань, Российская Федерация*

В статье анализируются единицы русской анатомической номенклатуры, относящиеся к устаревшей или диалектной лексике; рассматриваются спорные вопросы их этимологии; затрагивается проблема деминутивов в терминологии.

Ключевые слова: анатомическая терминология, этимология, метафора, деминутив.

В настоящее время некоторые русскоязычные анатомические термины, оставаясь полноправными элементами анатомической номенклатуры, для большинства носителей русского языка становятся непонятны, так как их

омонимические параллели или их производящие вне терминологической системы устаревают, уходят на периферию лексической системы как устаревшая лексика, как архаизмы или как историзмы, в том числе и фонетические. Их внутренняя форма оказывается непрозрачной для наших современников, их метафорический потенциал (на котором строится превалирующее большинство анатомических терминов – и не только в русском языке, но и в латинском, и в современных европейских языках) резко снижается. Это не удивительно, если изучить историю терминов: многие из них вошли в научный оборот в XVIII веке [7] с интенсификацией научных исследований и началом сложения научного стиля русского языка.

Некоторые термины могут быть более понятны в профессиональной медицинской среде, так как медики изучают их латинские эквиваленты, так что имеют возможность сопоставить русский и латинский вариант, но и это не всегда способствует пониманию.

Так, например, известный термин *ключица* является структурной калькой латинского соответствующего наименования *clavicula*, буквально ‘ключик’, однако проблема заключается в том, что ключичная кость не похожа ни на одну из известных с античности форм ключей (которая по сути и не менялась). Логичнее всего предположить, что ключом в метонимическом смысле называли ручку двери, исполняющую также функцию затвора (такие дверные ручки не изменили своей формы в течение двух тысяч лет), по форме очень близкую к форме ключицы. Есть и более изысканная трактовка: словом *clavis* в Древнем Риме называли специальное приспособление для детской игры в обруч, с помощью которого этот обруч катали, и этот *clavis* так же имел форму, сходную с известной костью скелета человека [5].

Другие термины для современного жителя мегаполиса не проясняет и сопоставление с латинскими эквивалентами. Например, трапециевидная кость, часть носовой перегородки, носит название *сошник* (*vomer*) по сходству с частью сельскохозяйственных орудий типа плуга или сохи, с помощью которого рыхлят землю. Современный городской житель имеет очень смутное представление о форме и назначении сошника, а представители молодого поколения этого слова зачастую не знают. Также непонятно им определение *ярменный*, латинское *jugularis* от *jugum* ‘ярмо’. Анатомическое имя *jugum* в русской номенклатуре имеет соответствие *возвышение*, очевидно, по характерной для ярма дуги над головами впрягаемого домашнего скота. Следует, однако, заметить, что *jugum sphenoidale*, клиновидное возвышение (то есть возвышение в клиновидной кости), в проекции сверху в точности повторяет форму сельскохозяйственного орудия. Производные слова *ярмо* – как кальки соответствующих латинских единиц – встречаются в терминах *ярменная вена*, *ярменная вырезка*, *ярменная впадина* и др. Их внут-

ренная форма и образная составляющая, однако, для многих изучающих анатомию затемнены.

Часть анатомических терминов представляет собой устаревшую лексику, значение которой уже не всегда понятно современным носителям языка. Так, затылочная часть шея, по-латыни *nucha*, в русской номенклатуре значится как *выя*. Еще в 1928 году Н.С. Трубецкой писал: «... есть церковнославянские слова, употребление которых допустимо лишь в поэзии или в особо торжественном, напыщенном стиле, например такие названия частей тела, как *чело, око, уста, вежды, брада, выя, длань, перст, чресла, чрево, далее, слова злато, млат, хлад, страж, твердь, дева* и т.д. («тип чело»») [цит. по: 9, с. 122]. В подтверждение этих слов можно вспомнить переводы гомеровского эпоса Н.И. Гнедичем и В.А. Жуковским: уже тогда слова такого типа носили налет архаики и создавали торжественно-героический художественный колорит поэтического языка. Согласно панхроническому корпусу НКРЯ, употребление этого слова уже с начала XIX века стремительно приближается к нулю [2]. Однако слово закрепилось в ограниченной профессиональной сфере в терминологической функции. В данном случае даже латинский эквивалент никак не поможет в «узнавании» семантики, ибо сам является результатом путаницы двух схожих по звучанию арабских слов со значением ‘затылочная ямка’ и со значением ‘мозговое вещество’ [6, с. 20].

Название двенадцатиперстной кишки является калькой греческого слова *δωδεκάδακτυλος*, встречающегося в работах Герофила. Латинский термин *duodenum* – слово искусственно образованное, и оно не сохраняет внутренней мотивации греческого: название этой части кишечника обусловлено тем, что она имеет длину в двенадцать пальцев [3, с. 185]. Русский термин сохраняет славянскую основу *перст*, но смысловая связь с пальцами остается неочевидна.

Непрозрачная без дополнительных изысканий этимология у терминов *брыжейка* и *копчик*. Термины носят явно производный характер, но производящими для них в первом случае является историзм, а во втором – диалектное слово. Так, *брыжейка*, орган брюшной полости, с помощью которого внутренние полые органы живота прикрепляются к его стенке, названа по сходству с пышным воротником и манжетами моды позднего Средневековья, которые назывались брыжи (из польского *bryże*): брыжейка также имеет складчатый характер. *Копчик*, нижний отдел позвоночника человека, представляющий собой выступ из нескольких сросшихся косточек, при явно членимом характере слова не имеет производящей основы в литературном языке – ее надо искать в диалектах: там мы обнаружим слово *копец* со значением ‘бугор, выступ’, которое этимологически восходит к тому же корню, что и в глаголе *копать* [1, с. 102]. Латинские термины *mes-*

enterium и *соссух* соответственно имеют совершенно другие мотивационные основания и этимологии, никак не связанные с русскими терминами. Хотя в отношении пары *копчик* и *соссух* может возникнуть ложное впечатление о единой основе номинации. Народная этимология часто возводит русское *копчик* к названию птицы *кобчик*, подразумевая закрепленное в орфографии оглушение согласного [1, с. 101]. Латинское *соссух* имеет значение ‘кукушка’, но смысловое обоснование номинации конечного отдела позвоночника названием птицы не имеет однозначного толкования [12, с. 123–125]. Наиболее приемлемый вариант – основание сходства с клювом птицы, хотя и оно достаточно натянуто. Во всяком случае возведение русского термина к названию хищной птицы признается ложной этимологией, так что связи здесь нет.

Русский термин *пясть* имеет индоевропейское происхождение и, согласно М. Фасмеру, восходит к корню со значением ‘пять’ [11]. Объяснение более чем убедительное в анатомическом отношении, так как *пясть* – это пять косточек, которые соединяют пальцы с запястьем. Фасмер отвергает связь слова *пясть* с индоевропейским корнем **reǵi* ‘растягивать’, которую актуализируют некоторые этимологи, однако с этим корнем связано похожее русское слово *пядь*, обозначающее расстояние между растянутыми пальцами кисти; это топографическое сходство (а также признак растянутости, который наблюдается и в костях пясти), надо признать, укрепляет позиции данной гипотезы.

Термин *плюсна*, у Фасмера *плесна*, часть ступни между пальцами стопы и пяткой, оказывается родствен греческому *πλάτος* ‘ширина’ и латинскому *planta* ‘подошва’. Слово нечленимо с точки зрения современного русского языка, и сложно подобрать родственные ему слова. Только этимологические словари помогают нам обнаружить его ближайшего «родственника» – и также в сфере строения тела – слово *плечо* [11].

Этимологический казус представляют собой термины *мышца* и *мышцелок*. Общеизвестно, что славянское *мышца* (*мышшица*), как и латинское *musculus* дословно обозначают ‘маленькая мышь, мышка’. Л. Успенский склонен полагать, что обозначение данной анатомической структуры восходит к общеиндоевропейскому языку [10]. В древности было замечено, что сокращение бицепса в плече напоминает движение мышцы под кожей. Слова *мышь* и *mus* восходят к одному индоевропейскому корню, так что русское *мышца* и латинское *musculus* являются параллельными образованиями, восходящими к единому источнику. Об этом также свидетельствует существование слова *мышка*, *мышца*, *мышшица* в древнерусском языке в значении ‘плечо’ [8, с. 339] (ср. современное русское *подмышка*, впадина под плечом, и церковнославянское выражение *мышца Господня*, то есть рука Господа).

К слову *мышь*, по мнению, М. Фасмера восходит и название другой анатомической структуры – *мышелка*, или *мышелки* [11], но однозначного объяснения, как это слово было образовано, у этимологов найти не удалось. На наш взгляд, этот термин, скорее, связан со словом *мышца*, поскольку *мышелок* обозначает утолщение костей, которое является местом прикрепления мышц. Как анатомический термин он известен с XVIII века, фиксируется это слово и в русских диалектах. Словообразовательного типа для этого слова найти не удалось. По всей видимости, это уникальное образование, этимологические связи которого еще только предстоит установить.

Представленный материал затрагивает еще один до конца не решенный вопрос в сфере анатомической терминологии, и не только русской, но и латинской. Это вопрос о значительном количестве деминутивов в ее составе. Ср. лат. *lingula, geniculum, tuberculum, cerebellum, alveola, foveola, glandula, scapula* и многие другие; рус. *крестец, мозжечок, бугорок, мышелок* (?), *ямочка, лопатка* и т.д. и т.п. Привычно мы называем их деминутивами, так как и в латинском, и в русском языке в их образовании участвуют суффиксы, типичные для создания в слове уменьшительного значения (-ul-, -ol-, -cul-, -ell- и -ец, -ка, -очка, -ок соответственно). О.А. Лапшина выдвинула предположение, что эти суффиксы в данной сфере выражают значение не уменьшительности, а подобия [4], то есть *лопатка* – это не маленькая лопата, а структура, сходная с лопатой, *крестец* – это не маленький крест, а нечто похожее на крест и т.п. Надо признать эту точку зрения весьма любопытной, но с несколькими оговорками. Во-первых, в ряде случаев уменьшительность имеет место быть, в первую очередь, когда есть база для сравнения: если есть *бугор* (*tuber*), то *бугорок* (*tuberculum*) будет его производным с явственно деминутивным значением, то же можно сказать о парах *язык* (*lingua*) – *язычок* (*lingula*), *ямка* (*fovea*) – *ямочка* (*foveola*) и подобных, при этом сема подобия, несомненно, сопровождает этот процесс: *язычок* – это что-то подобное языку, но только маленькое. Во-вторых, при метафорическом способе образования слова уменьшительность, весьма вероятно, уже заложена в самой базе сравнения: слово *лопатка* образовалось по сходству с лопатой небольшого размера и т.п. В редких случаях значение подобия превалирует над значением уменьшительности: здесь можно вспомнить термины *крестец, мышца, ключица* и некоторые другие.

В целом, нужно отметить, что русская анатомическая терминология весьма разнородна по своему составу: с одной стороны, она включает в свой состав кальки (с латинского и греческого), прямые заимствования, нейтральные с точки зрения хронологии и географии слова. Вместе с тем, будучи сформированной в своем основном составе в XVIII веке, она хранит немало исторически окрашенной лексики и диалектизмов. Некоторые из них еще ждут детального этимологического анализа.

Библиографический список

1. Варбот Ж.Ж. Копчик // Русская речь. 1990. № 6. С. 101–103.
2. Вья // Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. URL: <https://ruscorp.org.ru/explore?req=%D0%B2%D1%8B%D1%8F>. Дата доступа: 23.02.2023.
3. Кутя С.А., Николаева Н.Г., Шимкус Т.С., Гафарова Э.А., Фархутдинова Г.С. Йозеф Гиртль о происхождении наименований тонкой кишки // Экспериментальная и клиническая гастроэнтерология. 2022. № 10. С. 183–186.
4. Лапшина О.А. Семантическая категория подобия в русском языке: дис. ... канд. филол. наук. Симферополь, 2010 [Электронный ресурс]. URL: <https://perviudoc.ru/v28834/?cc=2>. Дата доступа: 23.02.2023.
5. Николаева Н.Г. Вопрос о происхождении термина Clavicula у Йозефа Гиртля // Clia anatomica: сб. статей. Симферополь: Крымский федеральный ун-т им. В.И. Вернадского, 2022. С. 126–130.
6. Николаева Н.Г. Арабское влияние на латинскую анатомическую терминологию // Классические языки в современном профессиональном образовании: сб. статей. Казань: ФГБОУ ВО Казанский ГМУ Минздрава России, 2022. С. 18–23.
7. Романов Н.А. Русская анатомическая терминология XVIII века. Т.1. М., 1997 [Электронный ресурс]. – URL: https://www.rfbr.ru/rffi/ru/books/o_67916#1. Дата доступа: 23.02.2023.
8. Словарь русского языка XI–XVII века. М.: Наука, 1982. Вып. 9. 360 с.
9. Трубецкой Н.С. Общеславянский элемент в русской культуре // Вопросы языкознания. 1990. № 3. С. 114–134.
10. Успенский Л.В. Этимологический словарь школьника [Электронный ресурс]. URL: <https://lexicography.online/etymology/uspensky>. Дата доступа: 23.02.2023.
11. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка [Электронный ресурс]. URL: <https://lexicography.online/etymology/vasmer>. Дата доступа: 23.02.2023.
12. Hyrtl J. Onomatologia anatomica. Wien: Braumüller, 1880. 626 S.

РЕЧЕВЫЕ ОШИБКИ В СМИ: ОПЫТ АНАЛИЗА СОВРЕМЕННЫХ ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИХ ТЕКСТОВ СТУДЕНТАМИ САМГТУ

Е.А. Горлова

*Самарский государственный технический университет
г. Самара, Российская Федерация*

Представлены результаты эксперимента по выявлению и классификации речевых ошибок и речевых недочётов в текстах современных СМИ федерального и регионального уровня, проведённого студентами 1 курса СамГТУ: во-первых, объёмный корпус примеров нарушения норм современного русского литературного языка, во-вторых, наблюдения за реакцией респондентов на эти нарушения.

Ключевые слова: речевая ошибка, речевой недочёт, язык средств массовой информации, культура речи, языковая норма.

Современный человек, специалист в любой отрасли должен уметь строить текст в соответствии с языковыми нормами, владеть устными и письменными формами общения, уметь общаться и контактно, и дистантно. Как показывают самые разные опросы, проводимые и в студенческой среде, и в сообществах работодателей, требования к речи молодого специалиста сегодня довольно высоки, и сами студенты в целом согласны с правомерностью и актуальностью этих требований. Не потеряли актуальности слова древнеримского оратора, философа Марка Туллия Цицерона: «Как в жизни, так и в речи нет ничего труднее, как видеть, что уместно» [1]. Однако, к сожалению, становится очевидным, что «массовая русская речевая культура переживает сегодня далеко не лучшие времена, нуждается в активном сохранении, то есть в собирании, изучении, описании языкового и речевого материала, в широком распространении научных знаний, культивировании лучших национальных традиций и форм доброжелательного речевого общения» [2].

Актуальность нашего исследования обусловлена тем, что сегодня различные речевые ошибки и речевые недочёты наблюдаются в устных и письменных текстах, создаваемых носителями русского языка, и часто не

зависят от их возраста, образования, социального положения. Значительно нарушающая отдельные литературные нормы речь сегодня встречается почти везде: и в образовательных учреждениях, начиная от детских садов (например, родители часто жалуются, что ребёнок «притащил» из садика ненормативную лексику, повторяя её за воспитателем) до университетов, на различных мероприятиях, в выступлениях политиков и общественных деятелей, в теле- и радиоэфире, публицистических печатных и электронных текстах. Отмечают, что СМИ сегодня частично утратили свои некогда важнейшие функции воспитания человека, просвещения, сохранения общей языковой культуры, но при этом их влияние на формирование личности (её ценностей, установок, в том числе и речевых) трудно отрицать.

Предметом исследования стали разнообразные речевые ошибки современных СМИ и отношение к ним студентов – будущих специалистов технических профилей.

В рамках изучения дисциплины «Русский язык и культура коммуникации» в Самарском государственном техническом университете студентами осваивается тема «Нормы современного русского литературного языка». Данная тема предполагает подробное изучение (часто – повторение) основных видов норм с акцентом на нормы лексические и морфологические. Как вариант контрольной работы по указанной теме группе студентов 1 курса был предложен проект, направленный на анализ текстов средств массовой информации. Основным заданием было выявить речевые ошибки и речевые недочёты и классифицировать их.

Для исследования были взяты различные электронные федеральные и областные СМИ. Студенты проанализировали 40 статей разной жанровой направленности: информационной, аналитической и художественно-публицистической. Статьи были выбраны так, чтобы не повторялись тематика, автор публикации, рубрика и пр. для чистоты эксперимента. В результате анализа выявлено 82 нарушения языковых норм. Считаем возможным предположить, что количество выявленных нарушений было бы значительно больше, если бы такой анализ проводили специалисты. Также отдельно, без включения в количественный анализ, найдены некоторые ошибки в коротких текстах рекламного характера – слоганах, небольших объявлениях, этикетках на товарах и пр.

Классификация выявленных речевых ошибок показала, что чаще остальных нарушаются стилистические нормы (29 случаев из 82), по 17 нарушений пришлось на лексические нормы и синтаксические нормы. Часты орфографические и пунктуационные ошибки. Порою неправильное употребление одного языкового элемента нарушает одновременно разные

нормы (например, и грамматические, и стилистические). Приведём несколько примеров обнаруженных ошибок.

«Ещё недавно Ангела Меркель надеялась, что с Обамой можно заключить соглашение о взаимном нешпионаже» [3].

«Как ожидается, команда на расстыковку космического корабля «Союз ТМА-09М» от МКС будет выдана 11 ноября в 3.25 мск, после чего через несколько минут корабль «отчалит» от станции. Несколько часов «Союз» будет находиться в полёте, затем в 5.55 мск будет выдана команда на торможение» [4].

«Почти треть россиян не против реставрации монархии. Об этом на исторической конференции в Манеже заявил глава ВЦИОМ Валерий Фёдоров» [5].

«Однако неожиданно все планы и мечты рухнули» [6].

«Для матерящихся в соцсетях закон несёт долгоиграющие последствия: раз администрация сайтов должна такую информацию постоянно отслеживать и удалять, ей проще забанить пользователя, чтобы постоянно за ним не следить, – говорит Денис Валдеев» [7].

Второй частью нашего эксперимента стало предъявление найденных нарушений студентам, обучающимся на 1 курсе. В этой части эксперимента участвовали более 300 человек, несколько потоков обучающихся разных технических профилей. Сначала респондентам предъявлялся полный текст публикации, затем – отдельные предложения с ошибками. В результате при чтении полного текста статей подавляющее большинство студентов (более 250 человек, то есть около 80 % от числа опрошенных) отмечали, что ошибок в них нет. При этом при анализе отдельных фраз студенты чаще всего выявляли ошибки, хотя классифицировать их в отдельных случаях затруднялись, обычно отвечая: «Что-то не так», «Так не говорят», «Как-то криво сказано» и пр. Наиболее часто и верно отмечались грамматические ошибки, например, в предложениях с деепричастием или деепричастным оборотом, с именами прилагательными в формах сравнения (особенно в превосходной форме). Полагаем, это связано с тем, что подобный грамматический материал хорошо прорабатывается в школе при подготовке к ЕГЭ. Практически не замеченными остаются ошибки в управлении, особенно при создании ряда однородных членов («С помощью реактора будут проводить исследования для физики, химии, медицины» [8]) и ошибки лексические: плеоназмы («Семья уже строила планы на будущее» [9]), канцеляриты («Семья по достоинству оценила природу вокруг посёлка» [10]; «Мы проверили на прочность приметы и традиции Масленицы» [11]), ошибки в ис-

пользовании фразеологизмов («Мы собрали в один материал всё, что нужно знать о **дорожной стройке века**» [12]).

Довольно любопытные результаты дал анализ некоторого количества рекламных текстов, в основном слоганов или коротких объявлений. Наиболее часто в таких текстах допускаются орфографические ошибки («Здравствуй школа. Канцтовары»; «Приглашаем на **примьеру**»; «Быть **джентельменом** просто, достаточно уступить место»), пунктуационные ошибки («Видишь подросток покупает пиво, скажи – **НЕТ**»; «Ты – не ты, когда голоден»). Обнаружены также нарушения морфологических норм («Требуется вычитка, **рецензия учебной работы?**») и лексических норм («Продаётся **мясо свинины**»; «Одевайте маски и перчатки»). В таких коротких текстах студенты ошибки находят быстро, но не все из них считают серьёзными. Например, постановку «лишнего» тире чаще всего они маркируют как оправданную, передающую дополнительную экспрессию.

Считаем возможным предположить, что текст СМИ подсознательно воспринимается как некий образец, речевой эталон, поэтому заведомо определяется как правильный. Отметим, что многие стилистические нарушения (например, употребление разговорных или жаргонных слов) студентами чаще всего вообще не замечается или воспринимается положительно, как некая смелость или креативность журналиста. Есть ошибки (например, в употреблении форм имён числительных), которые замечаются студентами, но маркируются как несущественные для понимания общего смысла текста, то есть как «не важные». Возникает вопрос: это свидетельство общего снижения речевой культуры или реальное отражение изменения отдельных норм? Было бы интересно провести подобный эксперимент для студентов других, в том числе гуманитарных, профилей обучения.

Причины, по которым в текстах СМИ отмечается значительное количество речевых ошибок и речевых недочётов, могут быть разными. Возможно, так происходит в результате определённой экономии издателя на специалистах (редакторах, корректорах, профессиональных журналистах и пр.). Возможно также, что ошибки проникают в тексты публикаций как результат торопливости и конкуренции СМИ (надо успеть первым среагировать на факт), вследствие превратно понимаемой «демократии» в отношении к языку и его нормам, своеобразного заигрывания с читателем (особенно – в отношении стилистических норм), общего несерьёзного отношения к языку и непонимания важности сохранения нормативных форм. Поэтому мы только надеемся, что всё-таки вернётся понимание истинной роли СМИ, в числе прочего фиксирующих и определяющих нормы литературного языка, и тексты будут более внимательно редактироваться:

«...подлинная борьба за высокую речевую культуру немыслима без тщательного объективного анализа всевозможных отклонений от литературной нормы» [13]. В рамках преподавательской практики мы считаем необходимым продолжать знакомить студентов с нормами современного русского литературного языка в нашем «классическом» представлении о них и требовать соблюдения данных норм хотя бы в образовательном процессе.

Библиографический список

1. Цицерон Марк Туллий. Об ораторе. М.: АСТ, 2019. 512 с.
2. Грибанская Е.Э. Речевой этикет: экология языка или тоска по прошлому // Образовательные технологии. 2017. № 3. С. 117–127 [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=30514265>. Дата доступа: 01.03.2023.
3. Секреты Меркель спасёт криптофон // Вести.ru [Электронный ресурс]. URL: <http://www.vesti.ru/doc.html?id=1152409>. Дата доступа: 01.03.2023.
4. Космонавты с факелом ОИ разместились в "Союзе" для полета на Землю // РИА Новости [Электронный ресурс]. URL: <http://ria.ru/sport/20131111/975873829.html>. Дата доступа: 01.03.2023.
5. Манеж принимает гостей // Новости РБК [Электронный ресурс]. URL: <http://top.rbc.ru/society/10/11/2013/887704.shtml>. Дата доступа: 25.02.2023.
6. Украли мечту: истории многодетных семей, которые стали заложниками приаэродромной зоны Курумоча // 63.ru [Электронный ресурс]. URL: <https://63.ru/text/realty/2021/03/02/69791153>. Дата доступа: 01.03.2023.
7. Можно ли материться в интернете? Разбираем спорный закон с юристами // 63.ru [Электронный ресурс]. URL: <https://63.ru/text/world/2021/03/11/69804866/>. Дата доступа: 01.03.2023.
8. Наши коллаидеры: как Россия развивает мегапроекты в науке // Новости РБК [Электронный ресурс]. URL: https://www.rbc.ru/technology_and_media/06/12/2022/638f49c69a794756b07b09ad. Дата доступа: 20.01.2022.
9. Украли мечту: истории многодетных семей, которые стали заложниками приаэродромной зоны Курумоча // 63.ru [Электронный ресурс]. URL: <https://63.ru/text/realty/2021/03/02/69791153>. Дата доступа: 01.02.2022.
10. Украли мечту: истории многодетных семей, которые стали заложниками приаэродромной зоны Курумоча // 63.ru [Электронный ресурс]. URL: <https://63.ru/text/realty/2021/03/02/69791153>. – Дата доступа: 01.02.2022.
11. Широкая Масленица // 63.ru [Электронный ресурс]. URL: <https://63.ru/text/spring/2021/03/05/69795260/>. Дата доступа: 05.03.2021.
12. Эстакаде быть? // 63.ru [Электронный ресурс]. URL: <https://63.ru/text/transport/2021/03/07/69799397/>. Дата доступа: 03.07.2021.
13. Крысин Л.П. Русское слово, свое и чужое: Исследования по современному русскому языку и социолингвистике. М.: Языки славянской культуры, 2004. 888 с.

ЯЗЫКОВАЯ ИГРА В ОБУЧЕНИИ РУССКОМУ ЯЗЫКУ
КАК ИНОСТРАННОМУ (УРОВЕНЬ А1-А2)

Н.А. Гриднева

*Самарский государственный технический университет
г. Самара, Российская Федерация*

В статье рассматриваются возможности использования языковой игры на начальном этапе обучения русскому языку как иностранному для более эффективного развития языковых и речевых навыков учащихся.

Ключевые слова: русский как иностранный (РКИ), уровень А1-А2, языковая игра, игровое обучение, креативное мышление.

Термин «языковая игра» (нем. Sprachspiel) был, как известно, предложен Людвигом Витгенштейном в его «Философских исследованиях» 1953 года. На данный момент под языковой игрой традиционно понимается особое речевое поведение, предполагающее осознанное нарушение языковых и речевых норм с целью повышения экспрессивности высказывания и порождения комического эффекта за счет актуализации скрытых эстетических ресурсов языка [1, с. 12; 3, с. 312; 5, с. 22; 8, с. 246; 9, с. 148; 12, с. 169].

Языковая игра обладает целым рядом функций – комической, развлекательной, эстетической, контактоустанавливающей, смыслообразующей и др. [2], что делает ее привлекательной и продуктивной, в частности, для языка художественной литературы и СМИ. Для лингводидактики ценность языковой игры обосновывается хотя бы тем, что целенаправленное манипулирование канонами, лежащее в ее основе, наилучшим образом иллюстрирует «работу» этих канонов и позволяет лучше их усвоить. Методисты также рассматривают возможности использования языковой игры в контексте разработки технологий креативного и игрового обучения. По их оценке, языковая игра может быть полезна не только для формирования языковой, речевой и лингвострановедческой компетенций, но также для развития у учащихся творческого (в частности, лингвокреативного) и ассоциативного мышления [4; 6; 7; 13].

Несомненно, в большинстве случаев понимание языковой игры предполагает достаточно высокий уровень владения языком, а также наличие фоновых знаний, в частности знание прецедентных текстов изучаемой лингвокультуры, которые нередко становятся предметом игровой интерпретации [11]. В связи с этим основное внимание методистов приковано к возможностям использова-

ния языковой игры на продвинутом этапе изучения языка. Между тем лингводидактический потенциал языковой игры позволяет эффективно использовать ее и в начинающей аудитории (уровень А1 – А2).

На начальном этапе, когда у учащихся формируется отношение к новому для них языку и к его изучению, а готовность к содержательному общению, которое традиционно составляет главный интерес в изучении языка, пока не сформирована, работа с языковой игрой может быть чрезвычайно полезной с точки зрения мотивации. Она дает хорошую возможность продемонстрировать красоту языка (ведь речь идет об актуализации через игру именно эстетических ресурсов языка), его богатство, а также обеспечить позитивный опыт непосредственного взаимодействия учащихся с русской лингвокультурой, что само по себе – тем более в условиях очень ограниченной работы с аутентичным контентом или даже полного ее отсутствия, что часто имеет место на начальном этапе, – может оказаться важным психо-эмоциональным фактором.

Актуальность языковой игры в начинающей аудитории связана также с теми задачами, которые могут быть решены посредством ее использования и которые особенно остро стоят именно на этом этапе. К таким задачам относится, например, развитие фонематического слуха. Работа с каламбурами, построенными на фонетико-графической близости двух слов (паронимов, паронимазов, омофонов, омографов), будет способствовать развитию необходимых навыков соотнесения графического (при предъявлении письменного текста) либо звукового (при предъявлении устного текста) образа лексической единицы с ее семантикой.

Образцы языковой игры подобного типа, которые могут быть использованы в начинающей аудитории (желательно в виде креолизованных текстов – с картинкой, упрощающей семантизацию используемых в текстовом фрагменте слов):

- *После календаря мая начнется календарь июня.*
- *Пиджак надень на день рожденья.*
- *По году ждем погоду.*
- *Почему ты второй день ешь только хлеб сухой? – Потому что супа уже нет.*
- *А на нас смотрит сладкий ананас. А на вас?*

Не менее востребованы тексты, обыгрывающие отдельные элементы слова. Они могут не только служить иллюстрацией некоторых словообразовательных моделей русского языка, но и способствовать развитию компенсаторных навыков, обращая внимание учащихся на внутреннюю форму слова, приучая их к работе с ней:

- *Все мужчины плавают, а женщины купаются, потому что мужчины носят плавки, а женщины – купальники.*
- *Папа, а у бабушки Клавы какое полное имя? Клавиатура?*

- *Парень зовет девушку: «Женя! Женечка! Женюсь!» Девушка: «Ой, согласна!»*
- *Читатели читают, а почитатели почитывают.*
- *Миндаль, минблизь* (визуальный компонент: миндаль «вдали» и «вблизь»).
- *Трикотаж* (визуальный компонент: три кота).

По мнению многих методистов, особую ценность использование языковой игры представляет для обучения лексике, которое, опираясь на «изучение системных свойств как неизменного и постоянного фактора», должно, тем не менее, учитывать и функциональные свойства слова, а они, в свою очередь, очень наглядно проявляются именно в языковой игре [10, с. 150]. В большинстве случаев речь идет об обыгрывании прямого и переносного (часто синтагматически (фразеологически) обусловленного) значений либо двух прямых значений одного слова. На начальном этапе работа с языковой игрой подобного типа может стать для учащихся интересным знакомством с идиомами русского языка и будет способствовать расширению их словарного запаса:

- *А ты – гибкий человек?* (визуальный компонент: гимнаст в интересной позе)
- *Счастье – это когда люди, которые тебе не подходят, к тебе не подходят.*
- *Папа, переведи мне 100 долларов! – One hundred dollars.*
- *Я в прекрасной спортивной форме. Правда, на животе она мне немного мала.*
- *Он держал меня за руку, а я его – за идиота.*
- *Мы долго болтали: она – языком, а я – ногой.*
- *Если ты встретил человека, который понимает тебя с полуслова, будь осторожен – ты скоро можешь разучиться грамотно строить предложения!*
- *Не сидите за компьютером! Сидите перед ним! Поверьте, так удобнее!*
- *Если есть домашние хозяйки, значит, есть и дикие.*
- *Сел на диету – и не смог встать.*

Знакомству учащихся с российской историей и культурой, необходимому для формирования социокультурной компетенции, может служить работа с языковой игрой, строящейся на базе прецедентных текстов либо отсылающей к российским социокультурным реалиям. Ввести в содержание обучения страноведческий компонент позволят, например, следующие образцы:

- *Объявление: «Сниму. Никита Михалков»*
- *Фотомонтаж: толстый лев у стены дома с табличкой «Улица Льва Толстого, 56» (текстовый фрагмент: В твоём городе тоже есть эта необычная улица?).*

- *Врачи прилетели* (визуальный компонент: фотомонтаж-интерпретация известной картины А. Саврасова).
- *Неспящая красавица* (визуальный компонент: девушка на ночной дискотеке).

Работа с языковой игрой в начинающей аудитории может быть организована по-разному. В большинстве случаев учащимся, конечно, требуется предварительное пояснение преподавателя, с каким явлением они имеют дело. Тогда их последующая работа будет сводиться к поиску ответа на вопрос, как эта игра организована. Заметим, что понимание языковой игры и, в частности выявление лежащих в ее основе механизмов, представляет собой когнитивную задачу – и в этом ее большая ценность. Работа может быть проведена в классе, где учащиеся получают нужную им помощь от преподавателя, либо задана на дом, так чтобы они, в случае необходимости, могли обратиться к словарям. Языковая игра может послужить хорошим введением в тему (например, можно предложить студентам целую тематическую подборку образцов), а также использоваться для отработки актуального лексико-грамматического материала либо даже на этапе контроля. Например, следующие образцы языковой игры могут быть задействованы при изучении темы «Еда»:

- *Соль жизни в том, что она не сахар.*
- *Если переборщишь с солью, то пересолишь борщ.*
- *Утром легко просыпается только сахар мимо чашки.*
- *Некоторые думают, что белое вино надо пить с рыбой. Это ошибка! Люди не должны пить с рыбами!*
- *Профессор студентам: «Почему опоздали?» Студенты: «Простите, была ужасная пробка! Очень долго не могли открыть вино!»*

Итак, как видим, языковая игра вполне может эффективно использоваться на начальном этапе обучения русскому языку как иностранному. Конечно, невысокий уровень языковой подготовки учащихся заметно усложняет работу преподавателя уже на этапе отбора материала. Тем не менее, при грамотном подходе к организации учебного процесса задания с языковой игрой в начинающей аудитории могут быть сколь интересны, столь же полезны.

Библиографический список

1. Гридина Т.А. Языковая игра: стереотип и творчество. Екатеринбург: Урал. ГПИ, 1996. 215 с.
2. Куранова Т.П. Функции языковой игры в медиаконтексте // Ярославский педагогический вестник. 2010. № 4, Т. 1. С. 272-277.
3. Матвеева Т.В. Учебный словарь. М.: Наука, 2003. 327 с.
4. Морозова А.Н., Малакович П.В. Языковая игра в англоязычных креолизованных текстах как материал для формирования лексических навыков // Поволжский педагогический вестник. 2018. Т. 6, № 2 (19). С. 56–63.
5. Норман Б.Ю. Игра на гранях языка. М.: Наука, 2006. 220 с.

6. Обухова Е.Е. Извлечение лингвокультурологического смысла языковой игры на занятиях по русскому языку в иностранной аудитории // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2007. Т. 12, № 33. С. 375–378.
7. Обухова Е.Е. Использование феномена «языковая игра» в практике преподавания РВП (продвинутый этап) // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2007. Т. 15, № 39. С. 340–342.
8. Санников В.З. Русский язык в зеркале языковой игры. М.: Языки русской культуры, 2002. 547 с.
9. Сковородников А.П. Игра как прием текстопорождения. Красноярск: КГПУ, 2010. 262 с.
10. Тищенко Н.Г. Лингводидактическое обоснование использования комических текстов на основе языковой игры в практике преподавания РКИ (лексический аспект) // Современное педагогическое образование. 2019. № 9. С. 150–155.
11. Фокина А.А. Русская языковая игра в восприятии инофонов // Сб-к: Текст. Исследования молодых ученых. 2021 год. Посвящается 80-летию филологического факультета МГУ им. М.В.Ломоносова. Москва, 2021. С. 144–152.
12. Цикушева И.В. Феномен языковой игры как объект лингвистического исследования // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И.Герцена. 2009. №90. С. 169-171.
13. Чэнь Н. Языковая игра как проявление лингвокреативности в преподавании русского языка как иностранного // Современный ученый. 2021. № 3. С. 201–205.

УДК 378 (37.013)

КОММУНИКАТИВНЫЙ КОД РАЗВИТИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ РЕЧИ ИНОСТРАННЫХ СТУДЕНТОВ-МЕДИКОВ В РАМКАХ СТИЛИСТИЧЕСКОЙ ТРАНСФОРМАЦИЯ ТЕКСТА

Н.В. Ефремова, Д.В. Панченко

*Волгоградский государственный медицинский университет
г. Волгоград, Российская Федерация*

Целью исследования является описание коммуникативных возможностей стилистической трансформации при обучении русскому как иностранному студентов-медиков. Актуальность темы связана с основной целью изучения РКИ в медицинском вузе – развитием профессиональной речи студентов.

Ключевые слова: коммуникативные навыки, коммуникативный код развития профессиональной речи, научный стиль речи, стилистическая трансформация текста, художественная проза о враче.

На занятиях русского языка как иностранного уделяется большое внимание развитию профессиональной речи студентов, что составляет основную цель изучения РКИ в медицинском вузе. «Профессия врача – одна из многих так называемых, контактных, соответственно, и требования к специалистам предъявляют особые» [7, с. 481]: им необходимо владеть научной терминологией, описывая заболевания на языке специальности, но также понимать разговорную речь пациентов и выстраивать ответные коммуникационные формы. Поэтому в содержание учебного курса могут входить как образцы конкретно-научной медицинской лексики (например, темы из учебника «Русский язык и научный стиль речи» [8]), так и примеры художественных произведений, устных сообщений разговорного плана, связанных с описанием того или иного заболевания – это будет способствовать совершенствованию умения проводить стилистическую трансформацию текстов, необходимую для повышения уровня владения иностранным языком. «О сформированности навыков можно говорить в том случае, если студент самостоятельно образует конструкцию по грамматическим правилам для решения коммуникативной задачи. Это должно производиться автоматически <...>, для чего необходимо многократно повторять данные конструкции на разнообразном лексическом материале» [6, с. 101].

Терминология – это неотъемлемая часть профессиональной речи врача. Поэтому важно включая в речевую практику модели разных стилей, анализируя и преобразовывая их.

Трансформационный метод – это «преобразование текста или его отдельных элементов, возникновение нового варианта, соотносительного со старым» [5, с. 79]. Стилистическая трансформация текста является необходимым коммуникативным умением иностранных студентов-медиков, так как формирует навыки речевого поведения в профессиональной ситуации как при устном общении с пациентами, так и при записи объективных данных в медицинскую карту.

Существует несколько видов трансформации: лексический, семантический, грамматический, прагматический и т.д. Однако в рамках нашей работы невозможно не затронуть лексический, грамматический и синтаксический уровни построения текста, потому что главным критерием для преобразования является точность выражения смысла, которая достигается за счет разнообразных языковых средств. Так, на лексическом уровне необходимо, например, вычленив элементы художественного или разговорного описания жалоб больного, заменив метафорические выражения на строго научную лексику. Морфологические особенности связаны с грамматиче-

ской сочетаемостью языковых единиц, а для синтаксиса характерно использование определенных конструкций.

В качестве примера сравним научное описание краниотомии с эпизодом из романа «Синухе, египтянин» Мика Валтари [2] и отрывком из исторической драмы Майкла Кертиса по мотивам данной книги – «Египтянин» (1954). Отметим, что в методическую составляющую занятия входит не только чтение текста, но и аудирование (происходящее при просмотре фильма) – таким образом, мы совмещаем разные виды речевой деятельности в ходе работы с темой. «Преобладание устной речи в системе упражнений предполагает как аудирование при предъявлении текстов, так и зрительное восприятие» [4, с. 111].

Цель стилистической трансформации текста, составляющего часть романного повествования о враче, – выявление лексико-синтаксических конструкций, описывающих субъективное состояние больного, методы диагностики, лечения, и преобразование их из художественной формы в форму научного сообщения. При трансформации важно не допустить смысловых искажений первичного текста, поэтому следует изменять формальные или незначительные содержательные элементы.

В процессе реализации междисциплинарной интеграции вполне логично использование стилистической трансформации текстов. С этим связано и обращение к роману, основанному на памятнике мировой литературы, рассказе о периоде правления египетских фараонов XX-XIX веков до нашей эры. Сюжет Мика Валтари перенесен в другую эпоху развития «колыбели цивилизации», а главный герой по задумке автора становится врачом, собравшим за время странствий по свету обширнейшие сведения о древнейших приемах лечения болезней. Этим и может быть интересен текст студентам, изучающим как историю медицины, так и методы современной хирургии на специальных циклах занятий.

В одной из глав молодой врач Синухе проводит трепанацию черепа. Данный вид хирургического вмешательства называется «краниотомия». Это «древняя нейрохирургическая операция, посредством которой в костях черепа производится отверстие, с целью доступа к тканям головного мозга и его оболочкам, сосудам, патологическим новообразованиям» [1, с. 7]. Предлагаем студентам найти в представленном художественном тексте лексико-синтаксические конструкции, описывающие симптомы больного и манипуляции врача, и подобрать синонимичные конструкции научного стиля в пособии по краниотомии [2][1][3].

Таблица лексико-синтаксических конструкций

Наименование	Художественный текст	Лексико-синтаксические конструкции в романе	Лексико-синтаксические конструкции научного стиля
Симптомы	И случилось так, что в дом присежух, где я жил, прибыл званый человек, жаждущий на беспрерывный шум в ушах, подобный шуму морского прибоя, на частую потерю сознания и жаркие головные боли, из-за которых он больше не хочет жить.	Человек, жаждущий на что	Жаждется на что (на сильный шум в ушах постоянного характера, эпизоды утраты сознания, сильные головные боли)
Диагностика	Я тщательно обследовал его голову, ощущая ее со всех сторон, но мои прикосновения не были для него болезненны и ни одно место на голове не вызывало подергиваний. Постучи молотком – посоветовал мне Калпак, – ты ведь ничего не чувствуешь. Сначала он не реагировал на мои прикосновения молотком, но вдруг ужасно вскрикнул, упал и потерял сознание. Так я нашел то место, где лучше всего вскрыть череп.	Обследовал что Ощущая что	Осматривает что (голову) Пальпирует что (голову) для определения уровня боли
Анестезия	Я крепко налил его вином, в которое влил пригущившие сладобоя, так что глаза его остановились, словно у дохлой рыбы.	Напоил чем	Пациенту провоздят что (ретинарную или общую анестезию)
Ход операции	Я добыл в храме Амона огонь, очистил им сам, очистил званного больного и все, что было в комнате. В самое светлое время дня я принялся за работу, подрезал кожу на голове и остановил обильное кровотечение раскаленным железом. Потом я со всей осторожностью, которую мне дозволяли имеющиеся у меня инструменты, вскрыл его череп, и он при этом не потерял сознания, стал глубоко дышать и сказал, что сразу почувствовал себя легче, как только я вынул часть черепной кости. Сердце мое возродилось, ибо именно в том месте, где я вскрыл череп, злой дух или дух болезни снес свое яйцо, как называл такие шишки Птахор, оно было красноватое, некривое и величиной с ласточкино яйцо. Со всем доступным мне искусством я повлек его, показав врачевателям, которые больше не смеялись, и овалил вокруг все, чем оно было соединено с мозгом. Отверстие в черепе я закрыл серебряной пластинкой и тщательно пришил на место кожу.	Очистил что чем Надрезал что Остановил что чем Вскрыл что Извлек что Закрыл что чем	Полынный участок операционного поля обрабатывается чем (антисептическим раствором). Выполняется что (разрез мягких тканей), рассечение чего (надкостницы). Часть черепной кости распиливается чем (специальной высокоскоростной дрелью) и удаляется. Хирург вскрывает что (твердую мозговую оболочку). Если есть опухоль, то хирург всасывает ее, тщательно коагулирует и перевязывает что (сосуды), которые могут стать источником кровотечения. Затем участок черепной кости закрепляется, хирург осматривает что (края разреза на коже), накладывает что (швы) и накрывает что (прооперированный участок) повязкой.

На следующем этапе работы студентам необходимо трансформировать текст романа в научную статью: используя выявленные конструкции, описать клиническую картину заболевания, методы диагностики и этапы операции. В качестве закрепления материала и совершенствования навыков устной речи студенты еще раз просматривают эпизод из фильма, но уже без звука и по частям, в которых демонстрируется подготовка и проведение операции, задавая друг другу вопросы. Например, что осматривает врач? Что пальпирует хирург? Какую анестезию проводят пациенту? Что используется при анестезии? Какой участок головы обрабатывается?

Рис. Кадр из фильма «Египтянин»

Таким образом, использование стилистической трансформации научных текстов «подготовит к чтению учебной литературы и участию в практических занятиях по анатомии» и хирургии [8, с. 4]. Так студенты смогут совершенствовать навык устной профессиональной речи, включающей в себя необходимую терминологию и грамматические конструкции научного стиля речи, к тому же вспомнят исторические основы современной медицины.

Библиографический список

1. Бывальцев В. А. Краниотомия : учебное пособие / В. А. Бывальцев [и др.] ; ФГБОУ ВО ИГМУ Минздрава России, кафедра нейрохирургии и инновационной медицины. Иркутск : ИГМУ, 2018. 88 с.
2. Валтари М. Синухе, египтянин. М., 2003. 460 с.
3. Гусев Е.И., Коновалов А.Н., Скворцова В.И. Неврология. М., 2009. 608 с.

4. Ефремова Н. В. Пересказ как часть работы над научным медицинским текстом // Сборники конференций НИЦ Социосфера. 2016. № 38. С. 110-112.
5. Жеребило Т. В. Словарь лингвистических терминов. Назрань: Пилигрим, 2010. 486 с.
6. Кудрявцева И. И. Обучение профессиональному общению на занятиях по научному стилю речи студентов-стоматологов / И. И. Кудрявцева, Н. А. Томиленко // Образование. Культура Сборник научных трудов по материалам XII Всероссийской научно-практической электронной конференции с международным участием, посвященной 83-летию КГМУ. 2018. С. 98-103.
7. Фатеева Ю. Г. Овладение навыками профессиональной речи на уроках русского как иностранного (для студентов медицинских вузов) // Международное образование и сотрудничество. Сборник материалов V Международной научно-практической конференции. МАДИ, 2017. С. 480-483.
8. Фомина Т. К. Русский язык и научный стиль речи. Часть 1: Учебно-методическое пособие для иностранных студентов / О.Н. Алтухова, О.П. Игнатенко, А.Н. Стаценко, Н.В. Гончаренко. Волгоград, 2016. 108 с.

УДК 378.4

РЕАЛИЗАЦИЯ ИСТОРИЧЕСКОГО ПРИНЦИПА ОБУЧЕНИЯ В СОВРЕМЕННЫХ ШКОЛЬНЫХ УЧЕБНИКАХ ПО РУССКОМУ ЯЗЫКУ

О.В. Чаусова

*Самарский национальный исследовательский университет
имени академика С.П. Королева
г. Самара, Российская Федерация*

В статье анализируется вопрос о систематическом подходе в реализации исторического принципа преподавания русского языка в учебниках для общеобразовательных учреждений, дан методический комментарий к материалам учебников под редакцией М.Т. Баранова и А.Д. Шмелева. Автор утверждает, что обращение к фактам из истории языка не может быть факультативным, так как создает систему взглядов учащихся на русский язык как национальное достояние, обладает сильнейшим воспитательным влиянием на формирующуюся личность.

Ключевые слова: методика преподавания русского языка, исторический принцип в преподавании языка, школьный учебник по русскому языку.

Общеизвестно, что программы школьного курса русского языка ориентированы в первую очередь на изучение русского литературного языка в современном его состоянии. В связи с этим принципиально важным представляется вопрос об отборе учебного содержания, включении в программы и учебники материалов, связанных с историей языка. В советский период такой подход отвечал особому критерию отбора программного и дидактического материала и реализовывался как исторический принцип в преподавании. В методике преподавания русского языка исторический принцип традиционно относят к общепедагогическим принципам преподавания. Анализ вузовских учебников по методике преподавания русского языка в школе (М.Т. Баранов, Н.А. Ипполитова, Т.А. Ладыженская, М.Р. Львов; Е.И. Литневская, В.А. Багрянцева; Т.М. Воителева; Е.В. Архипова, Т.М. Воителева, А. Д. Дейкина) показал, что при рассмотрении принципов обучения языку исторический принцип (вопрос о различении синхронии и диахронии) упоминается только в учебниках М.Т. Баранова и др. и Е.И. Литневской, В.А. Багрянцевой. Между тем при рассмотрении изучаемых в школе языковых явлений ученик должен не только уяснить некую сумму языковых понятий и категорий, приобрести важные языковые и коммуникативные знания и умения, получить ряд компетенций, но и четко понимать родной язык как развивающееся явление, имеющее свои корни и историю. Очевидно, что не следует сегодня считать исторический принцип ведущим в преподавании русского языка в школе, однако учителю и методисту важно понимать, что сведения из истории языка не только представляют собой набор интересных фактов, но и являются мощным стимулом в развитии интереса к учебному предмету, обладают большим развивающим потенциалом. Ф.И. Буслаев утверждал, что «только сравнительное изучение языков дает истинное и ясное понятие о законах языка, и только историческое исследование генетически объясняет, почему так, а не иначе употребляем мы ту или другую форму» [1, с. 68].

Исторический принцип и структурно-семантический метод в преподавании русского языка рассматривается как важная составляющая историко-семантического подхода в обучении русскому языку в трудах выдающихся отечественных методистов XX – XXI века (М.Т. Баранов, Л.П. Федоренко, Н.М. Шанский, З.А. Потиха, Т.К. Донская, А.Д. Дейкина, Т.К. Донская, С.И. Львова, Т.М. Пахнова, и др.). Важно отметить, что во многом истоком данных работ были труды профессора ЛГПИ им А.И. Герцена Е.Н. Петровой, концепция взглядов которой на историко-семантический подход в обучении русскому языку изложена в статье В. С. Сипан [6].

Первым школьным учебником по русскому языку с историческими комментариями к отдельным явлениям лексики и грамматики современного русского литературного языка стал учебник С.Г. Бархударова под редак-

цией Л.В. Щербы (1944). Интересным и полезным для учителя стало пособие В.В. Иванова и З.А. Потихи «Исторический комментарий к школьному курсу русского языка» (1985).

Рассмотрим, как реализуется исторический принцип преподавания русского языка в современных школьных учебниках. В качестве иллюстрации возьмем линейку стабильных учебников (под ред. Н.М. Шанского, авторы М.Т. Баранов, Т.А. Ладыженская и др.) и учебный комплекс под редакцией А.Д. Шмелева (авторский коллектив А.Д. Шмелев, Э.А. Флоренская, Л.О. Савчук, Е.Я. Шмелева). Традиционно сведения из истории языка, исторический комментарий наиболее последовательно применяются в преподавании таких разделов школьного курса как Лексика, Фразеология, Морфемика и словообразование, Орфография.

В школьной программе по русскому языку М.Т. Баранова данные разделы изучаются в 6 классе [2]. Анализ материалов учебника показал, что исторический принцип реализуется в нескольких направлениях:

- в заданиях, предполагающих подготовку сообщений или устных высказываний об истории возникновения слов и выражений;
- подборе дидактического материала к упражнениям;
- работе по этимологическому словарю.

Так, в рамках изучения фразеологии учащимся предлагается ответить на вопрос о возникновении фразеологизмов *прокрустово ложе*, *манна небесная*, *тришкин кафтан*. При выполнении задания ученики должны подготовить сообщение (упр. 186). При изучении раздела «Словообразование. Орфография. Развитие речи» шестиклассникам предлагается подготовить устные высказывания о происхождении слов *работа*, *привередливый*, *обворожить* (упр. 224).

Интересен подбор дидактического материала к ряду упражнений:

– на примере значений многозначного слова журавль рассматривается происхождение данной лексемы (*журавль* – колодезь и *журавль* – птица; упр. 111);

– в рамках изучения устаревших слов и их стилиобразующей роли в художественном тексте дано упр. 175, в дидактическом материале которого встречаем лексемы *княжич*, *светлица*, *иеромонах*, *псалтырь*, *харатья*; учащимся предлагается ответить на вопрос, являются ли данные лексические единицы устаревшими или стилистически маркированными;

– традиционно при изучении устаревших слов в качестве дидактического материала дано стихотворение А.С. Пушкина «Пророк», на материале которого учащимся предлагается определить лексическое значение слов *персты*, *зеницы*, *вещий*, *глас*, *виждь*, *внемли*, *глагол* и порассуждать об употреблении таких слов в художественном тексте;

– интересен, на наш взгляд, текст к упр. 208, где на примере лексем *улитка – улей – улица* ученики узнают об исторических изменениях в составе слова; примечательно, что данная информация представлена как справочная, в рамках данного упражнения учащиеся выполняют задание орфографического характера;

– о происхождении слов, однокоренных со словами *копейка (копьё), колесо (кольцо, кольчуга), лопата (лопух)* ученики узнают из дидактического материала к упр. 222.

Знакомство с этимологическим словарем (§7 раздела «Словообразование. Орфография. Культура речи») предполагает введение понятия этимология и работу со школьным этимологическим словарем под редакцией Н.М. Шанского и Т.А. Бобровой.

В целом при анализе материалов учебника, направленных на реализацию исторического принципа в преподавании русского языка, в разделе «Лексикология. Фразеология. Культура речи» и «Повторение» (учебник 6 класса) нами выявлено 7 упражнений из 92 и в разделе «Словообразование. Орфография. Культура речи» – 6 упражнений из 86, что в среднем составляет 7% от общего количества.

В программе под редакцией А.Д. Шмелева разделы «Лексикология. Фразеология. Морфемика. Словообразование. Правописание» представлены рассредоточенно в виде модулей, объединенных общим направлением «Система языка». Рассмотрим модули с данным содержанием в линейке учебников с 5 по 7 класс [3, 4, 5] и определим, в каких формах и насколько последовательно в заданиях, дидактическом материале упражнений реализуется исторический принцип в преподавании языка.

Анализ материалов учебника показал, что исторический принцип реализуется в нескольких направлениях:

- в виде иллюстративного дидактического материала к упражнениям;
- в интересной рубрике «Лингвистическая кладовая», представляющей собой связный текст лингвистического характера;
- в информации справочного характера о деятельности ученых-лингвистов;
- в специальных разделах-главах «Как изменяются языки?», «Как появился русский литературный язык?», «Как связана история народа и история языка?», «Как лингвисты изучают историю языка?».

Особое внимание хотелось бы обратить на рубрику «Лингвистическая кладовая», в которой помещены тексты лингвистического характера. Так, например, в учебнике 5 класса в рамках раздела «Морфемика. Словообразование» в указанной рубрике представлен интересный иллюстративный материал об истории приставок *пра-, па-, су-*. На понятных пятиклассникам примерах авторы рассказывают о судьбе этих приставок в современном

русском языке. На данный лингвистический материал ученики должны опереться при выполнении следующего за ним упражнения тестового характера. В разделе «Правописание» в рамках параграфа «Беглые гласные» в рассматриваемой рубрике представлена справочная информация о редуцированных в древнерусских словах и о роли букв ь и ѣ в современном русском языке.

Хотелось бы особое внимание обратить на то, что в состав модуля включен параграф «Варианты морфем», в котором представлены корни с чередованием гласных (в том числе чередование гласных с нулем звука типа *сон – сна*) и чередованием согласных, но данный материал, к сожалению, не сопровождается историческим комментарием, который в данном аспекте мог бы быть полезным и интересным для учащихся.

В целом при анализе материалов рубрики «Лингвистическая кладовая» нами были получены следующие данные о количественном составе данных текстов и помещенных в них материалов, направленных на реализацию исторического принципа в преподавании русского языка: в учебниках 5 класса общее количество текстов в рубрике «Лингвистическая кладовая» составляет 20 единиц, из них материалов, посвященных истории языка, – 9 (45%); в учебниках 6 класса общее количество текстов лингвистического характера – 23, из них по истории языка – 8 (35%); в учебниках 7 класса общее количество текстов в рассматриваемой рубрике – 13, из них по истории языка – 4 (31%). В среднем можно считать, что количество текстов, содержащих информацию из истории языка, в рубрике «Лингвистическая кладовая» составляет 37%. При этом введение таких сведений производится систематически.

В качестве дидактического материала, который предполагает исторический комментарий на уроке, традиционно используется стихотворение «Пророк» А.С. Пушкина, текст которого в учебнике под редакцией А.Д. Шмелева используется для организации наблюдений учащихся за лексическим составом языка с точки зрения его происхождения, становится поводом для обращения учащихся к толковому словарю и возможностью поразмышлять на тему, можно ли считать старославянизмы заимствованными словами.

Исторический принцип в преподавании языка реализуется в учебнике 7 класса из линейки учебников под редакцией А.Д. Шмелева еще и в форме информации справочного характера о деятельности ученых-лингвистов. Так, в виде отдельных текстов, в заданиях к упражнениям, в виде дидактического материала к упражнениям представлен материал о работах таких известных исследователей, как А.А. Шахматов, Е.А. Земская, Б.А. Ларин, М.В. Панов и др. Материал такого рода не только «воспитывает любовь и уважение к науке», но и способствует выработке лингвистического научно-

го мировоззрения, формированию взгляда на родной язык и воспитанию у школьников нравственных человеческих качеств» (В.Д. Янченко) [7].

Оригинальным методическим ходом авторского коллектива учебников по русскому языку под редакцией А.Д. Шмелева, на наш взгляд, является включение в содержание учебника 7 класса материалов по истории русистики в специальных разделах-главах «Как изменяются языки?», «Как появился русский литературный язык?», «Как связана история народа и история языка?», «Как лингвисты изучают историю языка?» (главы 4–7 учебника).

Данные материалы рассказывают учащимся о происхождении русского языка, изучении памятников письменности (берестяных грамот, Новгородского кодекса, Остромирова Евангелия и т.п.), истории возникновения азбуки, о роли церковнославянского языка в формировании русского литературного языка, исторических изменениях в лексике, о предмете изучения исторической лингвистики (о сравнительно-историческом методе в языкознании). Примечательно, что в качестве дидактического материала упражнений при изучении данных тем используются отрывки из работ А.А. Шахматова, К.И. Чуковского, Ю.М. Лотмана, А.А. Зализняка, Г.А. Хабургаева и др.

Таким образом, можно утверждать, что в учебном комплексе под редакцией А.Д. Шмелева реализация исторического принципа преподавания ведется последовательно, авторами найдены интересные формы предъявления материала из истории языка не только в форме дидактического материала к упражнениям, но и в виде текстов лингвистического характера в рубрике «Лингвистическая кладовая» и в рамках специальных разделов – глав, ориентированных на формирование лингвистического мировоззрения учащихся.

В заключение необходимо подчеркнуть, что современному учителю русского языка важно понимать, что обращение к фактам из истории языка не может быть факультативным, так как помогает учащимся глубже понять процессы, происходящие в современном языке, последовательно создает систему взглядов учащихся на русский язык как национальное достояние, оказывает сильнейшее воспитательное влияние на формирующуюся личность.

Библиографический список

1. Буслаев Ф.И. О преподавании отечественного языка / вст. ст., ред. и комм. проф. Е.Н. Петровой. М.: Гос. Учпедгиз, 1941.
2. Русский язык. 6 класс. Учеб. для общеобразоват. организаций. М.: Просвещение, 2019.
3. Русский язык: 5 класс: учеб. для учащихся общеобразоват. организаций. М.: Вентана-Граф, 2013, 2016.

4. Русский язык: 6 класс: учеб. для учащихся общеобразоват. организаций. М.: Вентана-Граф, 2016, 2017.
5. Русский язык: 7 класс: учеб. для учащихся общеобразоват. организаций. М.: Вентана-Граф, 2018.
6. Сипан В. С. Историко-семантический подход к обучению русскому языку как закономерный этап в отечественной методике XX века // Русистика. 2010. №2. - URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/istoriko-semanticheskiy-podhod-k-obucheniyu-russkomu-yazyku-kak-zakonomernyy-etap-v-otechestvennoy-metodike-xx-veka>
7. Янченко В.Д. Взгляд на принцип историзма и его роль в преподавании русского языка в средней школе // МИРС. 2007. № 1-2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vzglyad-na-printsip-istorizma-i-ego-rol-v-prepodavanii-russkogo-yazyka-v-sredney-shkole>

УДК 811.161.1

ПРОБЛЕМЫ ОБУЧЕНИЯ МАГИСТРАНТОВ ОСНОВАМ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ

Н.А. Чернявская

*Самарский национальный исследовательский университет
имени академика С.П. Королева
г. Самара, Российская Федерация*

В статье рассматриваются проблемы, связанные с лингвоправовой квалификацией диагностических признаков речевых правонарушений. На основе юридических и лингвистических источников и экспертных материалов автора анализируются разные подходы к истолкованию понятий *порочащие сведения, неприличная форма, фактуальная информация, скрытые смыслы* в аспекте профессиональной подготовки магистрантов филологического профиля.

Ключевые слова: лингвистическая экспертиза, речевое правонарушение, спорный текст, порочащие сведения, неприличная форма.

Компетентностный подход современной системы отечественного образования предполагает внедрение в вузовскую практику профессионально ориентированных учебных дисциплин. Одной из таких дисциплин является «Теория и практика лингвистической экспертизы», реализуемая при обучении магистрантов направления подготовки 45.04.01 «Филология». В результате освоения дисциплины у студентов должна быть сформирована система необходимых лингвоправовых знаний и выработаны устойчивые

навыки профессионального экспертного анализа спорных текстов и составления лингвистических заключений. Между тем в этой сфере остается нерешенным множество проблем, поскольку лингвоэкспертная деятельность обрела свою актуальность сравнительно недавно, в 90-х годах XX века.

Показательно, что до сих пор нет единого, общепризнанного обозначения этой научно-прикладной отрасли профессиональной деятельности. Ведущие лингвисты-эксперты предлагают разные термины в качестве ее наименования: юрислингвистика (Н.Д. Голев), лингвокриминалистика (М.А. Грачев), судебное речеведение (Е.И. Галяшина), лингвистическая экспертиза (А.Н. Баранов). Отметим, что наибольшее распространение получил термин *юрислингвистика*, который охватывает широкий спектр взаимоотношений языка и права [4].

Основной задачей лингвоэкспертной деятельности является исследование спорного текста на предмет наличия в нем признаков речевого правонарушения либо – шире – с целью разрешения спора при толковании его смысла. В настоящее время УК, ГК и КоАП РФ содержат более двадцати статей, посвященных речевым правонарушениям: это угроза, клевета, нарушение авторских прав, призывы к террористической деятельности, оправдание или пропаганда терроризма, призывы к экстремистской деятельности, возбуждение идеологической, расовой, национальной, религиозной ненависти или вражды, провокация взятки, оскорбление, пропаганда наркотических и психотропных веществ и другие. Причем их состав пополняется – так, в 2022-2023 гг. была введена уголовная ответственность за призывы к санкциям, призывы к нарушению территориальной целостности РФ, дискредитацию Вооруженных Сил РФ [13]. Очевидно, что при внедрении в учебный процесс требуется некое укрупнение этого перечня, поскольку время, отведенное на освоение дисциплины, ограничено. В то же время нельзя не учитывать, что каждая разновидность экспертизы требует особой методики проведения. Поэтому при подготовке и реализации учебной дисциплины мы сосредоточили внимание на тех правонарушениях, которые наиболее часто становятся объектами лингвистических экспертиз, – это унижение чести и достоинства, умаление деловой репутации; оскорбление; угрозы; призывы к экстремистской деятельности; тождество до степени смещения коммерческих наименований. На основе юридической дефиниции каждого правонарушения мы вычленили комплекс его диагностических признаков, знакомили студентов с системой маркирующих его языковых средств, методами экспертного анализа и отработывали навыки составления лингвистических заключений на материале конкретных конфликтных высказываний. Отметим, что некоторые темы приходилось сопровождать комментариями относительно некорректности правовой нормы и / или разного ее истолкования лингвистами-экспертами.

В первую очередь, ряд вопросов вызывает юридическая квалификация понятия «порочащие сведения». Официальная дефиниция этого понятия содержится в Постановлении Пленума Верховного суда от 24 февраля 2005 года. Однако предлагаемое определение небезупречно, на что обратили внимание многие лингвисты-эксперты. Согласно Постановлению, «порочащими являются сведения, которые содержат утверждения о нарушении гражданином или юридическим лицом действующего законодательства, совершении нечестного поступка, неправильном, неэтичном поведении в личной, общественной или политической жизни, недобросовестности при осуществлении производственно-хозяйственной и предпринимательской деятельности, нарушении деловой этики или обычаев делового оборота» [10]. Таким образом, порочить человека может только информация о том, что он нарушил юридические или этические нормы, **не** признается порочащей информация о финансовой несостоятельности, непрофессионализме, умственных недостатках и внешних данных. Между тем реальные контексты, содержащие подобную информацию, обладают мощным дискредитирующим потенциалом: *Концерт можно было бы назвать удачным, если б не нелепые прыжки дирижера*¹; *Главный редактор Челно-Вершинской районной газеты «Авангард» любит разглаговльствовать под рубрикой «Колонка редактора»*; *Безграмотность редактора сочетается с творческим апломбом*; *Долги Попова огромны, и отдать их он не сможет*.

Эксперты давно говорят о том, что формулировки Постановления необходимо скорректировать, большинство из них расширяют перечень порочащих признаков. Так, Г.В. Кусов утверждает, что «подчеркивание в речи физических или умственных недостатков личности снижает ее социальную привлекательность для окружающих и, следовательно, наносит урон ее социальному статусу» [8, с.50]. Информация о финансовой несостоятельности юридического лица (при условии несоответствия действительности) в экспертной практике также признается порочащей, поскольку свидетельствует либо о непрофессионализме его руководителей, либо о нарушении ими принципов деловой этики и действующего законодательства [14]. Соответственно, должен быть расширен состав языковых средств, причастных к передаче порочащей информации. Это лексика с семантикой нарушения юридических норм: *вор, коррупционер, мошенник, аферист, уголовщина, штраф, подкуп, подделка, угрозы, расправа, обирать, грабить*; нарушения моральных норм: *обманщик, хам, врать, скандалить, наглость, беспринципность, непорядочность, бессовестный, циничный*; финансовой несостоятельности: *задолженность, долги, убытки, банкротство, кредиторы*; профессиональной некомпетентности: *дилетант, профан, невежда, неопытный, неграмотный* и т.п.

¹ Здесь и далее все примеры взяты из экспертной практики автора.

При анализе высказываний, направленных на унижение чести, достоинства и умаление деловой репутации, возникают и другие, уже собственно лингвистические проблемы. В квалификации распространяемых сведений как порочащих определяющую роль играет традиционное противопоставление мнения и утверждения о факте. Лингвистическими маркерами субъективности являются модально-оценочная лексика, вводные слова и конструкции, формы будущего времени и др. Однако, зная об этом, субъект речи часто намеренно вводит в высказывание технические, формальные маркеры мнения – с целью дискредитировать героя публикации и избежать ответственности. Ср.: *Позиции в бизнесе у него, по мнению аналитиков, значительно пошатнулись; Были предположения, что он мог повлиять на ход расследования уголовного дела. В итоге дело было закрыто; Мы не будем сейчас пересказывать слухи о домах, яхтах и прочих видах капитализации возможностей, которые Виктору Попову принесло управление средствами жильцов тысячи многоквартирных домов; Есть подозрения, что деньги были не все личные, среди них могли оказаться и вполне бюджетные.* Представляется, что норма нуждается в корректировке и в этом случае. Целесообразно противопоставлять не утверждение и мнение, а фактологическую, т.е. событийную, и нефактологическую информацию. Высказывания *Иванов украл телефон* или *Я считаю, что Иванов украл телефон* (последнее – независимо от формального маркера мнения) – содержат фактуальную информацию, которую можно проверить на соответствие действительности. Как отмечает Г.С. Иваненко, в подобных случаях «и с вводным словом, и без него информация является событийной по своей природе, то есть она отражает конкретные явления действительности, которые могут быть выражены в физических показателях (место, время, характер действия)» [6, с.193].

Применительно к формам будущего времени, на наш взгляд, нужно различать такие интенции, как прогнозирование и приписывание. Высказывание *Завтра будет дождь* демонстрирует прогнозирование, предположение вероятности предстоящих событий. Высказывания *Он положит эти деньги себе в карман* или *Такой мэр будет только воровать* представляют собой приписывание – наделение объекта некими потенциальными характеристиками: человеку приписывается склонность к противоправным деяниям – он может нарушить закон. В таких субъективных высказываниях усматривается скрытое утверждение – в настоящий момент названное лицо обладает неблагоприятными, криминогенными качествами.

Еще одна проблема – неоднозначное отношение лингвистов-экспертов к образным высказываниям, метафорам и фразеологизмам: *Он на редкость скользкий тип; Она плетется в хвосте вторых скрипок; Однажды об-*

щался с директором – полное *дерево*; За атаками «буйных» общественников *торчат уши* Подборонова, и его прямой коммерческий интерес: вернуть себе рынок снабжения школ и детсадов; В цирке под названием ЖКХ г. Тольятти, он уже четверть века является центральной фигурой. Мэры (читай – директора цирка) менялись, а он оставался *лицом* этого балагана: невозмутимо показывал свои коммунальные фокусы. Одни эксперты утверждают, что в силу своей экспрессии и образности содержание подобных высказываний не поддается верификации – их нельзя проверить на соответствие действительности. Другая точка зрения заключается в том, что метафору нельзя понимать буквально, она является семантически многоплановой. Кроме образного компонента, такие средства содержат и денотативный, фактуальный компонент – нарушение героем публикации моральных норм, принципов деловой этики, его непрофессиональные качества. Если оценочная составляющая образных единиц субъективна и недоказуема, то денотативная составляющая вполне доказуема [7].

Применительно к оскорблению споры вызывает интерпретация его ключевого признака – понятия *неприличная форма*. Комментарий к КоАП РФ гласит: «Объективная сторона оскорбления заключается в действиях, которые унижают честь и достоинство определенного лица в неприличной форме (циничной, противоречащей установленным правилам поведения, требованиям общечеловеческой морали)» [8]. Как видим, в этом комментарии одно понятие трактуется через другое, близкое понятие: неприличный значит циничный. Никакие более четкие критерии неприличной формы не прописаны. Соответственно, в экспертной практике можно наблюдать узкий и широкий подходы к пониманию этого диагностического признака. Представители узкого подхода – И.А. Стернин, И.А. Ярощук, Н.А. Жукова, М.Б. Ворошилова – относят к неприличной форме только нецензурную лексику, т.е. мат. По мнению И.А. Стернина, «если человека под влиянием негативной эмоции назвали общеоценочным словом типа *козел*, *тварь*, *урод*, *придурок*, значением этого слова ему не приписаны какие-либо нарушения норм морали или законов, и подобные случаи не подлежат правовому регулированию» [12, с.403].

Большее распространение получил широкий подход. Его представители – А.Н. Баранов, М.В. Горбаневский, Е.И. Галяшина, Ю.А. Бельчиков, Г.С. Иваненко – считают, что оскорбительным является не только мат, но и другие разряды русской лексики. Это грубая просторечная и жаргонная лексика, которая либо отсутствует в нормативных словарях, либо дается с пометой «бранное»: *сволочь*, *сука*, *тварь*, *урод*, *шлюха*, *шалава*, *чмо*, *чепушило* и под.; лексика с семантикой физиологического низа; зоометафоры: *кобель*, *кобыла*, *корова*, *козел*, *баран*, *осел*, *свинья* и др.; сознательная де-

формация имени собственного, в результате которой имя приобретает негативное, курьезное или оскорбительное звучание: *Полит Фарфоров, Кадырятник, Бузяндра* и под. К сожалению, отсутствие единства среди профессионалов свидетельствует, что исход судебного разбирательства во многом зависит от позиции эксперта, анализирующего спорный текст. Нередко в суде сталкиваются противоположные экспертизы. Добавим, что и на специализированных юридических сайтах, где люди задают вопросы – будет ли оскорблением, например, слово *овца* или слово *мразь*, – они получают диаметрально противоположные ответы от юристов [15].

Что касается других речевых правонарушений, в частности угроз и призывов к экстремистской деятельности, то их диагностические признаки и средства прямого выражения, как правило, трудностей не вызывают. Это преимущественно семантика агрессивности, направленность в будущее, условные или побудительные конструкции: *Я тебя всё равно найду и урою; Еще раз припаркуешься у моей двери – разрисую машину звездам; У нас очень длинные руки. Тебе необязательно быть в России, чтобы мы тебя уgomонили.* Однако сложность представляет выявление и интерпретация скрытых или косвенных форм выражения угрозы, когда потенциальный правонарушитель маскирует свои намерения. Скрытая или косвенная угроза не содержит эксплицитных маркеров причинения вреда, она носит неконкретный характер и может выражаться с помощью лексем с речевой или ментальной семантикой, семантикой ответной реакции адресата: *Не стоит нас недооценивать; Не надо со мной / с нами шутить; Некто / нечто тебе не поможет; Ты еще вспомнишь обо мне; Мы поговорим с вами по-другому; Советую тщательно подбирать слова; Вы хотите проблем?* и под. Мы обращаем внимание студентов на две методики, применяемые при проведении лингвистических экспертиз в таких случаях. Это, во-первых, ассоциативный эксперимент, предполагающий вопросы о понимании носителями языка смысла спорной фразы, и, во-вторых, обращение к Национальному корпусу русского языка, где спорное высказывание помещено в откровенно агрессивный контекст. Обе методики имеют целью доказать, что та или иная завуалированная фраза приобрела устойчивый, клишированный характер и в русском языковом сознании закрепились за речевым актом угрозы.

Прямая форма выражения призыва с использованием побудительных конструкций также не вызывает трудностей. Но часто скрытый или косвенный призыв, программирующий поведение адресата, содержится в формально повествовательном или вопросительном предложении: *Люди, вы имеете право на протест; Настал час прекратить этот беспредел; Пришло время действовать; Единственный выход / лучший шаг – про-*

тест; *Сколько можно терпеть унижения?* Для извлечения скрытого смысла текста в таких случаях исследователи вводят понятия *речевая импликатура* [2] или *рецептивная схема* [1; 11], основанные на принципе равнозначности эксплицитной и имплицитной информации. Например, напоминание кому-либо, что некто имеет оружие, равнозначно призыву к его использованию. Указание на правильность или своевременность совершения действия также означает призыв к этому действию.

Таким образом, сложность проблем лингвоэкспертной деятельности связана с тем, что они находятся на пересечении языка и права. Нормы закона зачастую формулируются небрежно и неоднозначно, без привлечения лингвистов. Но и лингвистика пока еще не готова к рекомендациям юридического характера. Нельзя не сказать и о смысловой неоднозначности большинства спорных высказываний, которые нередко демонстрируют столкновение прямого, буквального и имплицитного, «затекстового» смысла и всевозможные технические уловки субъекта речи, маскирующие его истинные намерения. Чтобы исключить произвольное толкование спорных текстов, необходимо выработать единые критерии экспертной оценки, начиная с точных формулировок речевых правонарушений, их диагностических признаков и заканчивая системой прямых и косвенных средств выражения, отраженных в специализированных юрислингвистических словарях.

Библиографический список

1. Баранов А.Н. Лингвистическая экспертиза: теоретические основания и практика. М., 2007.
2. Булыгина Т.В., Шмелев А.Д. Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики). М., 1997.
3. Галяшина Е.И. Судебное речеведение. М., 2023.
4. Голев Н.Д. Юрислингвистика. Вводный очерк теории. Кемерово, 2021.
5. Грачев М.А. Лингвокриминалистика. Нижний Новгород, 2009.
6. Иваненко Г.С. Объективная и субъективная информация в контексте лингвистического исследования по процессам о защите чести и достоинства // Юрислингвистика-10: Лингвоконфликтология и юриспруденция. Кемерово; Барнаул, 2010. С.191-197.
7. Иваненко Г.С. Утверждение о факте: форма и содержание // Юрислингвистика: судебная лингвистическая экспертиза, лингвоконфликтология, юридико-лингвистическая герменевтика – 2012: материалы интернет-конференции. URL: <https://siberia-expert.ucoz.ru/forum/18> (дата обращения 28.03.2023).
8. Кодекс об административных правонарушениях РФ: действующая редакция с комментариями. URL: <https://stkoaprf.ru/5-61> (дата обращения 28.03.2023).

9. Кусов Г.В. Коммуникативная перверсия как способ диагностики искажений при оскорблении // Юрислингвистика-6: Инвективное и манипулятивное функционирование языка. Барнаул, 2005. С.43-55.
10. Постановление Пленума Верховного суда РФ от 24 февраля 2005 года №3 «О судебной практике по делам о защите чести и достоинства граждан, а также деловой репутации граждан и юридических лиц». URL: <https://www.vsrfl.ru/documents/own/8288/?ysclid=lfvcvdf56t23479908> (дата обращения 28.03.2023).
11. Стернин И.А. Анализ скрытых смыслов в тексте. Воронеж, 2011.
12. Стернин И.А. Речевое (бытовое) и «юридическое» оскорбление // Юрислингвистика-11: Право как дискурс, текст и слово. Кемерово, 2011. С.398-403.
13. Уголовный кодекс РФ от 13.06.1996 № 63-ФЗ (с изм. от 15.03.2023). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/?ysclid=lfqwvh2aiq335930106 (дата обращения 28.03.2023).
14. Цена слова: Из практики лингвистических экспертиз текстов СМИ в судебных процессах по защите чести, достоинства и деловой репутации / Под ред. проф. М.В. Горбаневского. М., 2002. URL: <http://www.gdf.ru/library/item/4/49> (дата обращения 28.03.2023).
15. Юридическая социальная сеть. URL: <https://www.9111.ru/questions/12487682/> (дата обращения 28.03.2023).

Научное издание

Актуальные проблемы лингвистики XXI века

Сборник научных статей,

*посвященный юбилею Людмилы Борисовны Карпенко,
доктора филологических наук, профессора*

Публикуется в авторской редакции

Художественный редактор,
титольное редактирование *Л. В. Крылова*
Подготовка оригинал-макета *Т. А. Мурзиновой*

Подписано в печать 19.05.2023. Формат 60x84/16.
Бумага офсетная. Печать цифровая.
Усл.-печ. л. 15. Уч.-изд. л. 16. Тираж 100 экз. Заказ № 0521

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего образования «Самарский национальный исследовательский
университет имени академика С.П. Королева» (Самарский университет)
443086, Самара, Московское шоссе, 34.
Центр периодических изданий

Самарская гуманитарная академия, 443011, Самара, ул. 8-я Радиальная, 31.

Отпечатано с готового оригинал-макета в цифровой типографии ООО «Прайм»
443544, Самарская обл., Волжский р-н, с. Курумоч, ул. Полевая, 49.